Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 6

2017

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Гюльшан ТОФИГГЫЗЫ. *Рассказы* 6
Елизавета КАСУМОВА. **Кошка на бортике бассейна.** *Рассказ* 55
Игорь РЕВВА. **Секретный рецепт.** *Рассказ* 69
Эльхан АХМЕДОВ. **Дневник узника** 92
Ширин МАНАФОВ. *Юморески* 125

ПОЭЗИЯ

Сиявуш МАМЕДЗАДЕ. **Альбинони. Адажио.** *Стихи* 47
Елизавета КАСУМОВА. *Стихи* 58
Лейла КУРБАНОВА. *Стихи* 88
Юлия СКОРОДУМОВА. *Стихи* 120

ПУБЛИЦИСТИКА

Чингиз АБДУЛЛАЕВ. **Немного ностальгии, много таланта и капелька грусти!** 3
Иса ГАБИББЕЙЛИ. **Эйнали-бек Султанов** 48
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Взаимовлияние французской и азербайджанской культур** 65

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел публицистики – **Ровшэн КАФАРОВ**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Компьютерная верстка – **Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz@box.az
Тел: 493-75-81

Сдано в печать 23.05.2017г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией не рассматриваются.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2017 г.

..

НЕМНОГО НОСТАЛЬГИИ, МНОГО ТАЛАНТА И КАПЕЛЬКА ГРУСТИ!

Именно в такой коктейль чувств и мыслей погружается человек моего поколения, читая опубликованные в журнале «Литературный Азербайджан» (№4 за 2017 год) произведения израильских писателей и поэтов – моих соотечественников, с которыми мы вместе выросли, ходили по одном улицам, восторгались одними и теми же красивыми женщинами, любили слушать Муслима Магомаева, с трудом доставали книги современных советских фантастов (о зарубежных сложно было даже мечтать), любили поэтов-шестидесятников и вообще жили в другом мире, который опрокинулся на рубеже девяностых и канул в вечность. Или – не совсем канул. И сохраняется в наших воспоминаниях, в наших книгах, в наших произведениях.

Первым словом дали Павлу Амнуэлю и это тоже символично. Сейчас он – известный фантаст, и довольно часто мы слышим о Песахе Амнуэле, который плодотворно работает на ниве фантастики. Но я помнил его совсем молодым. Он наверняка меня уже и не вспомнит. Я был одним из тех молодых ребят, что с удовольствием ходили на его семинары по фантастике. Я помню и выступления у него совсем молодого Кости Мзареулова. Для нас Амнуэль был почти инопланетянином, ведь он занимался чем-то очень таинственным и непонятным – изучением нейтронных звезд и черных дыр. Сама его профессия казалось абсолютно фантастической. И его книги были такими – сложными, интересными, насыщенными и очень популярными.

Амнуэль считает, что двадцатый век прошел под знаком фантастики. Наверно, он прав. Именно в этом веке был сделан решающий рывок в космос, человечество вырвалось за пределы своей планеты, и полет мысли казался безграничным.

А потом наступил двадцать первый век. И наступил он одиннадцатого сентября две тысячи первого года. Расхожая истина, но оказалось, что все это – лишь начало той беспощадной борьбе цивилизаций, которая уже идет в этом сложном мире, когда ежедневно погибают сотни и тысячи людей. Если двадцатый век был веком фантастики, начало девятнадцатого – взлет романтизма, а затем натурализма и очарования Серебряного века, то двадцать первый будет веком детективов и триллеров, которые потрясают своей беспощадностью по отношению к обычной человеческой жизни.

Мы начинаем привыкать к убийствам по всему миру. Эмиль Шлеймович напишет, что Бог отвернулся и «человечество тут же ввязалось в войну». Боюсь, что Бог решил вообще отказаться от нашей планеты. И всемирное ожесточение достигло своего предела.

Когда нет оружия, используют самолеты и автомобили. На фоне реактивных самолетов и ядерного оружия в ход идут топоры и ножи. Такое ощущение, что скоро начнут рвать друг друга зубами. И «обменный курс» из моего романа тоже не вызывает особого энтузиазма: «Жизнь одного американца стоит жизни двух французов, трех чехов, пяти поляков, десяти русских, пятидесяти турков и ста пятидесяти ара-

бов. А также уха одного еврея». Понятно, что при таком «обменном курсе» вызывает восхищение отношение к человеческой жизни граждан Израиля, которые соглашаются обменять одного сержанта на тысячу заключенных-арабов.

Но такой «курс» устраивает и самих арабов! И уже не вызывает удивления, что если два итальянца или англичанина отравятся сыром, то это выходит на первые страницы газет, а очередная гибель ста арабов в Дамаске или Багдаде кажется лишь досадным и мало значащим эпизодом. Уже не говоря о тысячах погибших африканцев, которые вообще мало кого волнуют. И именно это бережное отношение к человеческой жизни – к каждому человеку – более всего нравится мне в Израиле!

Может, поэтому я с особым пиететом отношусь к авторам из этой небольшой страны, которые знают и умеют ценить обычную человеческую жизнь, понимая, как важна и ценна каждая из них. И может, поэтому Амнуэль разрешил напечатать два своих рассказа, один из которых о Мессии, который плакал о чем-то, чего уже никто не мог понять, так как опоздал на восемь тысячелетий. Амнуэлю повезло больше. Он сумел состояться в двух параллельных мирах, в двух разных странах и при различных формациях. Такова сила таланта любого одаренного Автора.

Александр Аграновский написал стихотворение «Мои Баку и Иеруласим». И действительно – это его два города, так как первую часть жизни он провел на берегах Каспия, а вторую на берегах Средиземного моря... Марк Горин написал изумительные воспоминания о нашей прошлой жизни, которую могут прочувствовать и понять люди, жившие в той эпохе. Мне нравится, что он не скрывает своего отношения к трагическим событиям в Сумгайыте. И мне особенно нравится его фраза «Твердо и честно скажу одно – тогда этого ничто не предвещало». Мы все вышли из того времени. Рискну утверждать, что Баку был одним из самых полифоничных и интернациональных городов мира. В своем цикле «Бакинские сказки» Петр Люкимсон рассказывает о бакинских реалиях, называя героев такими знакомыми бакинскими именами – *Алик* или *Фарик*. Он ведь понимает, что Натик или Намик – это полные имена, не сокращаемые на русском языке. А вот Алик и Фарик – это уже бакинский сленг и сокращенные имена его бакинских героев. Горин, например, честно признается, что вообще не понимает, почему он закончил ВГИК, о котором написал такие теплые воспоминания. Но он признается также, что очень рад тому, что в его жизни был этот удивительный институт и это удивительное время. Может, это чувство и объединяет всех бывших наших земляков, волею судеб оказавшихся в другой стране, но сохранивших удивительно теплые воспоминания о своей прежней жизни, о своей первой родине, о своих бакинских друзьях!

Как емко и выразительно сказала Татьяна Гринфельд, которая, в отличие ото всех остальных авторов, уехала в Израиль только в девяносто шестом году: «Всем, кто старался остаться людьми в час неурочный и время лихое, Тем, кто в душе оставался детьми, Им благодарна навеки, не скрою».

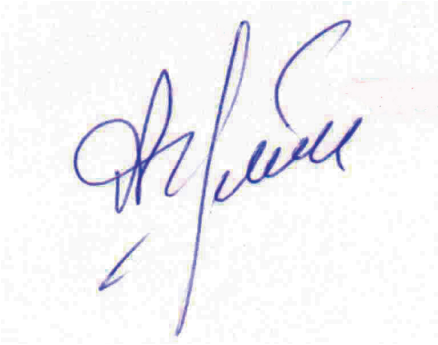
Самый молодой из тех, кто был опубликован в указанном номере «Литературного Азербайджана», Роман Гуревич. Он уехал из Баку в двадцать три года. Но и его воспоминания проникнуты духом ностальгии, когда он рассказывает об азербайджанских баклажанах, которые продавали продавцы, одетые в финки. Смешно и очень точно. А потом идут воспоминания, которые являются частью и нашей истории. Как крыши домов заливали горячим киром, как снег, выпадавший раз в пять-шесть лет, парализовывал город (увы, это и сейчас так!), как бакинские модницы щеголяли в дубленках, несмотря на теплую погоду, как мужчины с удовольствием носили цвет-

ные индийские шарфы... Особенно смешно, когда читаешь, как разговаривают бакинцы – медленно и певуче, а при встрече с близкими людьми еще и целуются в щеку. Самое поразительное, что подобные привычки сохранились в Баку до сих пор!

Читая рассказы и стихи израильских авторов, словно еще раз знакомишься со своими давними и преданными друзьями, которые уехали в соседнюю страну, но сохранили любовь и самые добрые чувства к своей бывшей Родине, к ее жителям, к своим друзьям и знакомым. Феномен израильской литературы изучается многими критиками и литературоведами. Безусловно, многие писатели и журналисты используют иврит в качестве литературного языка. Однако своеобразие израильской литературы как раз и состоит в том, что ее авторы создают свои произведения на идиш, английском, русском и даже арабском. Хотя авторов, пишущих на арабском, скорее относят к палестинской литературе. Миру хорошо известны имена Амоса Оза, Леи Гольдберг, Менахема Регева, Эдгара Керета. Так получилось, что я дважды в жизни встречался с всемирно известным израильским писателем Амосом Озом на различных международных встречах и однажды был даже свидетелем вручения ему международной премии. Я до сих пор считаю, что в 2009 году Амос Оз должен был получить Нобелевскую премию по литературе. Но по разным причинам, не всегда понятным в чисто литературном плане, его опередила Герта Мюллер, воспевающая лесбийскую любовь и, на мой взгляд, вообще не являющаяся серьезным писателем. Хотя после присуждения этой премии певцу Бобу Дилану и журналистке Светлане Алексиевич рассматривать серьезных претендентов достаточно сложно.

Все авторы, представленные в нашем журнале, уже сумели состояться в своей стране. По статистическим данным Израиль, несмотря на свои не очень большие размеры и численность населения, является второй в мире страной по изданию новых авторов на их языке после Соединенных Штатов Америки (сравните масштабы!). И может, поэтому нашим читателям было так интересно познакомиться с этим номером, открывая для себя новых авторов! Немного ностальгии, много таланта и чуточку грусти. Они уехали в другую страну, и мы стали немного беднее. Но они остались с нами – в своих произведениях и воспоминаниях. И пока мы помним – эта дружба будет скреплять наши народы и наши культуры. А потом на наше место придут другие!

Чингиз Абдуллаев



ГЮЛЬШАН ТОФИГГЫЗЫ

Р А С С К А З Ы

Птица счастья гнезда не вьет

Все есть у стареющей Рабийи: и дом, и деньги, и имущества – завались! Нет только детей. Хотя это не совсем так…

Приехала она в Баку еще в шестидесятые годы из глухой деревушки. Пыталась поступить в институт, в техникум – не смогла. Пошла работать на обувную фабрику, жила квартиранткой у своей очень дальней родственницы. Подрабатывала стиркой, уборкой чужих квартир. Желание учиться со временем прошло, интерес к знаниям угас. Зато появился другой интерес – к женатому молодому человеку с той же фабрики. Когда стало ясно, что скоро появится ребенок, родственница, у которой Рабийя жила, снимая комнатушку с крошечным оконцем, худой крышей и шуршащими под скрипучими половицами мышами, предложила ей съехать. После, пожалев оступившуюся девушку и еще не родившегося малыша, передумала. Но когда узнала, что Рабийя решила, родив ребенка, оставить его в больнице, коротко отрезала: «Убирайся!» Пришлось перебираться в общежитие. Скрывая беременность, Рабийе приходилось прибегать ко всяким уловкам. Оттого, что она утягивала живот жестоко тугим корсетом, ребенок родился слабым. Задолго до его рождения, договорившись с одной бездетной парой, Рабийя уже знала, что отдаст мальчика в чужие руки. В родильный дом девушка пошла с чужим паспортом. Она была молода и красива, а жизнь хлестала наотмашь. Поэтому, получив желаемые деньги с той пары, не испытывая угрызений совести, с малышом рассталась.

Вскоре и ей улыбнулась удача. Влюбился в нее состоятельный мужчина и сделал предложение. Он действительно любил ее, потому что не бросил, когда через несколько лет она так и не родила ему ребенка. Никакое лечение не помогло. Упреки свекрови доводили ее до бешенства. Ну, как объяснить этой старой ведьме, что дело не в ней, а в муже! Так и пронесла Рабийя эту тайну через десять лет совместной с первым мужем жизни, до самой его смерти. Сердцем он был слаб. Несмотря на неприязнь, свекровь – вот вам и «старая ведьма»! – не прогнала Рабийю. Выполнив посмертную просьбу сына, она передала снохе добрую долю имущества.

Последующие два брака тоже остались бездетными. Правда, у второго мужа Рабийи был взрослый сын, но жил он со своей матерью в другой республике.

Вот и сидит немолодая уже Рабийя-ханым в дорогом уютном кресле на веранде собственного загородного дома, потягивает «Рислинг» из богемского хрусталя, курит «Ротманс»» и в душе завидует хронически беременной служанке Етер. Иногда, дымя сигаретой, она подолгу сидит с закрытыми глазами. Губы ее едва заметно шевелятся. И, кажется, она говорит сама с собой. А может быть, не с собой, а со своим уже взрослым сыном? А какие, интересно, у Рабийи внуки?.. Как хочется ей порой оказаться в том старом дворе, выкрасть из колыбельки своего сынишку! Она не ропщет на Бога, который наказал ее, – сама виновата. Все, что ей досталось в этой жизни, – это

деньги, которые будет тратить и не истратит до конца своих дней, и одиночество, которое не скрасит никакой мужчина и не восполнит никакое застолье.

– Все Бог дал, а детей не дал! – сочувствуют окружающие. – Вот беда! Своих нет – хоть усыновила бы кого.

И невдомек людям, что трудно привязать свое сердце к чужому ребенку, если продал своего…

* * *

– Горько думать, что уготовила жизнь этим пацанам, – печально произнесла служанка Етер, убирая со стола полную окурков пепельницу. Хозяйка с утра была не в духе. Все дымила и дымила своими дорогими сигаретами. Одну от другой прикуривала. А тут еще эта передача о подростках из интерната. Сердце кровью обливается!

– Ой! – воскликнула Етер, увидев на экране светловолосого парнишку. Она указала на него пальцем, – этого мальчишку я знаю. Алик его зовут. Они с отцом живут здесь, в поселке. Когда отец забирает его по выходным, он приходит помогать нашему садовнику. Неплохой такой с виду, услужливый. Да кто их, интернатских, знает! Что у них на уме?.. Вы тоже видели его, наверное, в саду. Траву он убирал, листья, навоз таскал, деревья известью белил. Помните?

– Нет, не припоминаю, – поморщила лоб Рабийя-ханум. – А матери у него нет? Почему… в интернате?

– Садовник рассказывал, что родители развелись, когда Алику два года было, а после мать вышла замуж, отдала ребенка отцу и уехала в Пермь. Она оттуда родом. Говорят, его отец из хорошей семьи. Но родители были уже немолоды, когда дитя появилось. Отец, – дед Алика, то есть, – умер, когда сынишке десять лет исполнилось. Богатства, правда, много оставил. Но вдова не работала нигде, думала, что добра их на всю жизнь хватит. Жили они с сыном припеваючи, горя не мыкая, денежки потихоньку тратили. А потом у них пожар случился. Кончилась в одночасье хорошая жизнь. Как Карим-даи говорит, птица счастья гнезда не вьет… С тех пор перебрались они жить в свой дачный домик, в наш поселок. Тут еще перестройка подоспела со своими «прелестями», одни вклады Горбачев заморозил, другие в Вахид-Банке медным тазом накрылись. Бабка-то и померла, не выдержала. Невестка, мать Алика, то есть, к нищете, похоже, не готова была. Сбежала. А куда от нее сбежишь? Нищета – она и в Перми нищета… Алик говорит, что у отца смолоду проблемы со здоровьем, какая-то в костях болезнь. До высоких чинов при Советах дослужиться не успел. На почте сейчас работает. Да уж и не знаю, верить ли мальчишке, – махнула рукой Етер. – Может, и врет все. Знаете, какие вруны эти приютские? И воришки! Я садовнику говорила, чтоб глаз не сводил с него – того и гляди, сопрет чего-нибудь.

– Почему же в дом привели, если вор? – сердито спросила Рабийя, до сих пор с отрешенным видом слушавшая служанку.

– Да жаль его … – замялась растерявшаяся болтливая Етер. – Вообще-то, он, вроде, неплохой. Садовник говорит, исполнительный очень, тихий, вежливый. Но если вы недовольны, его прогонят…

Етер засуетилась, опасаясь гнева хозяйки. Мальчишку, конечно, жалко. Но самой попасть в немилость и лишиться очень даже неплохого местечка вовсе не хотелось. К тому же, и садовнику, пожилому человеку, может влететь. А вдруг и вправду стянет малец чего-нибудь? Не миновать тогда неприятностей. Зря она лишнего сболтнула, ох, зря!

– Не спеши, – несколько смягчив суровый взгляд, сказала Рабийя. – Приведи его сюда, когда появится снова. Поглядим на вашего юнната. Сколько ему лет?

– Тринадцать, кажется, – снова затараторила Етер. Спохватившись, она попыталась исправить оплошность. – Он вам понравится, Рабийя-ханым! Симпатичный такой мальчик…

– Видела! – оборвала ее хозяйка. – Без тебя разберусь, понравится или нет.

Етер быстренько подхватила поднос и пепельницу, поспешила поскорее убраться на кухню.

– Дернул меня черт за язык! – ругала себя Етер. – Что теперь, если не понравится ей пацан? Прогонит! Ей-то что? Сытый голодного не разумеет. Откуда ей знать, каково ребенку в интернате, при живых родителях? Живет – в ус не дует. Ни детей, ни плетей. Ой, что это я говорю? Пусть уж подольше живет! Как же я прокормлю свой выводок, если ее, не приведи Бог, не станет?

В субботу сконфуженный мальчик стоял перед Рабийей, сцепив руки за спиной и переминаясь с ноги на ногу. У него были прямые русые волосы, чуть вздернутый нос, голубые глаза. Лицо скуластое, худое и бледное.

– Тебя зовут Алик? Али? – спросила Рабийя.

– А-алекса-андр, – стараясь не заикаться, ответил мальчик. Но он волновался, и это не удавалось.

– Карим-даи тобой доволен, и Етер тебя хвалила. Тебе нравится работать в саду?

– Д-да, спа-асибо, – ответил подросток. – У вас кра-асивый с-сад. И Карим-даи – до-обрый человек.

– Это хорошо, что ты не лодырь, и в свободное время работаешь, а не слоняешься, как некоторые твои сверстники.

Мальчик не ответил. Рабийя и сама, похоже, не поняла, как неуместно было сказанное. Разве мальчишке не хочется погонять на велике или поваляться лишний утренний часок в постели? Что же делать, если он вынужден в выходные пропалывать грядки в огороде этой богатенькой тетки? Тем более, что и велика у него нет. Вот накопит денег – может, и купит.

«И чего уставилась?» – думал Алик, смущаясь еще больше оттого, что хозяйка так пристально его разглядывает. Но старой Рабийе мальчишка понравился. Ее даже позабавило, что при такой ярко выраженной славянской внешности он говорит с ней на азербайджанском. А парнишке причуды эти были в тягость, и он мысленно призывал на помощь садовника. «Ай Карим-даи, ради Аллаха, позови меня поскорее!»

– Ладно, иди, работай, – произнесла, наконец, Рабийя. Мальчишку мгновенно как ветром сдуло. Вечером хозяйка позвала к себе водителя.

– Вот, возьми, – сказала она, протягивая ему триста долларов и исписанный лист бумаги. – Купишь мясо, рис, масло, фрукты, сладости, тут все написано. Свезешь в интернат и проследишь, чтобы детям скормили, а не по кошелкам своим рассовали. Не говори, от кого. Не то начнется «паломничество» к моим дверям. Вот тебе еще сотня, проспорь Алику – знаешь его? – велосипед. Придумай сам, как вернее проиграть. Ты меня понял? И держи язык за зубами!

– Какое у вас золотое сердце, Рабийя-ханым! – обычно прижимистая хозяйка удивила водителя своей неожиданной щедростью. – Аллах вознаградит вас!

– Иди, Ариф, иди, – махнула рукой женщина, давая понять, что разговор окончен.

Вот уже несколько дней прошлое стало напоминать о себе странным образом. Оно возвращалось в каких-то бессюжетных снах, которые не поддавались толкованию. Сны были похожи на исписанные неровно-старательным почерком листки из школьной тетрадки, вырванные, помятые и пущенные по ветру. Снилась давно не существующая глухая деревушка, окруженная лысыми холмами и карликовыми рощицами. Позже несколько таких деревенек власти переселили в низину и объединили под общим названием Ени-оба. Рабийя так ни разу в ней и не побывала. Еще снился старый двор с единственным чугунным краном, напоминавшим хобот морского слона и общим туалетом (деревянную дверь туалета все время заклинивало изнутри). Снились нищета и унижения, через которые пришлось пройти, темный и пыльный фабричный склад, где она так неистово отдавалась своему женатому возлюбленному. Просыпаясь с ощущением тревоги, Рабийя рассказывала эти сны на ветер, как учила ее покойная хозяйка душного городского дворика. Чтоб не сбылись. Говорят, постоянно думая о чем-либо нехорошем, можно накликать его. Но как же тогда ее частые, терзающие мысли… о сыне? Ведь жизнь так и не свела их…

Эх, Рабийя! А что бы ты сделала, повстречай его сейчас? Как бы вымолила в его сердце небольшое местечко для себя?

– Выкупила бы!

– Как все у тебя просто: продала, купила… Когда-то удача вознесла тебя над нищетой. Вышла «из грязи в князи». А в люди?.. Нет, уж лучше пусть все так и остается. Тем более, что не случится того чуда, которое приведет тебя в убогий дом почтового служащего. Не увидишь ты на обшарпанной стене фотоснимка супружеской пары, которой когда-то продала свое хилое дитя, никогда не узнаешь в курносом заике Алике своего внука. Он будет пропалывать грядки и поливать цветочные клумбы в твоем саду, получая не ахти какую плату. А когда подрастет и покинет стены интерната, может быть, тоже устроится работать на почту, и ваши встречи прекратятся. Ты забудешь его, и тревожные сны, в которых ты билась о пустоту, перестанут терзать тебя. Удары о пустоту так болезненны! Продолжай рассказывать сны на ветер. Чтоб не сбылись…

Подари мне колечко!

Карина так долго ждала пришествия инопланетянина и так верила в эту встречу, что его внезапное появление ничуть не удивило девушку. Материализовавшись из плазмообразного сизого сгустка, он возник перед ней в канун именин.

– А, вот и вы! Наконец-то, – кокетливо опустив веки и откинувшись к мягкой спинке любимого желтого дивана, произнесла Карина. – Уж, думала, и не дождусь.

– Но я здесь один, – огляделся по сторонам волоокий пришелец, похожий на немного подросшего и очень исхудавшего нэцке. – Почему «вы»?

– У нас так принято обращаться к незнакомцам. Это форма вежливости. Я ведь землянка, а не какая-то космическая невежа, – развела руками Карина.

«Земляника, землячка, землянка…» – побежала невидимая Карине строчка перед глазами пришельца. – «Землянка – вырытое в земле укрытие с бревенчатыми или тростниковыми стенами и потолком; сооружается главным образом в районе боевых действий».

Гостю было непонятно, почему эта женская особь разряда мыслящих назвала себя таким образом, но он промолчал, дабы снова не попасть впросак.

– А с какой вы планеты? – поинтересовалась Карина.

– Ваш речевой аппарат не в состоянии воспроизвести некоторые звуки в названии моей планеты, – не совсем уверенно ответил пришелец. Он издал звук, напоминающий тот, что получается при ударе алюминиевой плошки о керамическую плитку пола.

– Фи-и-и! – поморщилась Карина, зажав уши. – Похоже, и наш слуховой аппарат не очень-то в состоянии воспринимать такие звуки. Неужели нельзя сказать проще?

– Можно! – утвердительно кивнул круглой и гладкой головой космический нэцке. – Ты можешь называть ее Мармур.

– Ну, это другое дело, – облегченно вздохнула Карина. – Иначе никто мне и не поверит. Пришелец с планеты «Грохот алюминиевых мисок»! Ха-ха-ха.

– Ты знаешь такие слова?! – опешил инопланетянин.

– Какие?

– Прости, я не могу этого повторить. Неприлично. Но откуда они известны тебе? – упорствовал гость из космоса. Он был явно озадачен и чем-то недоволен.

– «Ха-ха-ха» – это неприлично?

– Прошу тебя, не произноси таких слов хотя бы в моем присутствии, – взмолился пришелец. – Даже примитивные гематогенцы так не выражаются!

Карина, наконец, начала догадываться, что смех на языке ее гостя означает некое неприличное выражение. Ей стало смешно, но, напустив на себя серьезности, она спросила:

– Надеюсь, мое имя не напоминает вам мармурское ругательство?

– Не то, чтобы ругательство, – замялся инопланетянин, – но оно похоже на «кар-ин-на-а» – «утраченные детали восстановлению не подлежат…»

– Дурацкий у вас язык! – обиженно поджала губки Карина, не позволив ему договорить. – И, вообще, вы для чего здесь? Чтобы испортить мне настроение или наладить контакт?

– Контакт, безусловно, контакт! – оживился глазастик с Мармура. Повеселев, он указал на спицы для вязания и попытался изменить тему разговора, а заодно и показать свою осведомленность. – Я знаю, что это такое: этим вы пользуетесь при употреблении пищи.

– Этим мы вяжем пуловер своему ухажеру! – раздраженно воскликнула Карина. – А едим мы ложками. Хотя некоторые придурки используют их в качестве народных музыкальных инструментов.

Пришелец недоумевал. Ему непонятен был ни ход мыслей, ни интонации девицы. Почему она все время грубит? Сама ведь и напросилась на встречу, без конца грезила о визите к ней инопланетян. Ее изучали некоторое время и решили, что для установления контакта подходит: уровень интеллекта ниже среднего – такие легче поддаются обработке, и их россказням не очень-то верят. Сам он недавно подключен к исследованиям, понадобится время, чтобы научиться понимать эти создания. Однако Карина озадачила и утомила его. Волоокий пришелец, похожий на вытянутого японского нэцке, приступил к процессу дематериализации. Вокруг него уже начала сгущаться сизая дымка, и Карина спохватилась.

– Постойте, постойте! – замахала она руками, пытаясь остановить исчезающего инопланетянина. – Вы не оставите мне ничего на память?

– А что бы ты хотела получить?

– Ну… хотя бы золотое кольцо!

«Только и всего? Разве оно прибавит тебе ума и знаний? Впрочем, принципы отбора контактеров и предусматривают невысокий уровень интеллекта. Ведь проси они высших знаний – разнесут в щепки планету! Просто невероятно, что даже самые умные на ней работают, в конечном итоге, именно на разрушение», – подумал пришелец с Мармура, но этих слов Карина не услышала. Она услышала лишь слабый звон вертящегося на столе золотого колечка с небольшим рубином.

– Миленькое, ничего не скажешь, – Карина с интересом разглядывала кольцо. – Неплохо бы и сережки к нему…

Но в ответ не раздалось ни звука. В комнате, кроме нее, уже никого не было.

На следующий день пришла подруга – поздравить с днем рождения.

– Я, как всегда, первая! – радостно воскликнула она с порога. – Поздравляю, душечка-подружечка, желаю тебе всего самого-пресамого!

Она принялась тискать и лобзать Карину, не давая ей произнести ни слова. Подруга прекрасно понимала, что ее абстрактные поздравления мало чего значат для катастрофически засидевшейся и томящейся в ожидании предложения руки и сердца именинницы. Но Каринка сама виновата – рассказывала всем своим прежним поклонникам, что мечтает о встрече с пришельцами из космоса и чувствует, что такая встреча обязательно произойдет. Кто же захочет жениться на такой, мягко говоря, чудачке?

– А вот и не первая! – высвободившись из объятий, выдохнула Карина.

– Неужто твой козел опередил меня? – удивилась подруга.

– Как бы не так! Сама говоришь, козел, – ответила Карина. Протягивая вперед зажатую в кулак руку, она продолжила. – Угадай, что у меня тут?

– Случись чудо, там было бы обручальное кольцо, – задумчиво протянула подруга. Карина с таинственной улыбкой медленно разжала пальцы и поднесла ладонь прямо к ее лицу. – Ой! Моя пуговица! – обрадовалась подруга. – А я решила, что в автобусе оторвалась. Запасной не осталось. Теперь, думала, все семь менять придется. Спасибо, Каринка!

Подруга хотела взять пуговицу, но Карина резко отвела руку.

– Какая пуговица?! Ты что, слепая? Это же кольцо! Пришелец ко мне явился вчера, инопланетянин. Кольцо оставил на память. А вы не верили!

– А крокодил Гена не приползал сватать тебя для Чебурашки? Ты в своем уме? Отдай-ка мне пуговицу. И, вообще, кажется, тебе пора обратиться к психиатру, – с досадой проговорила подруга. Но, подумав, улыбнулась и погрозила пальцем. – Прикалываешься? Шутница, блин. Инопланетянин к ней прилетел! Приперся через сто галактик, чтобы подарить чужую пуговицу на день рождения! Ой, уморила! Давай-ка ее сюда, пока я не рассердилась по-настоящему.

– Да иди ты к черту! – огрызнулась Карина, пряча кулак за спину. – Какие еще шутки?

– Карька, отдай пуговицу! – досада подруги перерастала в озлобление. Она снова попыталась отнять у Карины пуговку, но случайно поцарапала ей руку. Карина оттолкнула подругу ударом в грудь, поломав при этом ноготь и оставив глубокую царапину на ее коже.

– Удавись ты этой пуговицей! – окончательно разозлилась подруга. Она выскочила за дверь и уже с лестничной площадки крикнула: – Лечись, идиотка!

Вот тебе и день рождения! Карина так расстроилась, что в сердцах швырнула

кольцо на диван. Оно закатилось в угол, обиженно сверкнув красным глазком-камешком. Девушка от огорчения чуть не плакала. Ссора с подругой, да еще в такой день – мало сказать неприятно! Кроме того, повод не поддавался никаким объяснениям. Звонок в дверь отвлек ее от мыслей о глупой выходке подруги. Карина открыла дверь и увидела красивый букет, которым прикрывал лицо ее потенциальный жених.

– Слава Богу, день рождения только раз в году, – просипел он мелодию из известного всем мультика. – Поздравляю, пупсик!

«Ты прав, козлик. Будь он дважды в год, мне бы сейчас стукнуло семьдесят!» – подумала Карина. Она повесила на лицо улыбку и постаралась изобразить радость.

– Проходи быстрее, не выстужай квартиру.

Молодой человек прошел в комнату, устроился поудобнее на диване и стал разглядывать клубки пряжи, из которых должен был родиться его новый пуловер. Вдруг он обрадованно потянулся к малюсенькому предмету в углу дивана.

– Вот тебе раз! А я его обыскался, пришлось новый купить, – он держал двумя пальцами чип от сотового телефона. – И не думал, что мог здесь обронить.

Карина, совершенно обескураженная, уставилась на крошечный предмет в руках своего друга, но благоразумно промолчала. Не стала убеждать его, что это золотое колечко с рубином, а не чип.

– Ты уверен, что это твой чип? – борясь с внутренним волнением, но стараясь держать себя в руках, спросила девушка. – Дай-ка погляжу.

– Сейчас проверим, – ответил ее парень и стал прилаживать чип к своему телефону. – Ну, вот. Набери-ка мой прежний номер.

Карина набрала номер его сотового телефона, и тот… заиграл! Еще чуть-чуть – и девушка выхватила бы из рук молодого человека мобильник и размолотила бы его ко всем чертям!

– Подари мне свой чип! – обрадовалась она осенившей ее догадке.

– Зачем он тебе? – удивился парень. – Твой номер круче.

– Прошу тебя! Считай, что это подарок к дню рождения, – стала уговаривать его Карина. Она даже прибегла к лицемерию. – Так ты будешь, вроде, всегда рядом…

Молодой человек воспринял слова девушки как призыв к любовным ласкам. Он встал с дивана, подошел к ней, но только захотел обнять, как зазвонил сотовый.

– В чем дело? Неужели без меня не разберешься? – раздраженно говорил он с кем-то орущим в трубке. Затем обратился к Карине. – Извини, пупсик. Бежать надо. Вечерком заскочу.

– А чип? Ты мне его не подаришь?

– Ах, да… – он снова поменял чип, протянул его Карине. – Если будут звонки, дай мой новый номер.

Проводив своего друга, Карина вернулась в комнату и увидела на столике золотое колечко с небольшим рубином.

– Все мужики одинаковы, – вздохнула она. – Так и норовят обмануть! Что наши, что мармурянские…

Карина опустилась на диван и задумчиво посмотрела на своего любимчика, коротконогого жирного кота Мурзика.

– Мурр-рр, – тихонько мурлыкнул кот, посочувствовав хозяйке.

– Эх, Мурзик-Мармурзик, – горько усмехнулась Карина. – Похоже, каждый видит в этой хреновине то, что хочет видеть… Надо спрятать от тебя подальше. Чего доброго, килька померещится.

Держи вора!

Молодой человек, наконец, оглянулся на срывающийся оклик пожилой женщины. Она делала ему знаки. Размахивая старой кожаной сумкой и одновременно указывая в сторону, слабым старческим криком она пыталась что-то объяснить. Мужчина посмотрел туда, куда старушка стала показывать еще оживленнее. Старая женщина в ветхом зеленом жакетишке и стоптанных башмаках, сумев заставить его обернуться, и вовсе разволновалась. Но ничего, кроме отъезжающего такси с пассажиром на заднем сиденье, он не увидел. Старушка продолжала отчаянно махать и кричать. Мужчине удалось, наконец, разобрать отдельные слова.

– ...бумажник... держите... остановите... – верещала старушка, срывая голос. По тому, как рядом никого не было, он понял, что она обращалась за помощью именно к нему. Он остановился и стал качать головой в знак сочувствия. Было очевидно, что у бедной женщины умыкнули кошелек, и она просила догнать воришку.

Жаль, конечно, ее, но не думает же она, что сейчас вот он бросит все и станет догонять жулика в такси, которое, кстати, уже давно исчезло из виду. Женщина тем временем приближалась к нему, продолжая что-то говорить и жестикулировать.

– Ну что вы раскричались, бабуся! Поздновато. Прежде надо было следить за своей сумкой. Успокойтесь, успокойтесь. А то, не дай Бог, случится что с сердцем – только этого и не хватало.

– Я же вам кричу... кричу... машу... – задыхаясь и хватаясь рукой за сердце, говорила старушка, до сипоты сорвавшая голос. – Он же кошелек украл...

– Это я уже понял, бабуся, – перебил ее молодой человек. – Что же, предлагаете мне за такси бежать?

– ...Пока в такси не сел, догнали бы, – едва переводила дыхание женщина. Она еще больше занервничала оттого, что ей не дают договорить. – ...Я ж вам кричу... бежать-то не могу... а вы и не глядите... Не угнаться мне...

– Куда вам угнаться за ним! Я, конечно, вас понимаю, небось, всю пенсию спер, негодяй. Но вы бы его все равно не догнали, – пытался мужчина урезонить старушку и продолжить свой путь.

– ...Вы бы догнали... я же кричу... кричу... а вы и не глядите... – в который раз повторяла она.

– Извините, бабуся, но бежать за жуликами не моя забота. В полицию обращайтесь. Здесь недалеко, вон за тем зданием отделение как раз. – Настырная старуха начинала его раздражать. – Берегите сердце, бабушка! А деньги – дело наживное. В другой раз крепче держите, чтоб не украли.

– Так ведь у вас украли, а не у меня! – отдышавшись, наконец, сказала женщина.

– Что? Как у меня? Не может быть! – молодой человек полез в карман, куда, выходя из магазина, опустил бумажник, но там ничего не было. Он чуть не расплакался от досады, схватился за голову и стал кричать на старушку, перейдя на «ты». – Что же ты сейчас об этом говоришь? Что же ты молчала, дура старая?

– Сам дурак! Невежа! – рассердилась старая женщина. – А кому я ору битый час? Идет себе, не оглядывается! Вы когда из магазина выходили, кошелек мимо кармана опустили, видно. Я заметила, подняла, побежала, было, за вами. Да куда мне угнаться, шибко быстро ходите. Окликнуть пыталась – не оглядываетесь. Тут рядом этот мужчина оказался, тоже из магазина выходил. Солидный, приличный с виду, не-

молодой, одет хорошо. Давайте сюда, говорит, я догоню его (это он про вас). Я и отдала ему ваш бумажник. А он вдруг сорвался и деру дал. Но вы-то помоложе, догнали бы. Если б обратили внимание на меня. Я все кричу, кричу, машу, машу...

– Господи! Что же делать? Что же делать? – молодой человек раскачивался на месте, держась за голову. Боялся, видно, и ее потерять. – Там удостоверение, ключ от квартиры, пенсионные карты родителей, деньги... Что делать?..

– В полицию идите, – не без ехидства произнесла старушка. – Здесь недалеко, вон за тем зданием...

Тёзка

Супруга иранского шаха Реза Пехлеви, красавица Фарах, для Халид-ами была идеалом женской красоты и достоинства. Те, кто когда-либо видел ее (или ее фото), непременно отмечали сходство шахини Фарах с известным изваянием Нефертити. Многие ее так и называли – Нафрият. Даже став матерью четырех детей, эта царственная женщина не потеряла своего обаяния, некоей мистической притягательности и обворожительности. Она была символом восточной женщины: сочетала в себе восточное изящество и таинственность с западной образованностью и коммуникабельностью. Хотя еще рано говорить о госпоже Фарах Пехлеви в прошедшем времени. Она здравствует и ныне. Живет с детьми вдали от родины, куда забросили ее кровавые события иранского переворота конца 70-х годов.

Халид-ами, будучи поклонником красоты и женственности экс-шахини, назвал в ее честь свою внучку, которая родилась в 1977 году. Видимо, желая видеть девочку такой же счастливой. Но, оказалось, что и счастье королей бывает призрачно. Как и простые смертные, и они подвластны року. Ничего с этим не поделаешь...

Фарах, внучка Халид-ами, тоже выросла пригожей. Но и ее счастье, помаячив белым парусом в золотых лучах, было разбито о рифы исторических перемен. В конце 90-х, когда она только-только поступила в консерваторию, семья ее жениха решила переехать в Израиль. Желания молодых в расчет не принимались. Родители считали, что на родине у их Дауда «нет будущего». Правда, Фарах тоже было предложено уехать с ними, вступив с ним брак, но она еще не была к этому готова. Ей хотелось походить годик в невестах и насладиться жениховством. Да и оставлять своих близких, бросать все ради неизвестности казалось неправильным выбором.

Так и были молодые разлучены, не успев соединиться в брачном союзе. Фарах переживала разлуку с любимым тяжело. А когда через несколько месяцев пришло известие о его гибели во время взрыва в кафе, бедная девушка впала в такую глубокую депрессию, что родные всерьез стали опасаться за ее здоровье. Она чахла на глазах, потеряла интерес к окружающему миру, не желала общения с друзьями и близкими.

Но – время лучший из докторов. Понемногу юная Фарах пришла в себя, и жизнь стала вновь обретать прежние краски. Через два года отец, убедившись, что с дочкой все в порядке, уехал на север России. Там ему предложили работу с весьма приличным заработком. Юридическая фирма земляков действительно процветала и приносила хорошую прибыль. Однако все вскоре лопнуло, будто мыльный пузырь, и отец вместе с двумя коллегами-земляками оказался на скамье подсудимых. На имущество фирмы был наложен арест. Все было утрачено в одночасье. Это известие стало роковым для матери Фарах. Она слегла и через полгода умерла, тая, как свеча,

у всех на глазах. Беда, как видно, не ходит одна.

Халид-ами и Фарах, которую дедушка по-прежнему называл «моя шахиня», предстояло жить на небольшую пенсию и заработки от ее учеников. Но иные времена внесли изменения в реестры духовных ценностей, поэтому обучаться игре на фортепиано желали не так, как в прежние годы. Заработки Фарах от уроков были не ахти какие. Одна сердобольная родственница пыталась пристроить девушку домработницей в богатые дома. Но в последний момент хозяйки отказывались от ее услуг. Вероятно, опасаясь проблем со своими мужьями или взрослыми сыновьями, которым молоденькая служанка могла «вскружить голову». Фарах решила не тратить времени попусту и до тех пор, пока не найдет подходящей работы, устроилась посудомойкой в одном из ресторанов подальше от центра города. Чтоб не расстраивать деда, она сказала ему, что нанялась гувернанткой в очень приличный дом, а позднее возвращение домой объясняла тем, что хозяева будто просят подольше побыть с ребенком. За это ей немного доплачивают.

– Когда же ты свою жизнь будешь устраивать, детка? – с горечью спрашивал дедушка. – Ведь и я не вечен. Доживу ли до твоей свадьбы...

– А вот попробуй только не доживи! – отшучивалась Фарах. Дед вздыхал и, качая головой, уходил в свою комнату. Последнее время он ощущал угрызения совести от того, что внучка возвращается домой усталая и разбитая. К тому же и вся домашняя работа, и забота о нем ложились на нее плечи. Не слишком ли тяжек для них такой груз?.. Он чувствовал себя обузой. Когда-то Халид-ами очень гордился тем, что его обожаемая внучка носит имя одной из самых знатных и красивых женщин мира. Сейчас эта мысль вызывала у него горькую усмешку.

– Видно, обладательницам этого имени судьба припасла самые неожиданные и суровые испытания, – глотая старческие слезы, шептал Халид-ами. – Да вознесут тебя ангелы над терниями, моя маленькая шахиня! – шептал дед, запирая за внучкой дверь.

Хозяин заведения, куда Фарах устроилась посудомойкой, выдвинул условие: все свободные от мытья посуды женщины обязаны «прибирать территорию» при необходимости, то есть подметать, мыть полы, пылесосить ковры и т.д. Никто не возражал. Тем более, что хозяин был не так прижимист, как другие, говорил с женщинами на «Вы» и доплачивал за дополнительную работу. А сейчас, когда сезон шумных свадеб и головокружительного количества грязной посуды еще не настал, уборка помещений рассматривалась как само собой разумеющееся. Пожилая уборщица не особенно утруждала себя, порой даже злоупотребляла безропотностью девушек-посудомоек.

Фарах знала, что сегодня с утра ей придется отмывать мраморную лестницу и керамическую плитку у входа. Поэтому она пришла пораньше, чтоб сделать это до появления редких утренних посетителей. Не хотелось неприятных неожиданностей в виде знакомых лиц, удивленных взглядов и бестактных вопросов. Фарах закончила уборку. В кухне тоже был порядок. Стряпухи пришли совсем недавно и делились новостями, повязывая фартуки и косынки. Фарах решила, что может позволить себе маленькое удовольствие и села за рояль на возвышенности в левом углу зала. Обычно музыканты пользовались синтезаторами. Но иногда, очень редко, клиентам хотелось послушать «настоящую» музыку. Вот на этот случай и стоял в зале рояль, а рядом на стульях лежали зачехленные другие инструменты – тар, кяманча, кларнет. Хозяин ресторана серьезно относился к своему делу, капризы клиентов были

святы для него.

Фарах открыла крышку рояля, взяла несколько аккордов и заиграла мелодию «Сары гялин». Она играла негромко, но так вдохновенно, что не заметила мужчину-иностранца, который подошел и встал по правое плечо.

– Браво! – трижды хлопнул в ладоши и произнес он с характерным европейским акцентом. – Вы замечательно играете. Но почему здесь это? Нехорошо прислонять швабру к роялю!

– А это мой главный инструмент, – ответила Фарах. – Из него я извлекаю то, что, к сожалению, не могу извлечь из рояля. Деньги!

– Ха-ха-ха, – громко засмеялся иностранец. – Вы остроумны, фрейлейн.

Тут Фарах заметила приближающегося к ним администратора, встала из-за рояля и собралась было уйти, но столь ранний посетитель-иностранец остановил ее жестом. Фарах поймала взгляд администратора: можно!

– Я попрошу вас задержаться, фрейлейн. Если можно, конечно, – сказал немец и повернулся к администратору. – Вчера я потерял ключи (он стал объяснять, какие), может быть, здесь обронил. Ваши служащие не находили?

Администратор выдвинул ящик столика в углу, куда обычно складывали утерянные посетителями вещицы. Здесь были футляр от очков, потрепанная записная книжка, дамский веер. Никаких ключей не было.

– Очень жаль, придется ломать замок письменного стола, – огорчился немец. Обернувшись к Фарах, но задавая вопрос администратору, он спросил: – Я могу попросить даму исполнить еще какую-нибудь мелодию? Мне очень нравятся ваши народные песни.

– Развлекать иностранцев тоже входит в мои обязанности? – подавляя неприязнь в голосе, спросила Фарах администратора Юсифа, когда тот вежливо кивнул в знак согласия.

– Я не могу тебя заставить, но прошу. Разве это так трудно? Человек проявляет интерес к нашей музыке. Что же в этом плохого? – начал было он уговаривать девушку.

– Не беспокойтесь, я заплачу́, – недоуменно встрял немец, по-своему расценивший недовольство девушки.

– За это я платы не возьму, – вдруг изменила тон Фарах. – Но и играть сейчас не стану. Если вам действительно понравилось и если господин Юсиф не возражает, приходите вечером, к восьми – я немного помузицирую для вас.

– O, sehr schön! – воскликнул немец. – Я обязательно приду.

– Какая ты упрямая! – покачал головой администратор, когда посетитель ушел, вежливо поклонившись очаровавшей его даме. – А ты ему, кажется, здорово понравилась!

– Вот только немца мне и не хватало!

Посетитель-иностранец терпеливо дожидался Фарах, сидя за столиком неподалеку от рояля. А девушка приводила себя в порядок и отмахивалась от дразнившей ее Беюк-ханым.

– Твой хендехох теряет терпение! Иди, исполни ему Айн-цвай-полицай, – торопила она Фарах.

Увидев направляющуюся к его столику девушку, немец поднялся и вежливо поздоровался с ней.

– Добрый вечер, фрейлейн, – улыбнулся он. – Не спешите к инструменту.

Сперва я хотел бы угостить вас. Что вы предпочитаете?

– Поскорее оказаться у себя дома! – устало ответила Фарах.

– О, понимаю! Но я не об этом. Что вы будете пить?

– Какой-нибудь сок. Вина я не пью. Водки тоже, – ответила Фарах, уловив вопрос в его взгляде.

– Похвально. Тогда я закажу десерт. Не возражаете?

– Лучше я исполню свое обещание и поеду домой. Мне не близко.

– Не волнуйтесь, фрейлейн, я отвезу вас домой. Но неужели вы так и не скажете мне своего имени? – заулыбался немец, и сам представился первый. – Гюнтер Кольт.

– Примечательная фамилия! А меня зовут Фарах. Дед назвал меня так в честь экс-шахини Ирана. Он просто преклонялся перед этой венценосной особой! Вы очень хорошо говорите по-русски. Специально учились или у вас русские корни?

– Учился. В Москве. Здесь служу в строительной компании. А еще у меня есть интересная семейная история. Рассказать?

– Да, пожалуйста, – учтиво кивнула Фарах, поняв, что гостю это доставит удовольствие. Про себя она подумала: «Лишь бы не уснуть!»

– Мой отец очень поздно женился, и я родился, когда ему было почти пятьдесят лет. Сейчас ему восемьдесят восемь, но он еще весьма бодрый старик. Удивительно устроен мир! Отец строил здесь, в Баку, какие-то здания, будучи пленным. Я тоже строю дома в Баку! Он попал в плен, когда служил в горно-егерской дивизии «Эдельвейс».

Гюнтер замолк, заметив тень, пробежавшую по лицу Фарах.

– Простите, если вам неприятно такое воспоминание. Но ведь историю не изменить, и все осталось в прошлом. Мы с вами не можем быть врагами!

– А я об этом и не думала, – ответила Фарах. Ее покоробило слово «Эдельвейс». Так называлась фирма, в которой работал отец и которая стала причиной стольких бед.

– Слава Богу! Ведь у меня недавно случилась неприятность по этому поводу. Имел неосторожность рассказать эту историю своей пожилой домработнице, Татьяне Николаевне, очень милой и порядочной женщине. Если бы вы видели, какая с ней произошла перемена! Оказалось, ее отец погиб под Грозным во время Второй мировой войны, оставив матери четверых сирот.

– А не ваш ли папаша убил моего отца?! – гневно воскликнула она. – И после этого я буду прислуживать фрицу?! Уж лучше умру с голоду!

Я был так растерян, что не мог ничего ответить. Татьяна Николаевна в тот же час ушла из моего дома, отказавшись даже взять расчетные деньги. До каких пор люди будут жить прошлым? Это же нелепо!

– Не надо ее винить. Многих вещей вам не понять. Ну, так мне садиться за рояль?

– Кажется, вы заспешили...

Фарах играла для гостя (собственно, и для остальных присутствующих) почти полчаса, исполнив все свои самые любимые песни Тофика Гулиева. Гюнтер был в восторге. Подвозя ее домой, уже в машине, он сказал:

– Фрейлейн Фарах, я о многом думал, пока вы играли. Но не многое понял. Однако бесспорно: вам не пристало быть посудомойкой!

– Выбор весьма скуден...

– Почему же? Могу сделать вам выгодное предложение. У меня раз в неделю собираются друзья и коллеги. Вы не согласились бы музицировать для нас? Платить я буду ежемесячно, вдвое больше, чем вы зарабатываете там. Работа, как говорят, непыльная, да и вам в радость. Вот моя визитная карточка, здесь все телефоны, по которым можно меня найти. Позвоните, если примете мое предложение. Я надеюсь, что так и будет.

Немец учтиво открыл дверцу автомобиля и дождался, пока Фарах войдет в подъезд. Утром она рассказала дедушке о предложении иностранца и попросила совета.

– Хорошее предложение. По крайней мере достойнее, чем мыть попку чужому ребенку, – бедный старик и не подозревал, какую работу приходится выполнять его любимой девочке. – Правда, я немного не доверяю этим иностранцам... Не люблю их, сама знаешь.

– А я и не собираюсь любить их, – засмеялась Фарах. – Просто буду ублажать их слух и представлять, что даю концерт. Разве не для этого я окончила консерваторию?

– Да, детка, – вдруг спохватился Халид-ами, – вчера звонил тот молодой человек, Руфат. Очень просил связаться с ним. Говорит, что твой сотовый уже три месяца не отвечает.

– Контуров нет, – помрачнела Фарах. – Деда, если он снова позвонит, когда я дома, не зови меня к телефону. Скажи, что меня нет.

– Но он так просил...

– Я не хочу его видеть, – твердо произнесла девушка, и старик понял, что уговоры бесполезны. Он вздохнул, по обыкновению, и зашлепал закрывать за ней дверь.

По дороге в ресторан Фарах вспоминала размолвку со своим молодым человеком. Воспоминание было неприятным. Она гнала его. Но оно возвращалось и возвращалось.

После двухмесячных ухаживаний Руфат, желая показать девушке серьезность своих намерений, решил познакомить ее с мамой. Фарах очень волновалась перед этой встречей. Она надела новые, дорогие итальянские сапоги на высоченном тонком каблуке, на которые копила всю весну и лето, и легкую блузу, переделанную из старого платья (и вовсе не заметно!).

– Руфат, твои родители знают, что... папа в заключении? – спросила Фарах в канун визита.

– Нет. Я пока ничего не говорил им, – помрачнев, ответил Руфат. – Пусть сначала увидят тебя. Сумей понравиться им, тогда мне будет легче объявить о неприятных подробностях. Если откровенно, я и сам в затруднительном положении. У мамы, мягко говоря, сложный характер.

– Я все понимаю... – ответ Руфата покоробил девушку. – Но когда пойдут «ментальные» вопросы, я не смогу лгать.

– А ты и не лги. Скажи: отец по специальности юрист, сейчас находится в России, через год вернется насовсем. Разве это ложь?

– Н-нет... – изумилась Фарах такой увертливой форме ответа, какую предлагал Руфат. Что-то темное и неприятное стало заползать в душу. Что? Пока она не могла понять.

Когда они стояли перед дверью, чувство тревоги и дискомфорта вновь овладело девушкой. Руфат не стал стучаться. Он позвонил по сотовому на домашний

номер.

– Мамуля, отворяй и встречай самую очаровательную девушку нашего города.

– Какой ты выдумщик, – засмеялась Фарах. Дверь моментально распахнулась, и перед ними возникла очень крупная, надменного вида женщина с телефонной трубкой в руках. Пока Руфат помогал девушке снимать курточку, его мать абсолютно бесцеремонно разглядывала ее.

– Руфат, подай ей тапочки, – сказала она сыну, дав понять, что Фарах надлежало разуться. Боже, а она так радовалась обновке! Но самое ужасное, что на ней подлатанные колготки. Шов, правда, аккуратный, почти не заметный. И все же... Хоть бы не заметили!

«Как бы не так! – говорили глаза матери Руфата. – Вижу все!»

Ощущение стыда и тревоги не покидало Фарах и за столом, уставленным фруктами. Мать Руфата, будто под рентгеном изучала ее внутренности. Слава Богу, вопросов анкетного характера почти не было, если не считать графу «Домашний адрес». Лишь позже Фарах поняла, что и этого было достаточно, чтоб навести все необходимые справки и выяснить подробности нелицеприятного свойства.

– Не надо ничего объяснять!.. – сказала Фарах молодому человеку, позвонившему лишь через 10 (!) дней. – Надо было честно рассказать маме до визита. Его бы и не было! Поставил меня в такое унизительное положение... Не звони больше. Не тревожь меня и не огорчай свою маму.

С тех пор прошло три месяца. И вот Руфат снова ищет встречи с ней. Фарах понимала и тревоги старого дедушки о ее судьбе, и свое положение «засидевшейся» в девицах, и всевозможные условности национальных традиций. Но ничего не могла с собой поделать: выходить замуж только потому, что «давно пора», не хотелось.

– Кто-то закрыл твои дороги, – многозначительно поджав губы, изрекла однажды их соседка по площадке, Гамар-хала. – И порчу навел на вашу семью! Хочешь, свожу тебя к гадалке, колченогой Тубу. Весь город ходит к ней. Да что говорить – вся республика ее знает!

– Она что, член правительства? – иронично вопросила Фарах.

– Ты все шутишь, а годы летят!

– Ничего не поделаешь, я не в силах подрезать им крылья, – вздохнула Фарах. Но к Тубу не пошла.

– Глупая упрямица! – сердилась Гамар-хала. – Тебе не только пути закрыли, но и ноги связали!

Конечно, как и все незамужние девушки, бегала когда-то и Фарах с подругами к ворожеям. Но беды, постигшие их семью, не были предсказаны ни одной из них. Даже самая страшная и непоправимая – смерть мамы. Вот она и не верит их бредням. Хотя, кто знает...

Автобус подошел к конечной остановке, прервав мысли Фарах. Пройдя короткую улочку, она подошла к ресторану, подумав про себя: «В последний раз!»

– Правильно, сестрица! Не здесь твое место. Будь счастлива! – попрощался с ней администратор Юсиф.

* * *

– Я знал, что вы позвоните! – обрадованно произнес Гюнтер, услышав ее голос в телефонной трубке. – Жду вас завтра вечером, к восьми. Ко мне придут двое сослуживцев с женами. Очень забавные дамы. Надеюсь, подружитесь. Одна из них

когда-то обучалась вокалу.

– Можно, я приду чуточку раньше, господин Кольт? – спросила Фарах. – А то мне будет неловко.

– Безусловно, фрейлейн Фарах! Честно говоря, я и сам хотел вам это предложить, но опасался показаться назойливым. У меня такое чувство, что наше знакомство решит многие ваши проблемы.

– Если бы вы знали, как неразрешимы некоторые из них...

– Я знаю... – после короткой паузы произнес Гюнтер. Фарах показалось, что голос его дрогнул. – Уверяю вас, и у меня есть такие. Не желаю вам столкнуться с подобными. Но не будем грустить! Жду вас завтра, как договорились.

Когда дверь отворилась и Фарах увидела приближающуюся к ним девочку лет восьми, она поняла суть вчерашних слов господина Кольта: девочка передвигалась на костылях, с усилием волоча тонюсенькие, безжизненные ноги. Да, похоже, ее отец был прав...

– Моя дочь, Лидхен, – представил Гюнтер улыбающуюся во весь рот ясноглазую девочку. – Обожает «живую музыку», шахматы и своего пуделя. А вот и он! Привет, Викки, поздоровайся с фрейлейн (это он сказал по-немецки).

Белый пудель весело тявкнул и забегал вокруг своей маленькой хозяйки. Она что-то говорила ему на родном языке и смеялась. Затем девочка обратилась к отцу.

– Лидхен говорит, что вы просто красавица, и какой я молодец, что пригласил вас, – перевел улыбающийся Гюнтер. – Говорит, что будет учить вас немецкому, а вы ее – своему родному языку.

– К сожалению, я неважная учительница. Разве что учить музыке, – Фарах почувствовала себя Каем, у которого оттаивает сердце. – Но мы обязательно подружимся с вашей дочкой! У нее такие чистые глаза...

– И очень длинный язык, – засмеялся Гюнтер. – Может говорить часами! Только ее мать в состоянии выносить это. Кстати, сейчас моя супруга в отъезде, вернется через месяц. Надеюсь, вы с ней поладите. Она немного говорит по-русски.

Скоро пришли гости: две шумные и картавые толстушки со своими близорукими лысеющими мужьями. Это были, похоже, интеллигентные и добрые люди. Они с удовольствием слушали игру Фарах, искренне аплодируя и выражая восторг непонятными ей словами. Один из них весьма сносно говорил по-турецки, так что общению ничего не мешало. Вечер прошел легко, незатейливо и оставил очень приятное впечатление у обеих сторон.

– Хвала Аллаху! Наконец-то ты улыбнулась по-настоящему, – обрадованно произнес дедушка, встретив Фарах у дверей и поинтересовавшись ее делами.

Фарах засыпала с улыбкой на устах. Гюнтер дал ей аванс, как и обещал, завтра у нее свободный день, и она решила пройтись по магазинам, сделать себе и деду подарки. Последние годы их было так мало! Фарах слушала шум весеннего ливня, которым небеса неожиданно одарили ночной город. Вода струилась по окнам, бежала по тротуарам, торопя запоздалых прохожих и дразня дворники автомобилей. Ночной ливень обещал ясное солнечное утро. И Фарах верила этому обещанию. И еще она поверила доброму предчувствию, которое зарождалось в ее сердце, будто обретавшему надежду. Дождь стучал по жестяному козырьку, и девушке послышался знакомый ритм. Она попыталась мысленно «подогнать» под него «Турецкий марш». Получилось! Фарах тихонько засмеялась. Весенний ливень умывал засыпающий город, стучал по крышам, усердно очищая их от пыли, спускал по желобам грязную

пенистую воду. Совсем недавно такая картина вызвала бы у нее печальное сравнение: «Мы с тобой коллеги, дождик. Оба мойщики». Сегодня они оба были музыкантами!

– Надо всерьез заняться здоровьем дедушки, – думала Фарах, почти засыпая. – Старик совсем сдал после смерти мамы. До возвращения папы осталось меньше года. Вряд ли он сможет найти работу. Нужно будет и подкопить немного. Самое ценное в доме давно распродано. Иншааллах, все образуется. Только мамы не вернуть...

Мама вернулась к ней во сне. Она увидела себя совсем маленькой, а мама гладила ее по голове и уговаривала съесть только что испеченную сдобную булочку. Так часто бывало когда-то. И тогда Фарах капризничала и упрямилась. Сейчас же, во сне, она с удовольствием ела булочку с хрустящими боками и даже ощущала запах ванили. Он становился все сильнее и сильнее. Фарах проснулась и с удовольствием почувствовала его наяву. А из кухни слышалась какая-то возня. Накинув халатик, она прошла в кухню и увидела деда, растерянно подбирающего с пола осколки.

– Вот, дырявые мои руки! Разбил пузырек с ванилью, – сокрушался старик и оправдывался. – Но он был почти пуст. Один запах остался. Ты не сердишься?

Фарах отрицательно покачала головой.

– Доброе утро, дедушка! Я видела во сне маму. Теперь у нас каждое утро будет добрым!

– Иншааллах!..

* * *

– Здравствуйте, фрейлейн Фарах! – Это звонит Гюнтер. – Я приношу свои извинения за то, что потревожил вас в воскресный день. Но Лидхен просто настаивает на вашем визите. Просто так, в качестве гостьи. Вы ее очаровали. Да и не только ее. Мои друзья тоже восхищены вами. А уж обо мне и речи нет! Мы можем посидеть дома, а можем и за город выехать. Я попрошу моего хорошего друга сопровождать нас.

Фарах с радостью приняла предложение Гюнтера. Боже! Неужели пришел конец грохочущим звукам ресторанной музыки, груде грязных тарелок, пьяных голосов в свистящем микрофоне!

Лидхен легко выкатила навстречу ей в своей инвалидной коляске, сопровождаемая вертлявым пуделем Викки.

– Салам, Фарах-ханым. Хошгельден! – растянув рот до ушей и довольная своими языковыми новшествами, смешно коверкая слова, поприветствовала она Фарах.

– Гутентаг, либе Лидхен! – в тон ей ответила Фарах. И ее немецкий был под стать азербайджанскому девочки. А Викки просто визжал от восторга.

– Скоро должен подойти Али, мой сослуживец и большой друг Лидхен, – сказал Гюнтер, улыбающийся маленькой радости больного ребенка, еще не осознающего сполна свои потери в этой жизни. – Замечательный молодой человек! И прекрасный специалист.

Али оказался невысокого роста, худощавым, довольно привлекательной наружности мужчиной с озорными светло-карими глазами и кучей веселых историй в запасе, которые он всю дорогу рассказывал, с легкостью переходя с русского на немецкий и наоборот.

На обратном пути Лидхен стала о чем-то просить отца, а он отвечал ей не-

сколько строго. Девочка, поглядывая на Фарах, продолжала просить. Но Гюнтер, по всей видимости, не уступал.

Тут вмешался Али.

– Лидхен просит отца пригласить вас домой, чтоб и я мог убедиться, как вы замечательно играете. Но Гюнтер говорит, что сегодня вы гость, и он не может принуждать вас, – помог он разрешить спор. – А если я попрошу, Фарах-ханым? Ведь и я уже наслышан о ваших способностях. Гюнтер рассказал, как вы обаяли его тевтонцев (так он называет своих друзей-шведов). И вообще, мне настолько приятно ваше общество, что не хочется так быстро расставаться!

– Не стоило так долго уговаривать! – засмеялась Фарах. Зачем ломаться, если и самой этого хочется? – Я и не думала отказывать.

Лидхен, услышав ответ девушки, захлопала в ладоши и что-то сказала, переводя взгляд с Фарах на Али. Молодой человек немного смутился и с улыбкой легонько дернул девочку за косичку.

– Лидхен сказала, – перевел на этот раз Гюнтер, – что из вас получилась бы замечательная пара. Она предложила мне поженить вас!

На сей раз смутилась Фарах. Но ей понравилась их непосредственность. На самом деле, зачем мудрствовать лукаво, притворяться и заумничать, если можно вот так, просто и бесхитростно выразить свою мысль.

– Мы подумаем над твоим предложением, маленький чертенок, – обратился к девочке Али. – Дети непосредственны, у них все так просто! – сказал он, обернувшись к Фарах.

– Да, это у взрослых принято сознательно усложнять себе жизнь...

– Как вы верно подметили! Особенно это характерно для нашей ментальности.

Продолжение вечера в доме господина Кольта было недолгим, но очень приятным. Для всех: для егозы Викки и болтушки Лидхен, для Гюнтера, зажмурившись от удовольствия тянущего пиво и без конца повторяющего «O, schön! Das ist sehr schön! Entzückende Musik!!»[1], для Фарах и Али, то и дело нечаянно встречающихся взглядом; для маленьких амурчиков, которым славная немецкая девчушка прибавила приятных хлопот.

Фарах не сразу вернулась домой. Они с Али еще немного побродили по бульвару, наслаждаясь чудным вечером, интересной беседой и предчувствием добрых перемен.

– Что вас расстроило, Фарах? – озабоченно спросил Али. Девушка слегка вздрогнула и помрачнела, когда его сотовый телефон заиграл мелодию «Эдельвейс».

– Да так. Этот вальс... Неприятные ассоциации...

– С чем?

– Действительно, зачем морочить человеку голову... – как бы говоря сама с собой ответила Фарах. – «Эдельвейс» – так называлась фирма-банкрот, в которой работал мой отец. Он... осужден. В России. Оказался замешанным в какой-то махинации с поддельными документами. Скорее всего, стал «стрелочником». Но не буду оправдывать. Возможно, и виноват...

Фарах замолкла и посмотрела на Али, ожидая увидеть на его лице разочарованность и неприязнь. Но он слушал внимательно, стараясь скрыть сочувствие.

– Вы молодец, Фарах, – наконец произнес Али. – Молодец, что не делаете долгих и ненужных вступлений, не прикидываетесь жертвой. Откуда это? Такая стой-

[1] Прекрасно! Прекрасно! Восхитительная музыка! (нем.)

кость, не свойственная молодым девушкам.

– Жизнь научила. Если и я сломаюсь, что станет с бедным стариком, моим дедушкой? Я ведь даже не говорила ему, что работала посудомойкой. Он всегда отождествлял меня с царственной особой, в честь которой и нарекли этим именем. Дед бы не вынес такого унижения, узнав, что его «шахиня» моет грязные тарелки в ресторане и драит плиту.

– Ее называли Нефертити, – улыбнувшись краем губ, тихо сказал Али. – Мне было пять лет, когда родители поехали на работу в Иран. Я был с ними. Мало что помню. Но ее портрет хранят у нас дома. Обворожительная женщина! А вы ее обворожительная тезка!

– Али, вас не смутило услышанное? – спросила Фарах. В ее вопросе мелькнула горечь и досада.

– Я спокойно отношусь к условностям. Наверное, работа среди иностранцев приучила, хотя я и раньше недопонимал некоторые наши пережитки. Говорят, от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Никто ни от чего не застрахован. А ваша правдивость и открытость достойны уважения. Другая на вашем месте напридумывала бы всяких небылиц. Вы мой маленький, стойкий оловянный солдатик!

С этими словами Али поднес к губам руку Фарах и поцеловал кончики пальцев. Девушка вздрогнула от неожиданности, но руку не отвела. Их первый поцелуй был коротким. Но жарким и многообещающим.

История превращения золушки в принцессу начиналась на этот раз на берегах теплого моря, под звездным небом южного города, чудесным весенним вечером 2006 года.

– В добрый путь, Фарах! Будь счастлива, моя маленькая шахиня! – скажет дедушка, вытирая слезы счастья, когда свадебный эскорт будет увозить его любимицу.

Держите нос по ветру, не унывайте, милые золушки!

Прощение отменяется

В церкви стоял едва заметный туман, и пахло ароматным цветочно-хвойным дымком. Помещение было недавно окурено, и лики святых с неблизкого расстояния теряли четкость.

Заутренняя прошла, новые свечи ждали прихожан, пряча в восковых сердцах пламя людских молитв и надежд. Лида пыталась запалить тоненькую янтарную свечу от огня лампадки, но та не загоралась. А когда, шипя и разбрасывая мелкие искорки, наконец, выбросила оранжевый язычок пламени, Лида невольно вздрогнула: по восковому телу церковной свечки потекли, бугрясь и застывая, мутные капли. Они смешивались с сажей от чернеющего и извивающегося фитилька и становились похожими на черные слезы. Лида подняла глаза на лик Пресвятой Девы, и их взгляд встретился. Женщине почудился укор в глазах, которые прежде были исполнены сострадания и понимания. На бликующем стекле, как на экране, неожиданно возникла картинка из давно минувшего...

– Это что за чудные розовые горошины? – притворно удивлялась молодая женщина, целуя пальчики пухлых ножек младенца. Наклонившись над ребенком, она нежно прикасалась губами к гладким пяточкам и, смеясь, добавляла. – Ах! Да это же наши сладкие пальчики, наши медовенькие пяточки! И щечки у нас самые бархатные, и губки у нас самые сахарные!

Обоим – маме и сынишке, – такое общение доставляло бесконечную радость. И оба были счастливы... А потом память выдала картинку с изображением встревоженной матери, прикладывающей дрожащую руку ко лбу больного корью семилетнего сына. Лоб был сухим и горячим, высокая температура вызывала горячечный бред.

– Прогоните красных коров! – бессвязно лепетал малыш, не открывая глаз и мучительно кривя губы. – Не надо так громко топать!

– Хорошо-хорошо, миленький, мы не будем топать!.. – шептала мать, целуя горячую ладошку мальчика и беспокойно оглядываясь на часы в ожидании доктора.

– Не кричи! Не кусайся! – стонал больной ребенок, которому даже нежное прикосновение и шепот причиняли муку и страдание.

Лида зажмурилась, чтоб не видеть следующую картинку. К горлу подкатил удушливый ком. Но слез не было. Вместо нее плакала печальная церковная свеча, покрываясь бугорками застывающих мутно-серых капелек.

Удивительно: обычно церковные свечи горели ровным пламенем, не отягощаясь тающими каплями воска, они испарялись, а не растекались.

– Открой глаза! – скорее почувствовала, чем услышала Лида. – Не беги от правды!

– А в чем она, правда? – тихо, с досадой спросила Лида, глядя на руки Пресвятой Девы и не смея вновь взглянуть ей в глаза. – Да, и я любила свое дитя! И я не спала ночей у его кроватки! И я мечтала видеть его взрослым и счастливым! Я родила его, вырастила, а он оказался неблагодарным чудовищем. Он даже бил меня по пьяни...

– Не попрекай тем, что родила его. Ты сделала это для себя. Разве не так? Разве не хотела таким образом привязать к себе любимого человека? Любить сына ты стала позже, после рождения. А наш материнский долг – заботиться о них. Попрекая неблагодарных детей тем, что произвели их на свет, некоторые пытаются обмануть самих себя. А ведь многие из рожденных обречены на муки. Кому, как не мне, не знать этого...

– Но ведь я отдала ему лучшие свои годы! Из-за него и жизнь свою не устроила, не хотела, чтоб рос с отчимом... – оправдывалась Лида, теряя уверенность в своей правоте.

– Не лги! Ты не была тверда в своем намерении. Тот человек был ненадежен. Именно это тебя остановило, а не его отношение к сыну.

– Может быть, и так... – все слабее сопротивлялась Лида доводам задумчивых глаз за бликующим стеклом. – Но я так надеялась, что мое старческое одиночество будет скрашено сыновней заботой. А он заставлял меня продать квартиру, требовал денег!

– И ты выгнала его из дома... Каково же тебе сейчас, одной в просторном доме? Радует ли он тебя, греет ли?

– Нет... Но ведь он пропил бы деньги!

– А что ты сделала для того, чтобы оградить сына от этого зла, от пристрастия к вину? Ты только ругала, унижала, упрекала его. Ты даже не заметила, когда жизнь сына дала трещину, когда ему необходимы были твоя материнская защита, помощь, совет. И любовь!

Даже сегодня, сейчас сюда привело тебя не чувство вины, не раскаяние и желание что-то изменить, а потребность найти поддержку и оправдание своему по-

ступку. Я ведь права? Вчера ты увидела своего сына потерявшим человеческое обличье, пьяным в подворотне, в грязи. Ты не сразу узнала его, и это опустившееся существо вызвало у тебя отвращение и брезгливость. Что ты почувствовала, когда поняла, что это – он?

– Страх... Я поспешила уйти. Чтоб не узнал... – отчаянно ища другие слова, ответила Лида. Но других слов будто и не было. Приходилось говорить правду. – Был страх... и стыд, – Лида не могла лгать этим пронизывающим насквозь глазам. – Он был омерзителен!

– Этот падший человек – твой сын! Твое когда-то любимое дитя! На нем много вины, греха и порока. Ты не смогла уберечь его от них. Даже не боролась с поработившим его Злом!

– Боролась! Как могла...

– Вот именно! Сердце в этом участвовало. Даже сейчас, когда тебе вспомнились далекие и счастливые дни, твое сердце не заколотилось. А ведь оно должно было разорваться от боли, облитое кровью!

– Уже ничего не изменить. И ничего не вернуть... – по морщинистой Лидиной щеке медленно поползла запоздалая остывшая слеза.

– Не вернуть, это так! Но изменить что-то еще можно. Загляни в свое сердце, в тот уголок, куда ты не заглядывала почти сорок лет. Там ты найдешь ответ.

– ...Когда ему было лет десять, он так увлекся игрой в индейцев, что даже дома запрещал называть себя по имени. Придумывал какие-то затейливые прозвища: Черный Бизон, Поющий Койот, Желтый Мустанг или Чуткий лис. А меня называл то Ловкой Белкой, то Быстроногой Ланью. Однажды пробрался в соседний палисадник и надергал перьев из петушиных хвостов. Шуму было! Соседка в милицию пожаловалась. Пришлось прикупить ей пару куриц, чтоб утихомирилась, – Лида делала усилия, разгребая воспоминания, покрытые паутиной полузабвения, и пытаясь разбудить давно угасшие чувства. – После этого скандала я переломала и выбросила все его индейские штучки, а самого побила шлепанцем... Он придумывал игры, которые всегда завершались неприятностями. И без конца врал! Однажды написал сочинение о бабушке, которая, якобы, воспитывала его, называла «хрустальным колокольчиком» за звонкий смех. Какая бабушка? У него никогда ее не было! Врун!

– Фантазер...

– Ничего себе фантазии! Назвал себя сиротой, у которого родители погибли во время ташкентского землетрясения. Выходит, он с детства желал мне смерти? – Лида теребила край жакета, быстро-быстро беззвучно шевеля губами.

Наблюдающий за ней со стороны церковный служка сочувственно покачал головой, мысленно прося у Господа помощи для столь усердно молящейся пожилой женщины.

– Просто он ощущал себя одиноким и брошенным, когда за полночь не ложился спать и дожидался тебя. А ты, вернувшись, вместо того, чтоб приласкать, бранила его за несъеденный ужин и за то, что до сих пор не спит. Он слышал твои телефонные разговоры с мужчинами, твой смех и шутки и чувствовал себя ненужным.

– Ненужной оказалась я! Когда он вернулся из армии женатым на гулящей девке на двенадцать лет старше себя да еще с семилетним байстрючонком!

Господи, как он пестовал эту безотцовщину!

– Наверное, недополученная отцовская забота рождала в нем потребность самому позаботиться о каком-нибудь беззащитном существе.

– Вот и позаботился бы обо мне! Разве в итоге та стерва не наставила ему рога? А ведь я предупреждала, я это предвидела! Гуляла от него налево и направо. А кто его к водке пристрастил? Она! Это она, а не я, сломала ему жизнь. Я была права, когда пыталась открыть ему глаза. Чем все закончилось? Сбежала с очередным своим любовником, да еще все ценности из дома прихватила.

– Ты заявила в милицию, и твой сын получил срок за кражу...

– Это не он украл, а она! Он просто взял на себя чужую вину, оговорил себя, чтоб ее не посадили, – старая ненависть закипала в душе Лиды, мешала трезво мыслить. – Дурак! Пожертвовал собой ради какой-то развратной девки. Ради меня он не пожертвовал бы даже одним своим днем. А из-за нее два года отсидел.

– Может быть, он думал о ее сынишке, которого отдали бы в приют? Ты же сама говоришь, что твой сын очень привязался к мальчику...

– Вздор! Кто ему этот ублюдок?!

– Не сквернословь! Ты в храме.

Лида вдруг заметила, что слабое пламя свечи не отражается на стекле. Свеча погасла, оставив на полпути грязно-серые застывшие капли. Лида не стала запалять ее вновь, спешно перекрестилась и покинула церковь. Она искала поддержки и оправдания, но не получила их. Ведь прощение – удел покаявшихся.

Лида торопливыми старческими шажками направилась к выходу. Накрапывал мелкий дождик. Настолько мелкий, что походил, скорее, на водяную пыль. Смешиваясь с застрявшим в облаках городским смогом, влага оседала на всем движимом и недвижимом едва заметной мутной, жирной пленкой. Вряд ли такой дождь очистит воздух! Для этого потребуется хороший ливень. Но, судя по расползающемуся, как от хлорного отбеливателя, облачному покрову, ливня не ожидается.

Скоро облака окончательно растают, стряхнув на город остатки размокших переработанных выхлопов, а солнце, подсушив эту смесь, добавит бурых красок к зелени оскудевшей городской растительности. Чистые небеса, отчаянно сопротивляясь земной грязи, пытались вернуть ее обратно на землю. Трудная задача. Даже для небес...

Вечером, проходя мимо покореженных ржавых ворот глухого, заваленного каким-то хламом двора, Лида замедлила шаг. В нише проходного коридора, где она недавно увидела пьяного бомжа в грязных лохмотьях, никого не было. Кругом валялись обрывки старой одежды и картона. Лида прошла внутрь, в глубь двора. Ни души! Повсюду строительный мусор, безногие стулья, обломки оконных рам. Она подняла голову и едва успела отскочить: с балкона второго этажа рабочий приготовился сбросить ведро мусора.

– Ты вниз-то гляди, мужик! – сердито крикнула ему Лида.

Мужчина перегнулся через барьерчик и с удивлением спросил:

– А что вам нужно, бабушка? Ищете кого-то? Хозяев нет, завтра будут.

– Я видела здесь... у входа, в нише... мужчина тут был... вчера.

– Вчера и помер. «Скорая» его увезла. Алкаш какой-то, – ответил рабочий. – Ребята ему хлеба отнесли, пожалели, а он, оказывается, помер, бедолага. Бродяга – не бродяга, а все ж человек... Вам-то он зачем?

Лида не ответила. Последние слова рабочего-ремотника опрокинулись ей на голову, словно щебень из его ведра. Она поспешила уйти. Скорее, скорее прочь отсюда!

Прощение отменяется...

Волшебный камешек Умид

В стране, о которой слышат в молодости, но живут в старости, жила одна очень искусная вышивальщица. Вышитые ею покрывала украшали самые богатые дома. И хотя платили за работу немного, труд доставлял ей радость. Она знала, что даже после смерти ее имя не будет забыто. Ведь оно вышито на оборотной стороне каждого покрывала золотисто-коричневой шелковой ниткой – Умид. Вышивая замысловато переплетенные цветы, Умид всегда тихо пела. Песни были простые и бесхитростные: она описывала стежки и узелки, которые складывались в чудесные букеты, мягкую ткань, принимающую на свою поверхность узоры и терпеливо сносящую капризы острой иглы. Гладкий кусок ткани знает, что болезненное соприкосновение с иглой скоро закончится и его терпение будет вознаграждено – он превратится в роскошное шелковое покрывало, вызывая зависть затертых льняных полотенец и застиранных скатерок. В песенках Умид и материя, и нитки, и иголки были одушевленными, и оттого узоры казались настоящими, живыми.

– Милый, красный цветок, ты источаешь такой дивный аромат! – напевала Умид, вышивая розовый бутон. – Но, прошу тебя, приподними свой листочек, ведь под ним совсем не видно маленькую фиалочку. А она такая славная!

– Матушка, – вдруг начинал смеяться маленький сын Умид, – ты так разговариваешь со своим рукоделием, будто все эти цветочки-лепесточки живые.

– А разве нет? – сосредоточенно заправляя шелковой ниткой тонкую иглу, отвечала Умид. – Скажу больше: они не просто живые, они бессмертные! Все цветы когда-нибудь увядают, а эти всегда остаются яркими и красивыми. Всякое творение, в которое ты вкладываешь любовь, обретает живую душу.

– И корабли тоже?

– И корабли. А почему ты спросил?

– Когда я вырасту, куплю корабль и буду путешествовать по дальним морям и странам, которые за горизонтом. Там есть страны?

– Огромное множество! – утвердительно кивала головой Умид и вздыхала. Она не хотела огорчать сына сомнениями. Как он сможет купить корабль, если им и на лодку не накопить? Разве что случится чудо… – А в одной из этих стран встретишь прекрасную девушку, и она станет твоей женой. У вас родятся дети, и вы будете жить долго и счастливо.

– А ты?

– А мне хватит и твоего счастья…

Мечта о корабле не покидала сына Умид. Она сопровождала годы его юности и зрелости, но по-прежнему оставалась недосягаемой, хотя он был очень трудолюбив. Мать с болью наблюдала за сыном, не зная, как ему помочь. Сердце ее сжималось от жалости и бессилия, когда сын, валясь с ног от усталости, даже не поев, засыпал, возвращаясь с работы. Однажды сын сказал, что отлучится на весь день по делам службы. Это должно быть очень прибыльное дело, хоть и рискованное. Но он не может упустить такой шанс.

– Я не могу ждать до скончания века, когда оживут вышитые тобой кораблики! – упрямо ответил он матери, пытавшейся отговорить сына от рискованного предприятия. – Для меня не имеет смысла жизнь, в которой можно только влачиться и прозябать. Либо я все потеряю, либо все обрету!

В ночь перед отъездом сына Умид долго не могла уснуть. А когда,терзаемая

тревогой, уснула, ей приснился удивительный сон. Будто сидит она со своим рукоделием перед мерцающей лампой и подходит к ней женщина в белом шелковом платке, вышитом ее руками.

– Ты замечательно вышиваешь,Умид! Скажи, смогла бы ты оставить это дело?

– Но ведь оно кормит меня! И я его люблю.

– А если я предложу тебе корабль? Твой сын мечтает о нем, я знаю…

Умид задумалась. Но только на мгновение!

– Согласна… Что я должна сделать?

– Ровным счетом ничего! Ты просто будешь держать в руке этот камешек.– Женщина протянула Умид небольшой, гладкий черный камешек. – Разумеется, держа его в кулаке, ты уже никогда не сможешь рукодельничать. Но в нем заключена удача твоего сына. Никогда не разжимай ладони!

Умид проснулась и какое-то время лежала, держа сжатую ладонь под щекой и думая о странном сне. Как же она изумилась, вдруг обнаружив в руке некий предмет – это был гладкий черный камень! Весь день Умид со смятением в душе ходила, сжимая в кулачке камешек. А вечером вернулся сын, и выяснилось, что дела его оказались успешными, и он получил очень большую прибыль. Гораздо большую, чем даже предполагал. Умид рассказала ему об удивительном сне и показала камешек.

– Если в нем заключена твоя удача, мне придется оставить рукоделие, – боясь показаться смешной, говорила Умид. – Но я согласна… Зато у тебя будет корабль, и ты посетишь те страны, о которых мечтаешь.

– Глупости все это! – рассмеялся сын. – Неужели ты думаешь, что какой-то камень определит мою судьбу? Я сам всего добьюсь!

Умид горько вздохнула и покачала головой. Как объяснить сыну, что дело не в камне, а в сжимающей его руке! С того дня Умид оставила рукоделие и не расставалась с черным камешком. Она не могла больше вышивать, и песни ее стали очень грустными. Правда, пела она их теперь лишь сердцем. Зато предсказание женщины из вещего сна сбывалось. Очень скоро сын Умид так разбогател, что купил не один, а несколько кораблей. Это были огромные торговые суда, которые пересекали океаны и приставали к берегам тех самых стран из его грез. Сын Умид стал очень знатным и уважаемым человеком. Люди кланялись ему при встрече, почтительно прикладывая руку к груди или обнажая голову. Многие считали за честь его ответ на приветствие. Сам же он продолжал умножать свое богатство, приобретая все новые корабли и ведя торговлю с дальними странами. И однажды из Страны Бурных Горных Потоков он привез себе невесту.

– Помнишь, сынок, как когда-то я говорила тебе об этом дне? – спросила Умид, держа на коленях внука. – Признаться, я и сама тогда мало в это верила. Но мне очень хотелось, чтоб твоя мечта сбылась!

Сын поморщил лоб, как бы пытаясь вспомнить, и пожал плечами.

– Не помню. Может быть… Помню твои глупые выдумки о каком-то камне, который нельзя выпускать из рук. Неужели ты до сих пор его держишь? По-моему, ты просто разленилась. Да и зачем тебе рукодельничать при таком сыновнем богатстве? И камень твой тут ни при чем – я сам всего добился.

Умид вдруг стало холодно от такой сыновней непочтительности. Она еще крепче сжала в кулаке заветный камешек. С годами сын становился все более черствым. Он давно уже не уделял ей времени – был слишком занят своими кораблями. Не интересовался ее здоровьем и настроением. Жива – и слава Богу! А стареющей Умид

было так одиноко и грустно!

– Сынок, я так редко тебя вижу! Сядь, поговори со мной. Расскажи мне о тех странах, что лежат за горизонтом…

– О чем ты говоришь! У меня нет времени на пустые беседы. Если тебе скучно, займись своим рукоделием.

Да, любимое занятие скрасило бы одиночество и тоску. Вот бы снова расшивать яркими букетами шелковые покрывала и напевать, как прежде: «Белые ромашки с янтарными сердечками, расступитесь немножко! Голубые васильки хотят прижать к вашим белоснежным лепесткам свои небесные цветочки. Вместе вы будете еще краше. И розовая лента вам очень к лицу…»

Ах, как тоскуют пальцы по быстрой иголке, по серебряному наперстку!

– Умид, мой платок поизносился, и узоры на нем поблекли, – вдруг раздался голос, услышанный много-много лет назад во сне. – Расшей мне новый, и я верну тебе молодость и здоровье!

– Это опять ты?! – грустно улыбнулась Умид, увидев перед собой женщину из своего давнего сна. – Как же я это сделаю, не разжав руки?

– А ты брось камешек! Он свое отслужил. Твой сын все равно не верит, что его удача в твоих руках. Докажи ему, что это так, пусть осознает ошибку. Да и к тебе станет добрее.

– Если я разожму ладонь, удача отвернется от него?

– Она и без того слишком долго его баловала!

– Нет! Не надо! Прости, но я не смогу расшить тебе новый платок…

– Сын почти забыл о тебе!

– У него много забот…

– У него десятки кораблей, и ни один не назван твоим именем!

– Я не сержусь…

* * *

Когда владельцу торговых кораблей сказали, что его мать умерла, он не сразу понял и задал несусветно глупый вопрос:

– Почему?

– Она была уже стара.

– Разве? Я и не замечал… – он вдруг как будто очнулся от глубокого сна. – Матушки больше нет?..

Рука Умид свисала с расшитого белыми и розовыми лилиями покрывала. Рядом на полу валялся вывалившийся из разжатой ладони гладкий черный камешек. Сын поцеловал непривычно холодную руку матери. Слезы стояли удушающим комом в горле, но не могли пробиться к глазам. Он так давно не плакал! Не было причин. А теперь уже не мог…

– Хозяин! – окликнул его остановившийся в дверях слуга. – Плохие вести: один из ваших кораблей затонул, весь товар пошел на дно. Люди едва спаслись. Их подобрали рыбаки.

Хозяин слушал, но не слышал. Он поднял с пола черный камешек, и тут вдруг увидел незнакомую женщину в шелковом платке, вышитом его матерью. Да, он узнал! Это те самые золотые кораблики, бегущие по бирюзовым волнам, для которых он подбирал нитки из плетеного коробка.

– Пришел твой черед взять в руки удачу своих сыновей, – сказала незнакомка.

– Не разжимай ладони, не выпускай из рук этот камешек. Дела сыновей будут успешны, если ты, как Умид, отдашь им то, что было смыслом твоей жизни и приносило тебе радость. У тебя нет времени на раздумья – один корабль уже потерян.

– Я не верил матушке, мои дети будут насмехаться надо мной… – рассеянно проговорил седеющий сын Умид. – Неужели это правда?

– Это жизнь. Она как большая книга, в которой есть и печальные, и радостные страницы. К сожалению, ответы на самые важные вопросы записаны на последних страницах. Не рассчитывай на понимание сыновей. Просто отдай им свое счастье и крепко держи в руке этот камешек.

– Мне будет одиноко…

– Ничего не поделаешь – надо чем-то пожертвовать.

Каждый раз, провожая в путь корабли сыновей, прежний хозяин крепко сжимал в кулаке гладкий черный камешек и говорил им, что держит в руках их удачу. Сыновья были снисходительны к неожиданной причуде отца, но считали это лукавством.

– Старик устал, ему стало трудно управлять делами. А признаться из гордости не может, – посмеивались сыновья. – Ну да ладно! Пусть отдыхает.

Гладкий черный камешек не отягощал руки отца. Тягостен был другой камень. Тот, что лежал на сердце. Теперь, когда сыновья все меньше виделись с ним, он чаще приходил на могилу Умид и подолгу рассказывал ей о дальних странах, о морях, кораблях и людях, обо всем, что увидел и узнал за всю свою жизнь. А черный камешек в его руке терпеливо дожидался нового хозяина.

Экзотическое блюдо

– Ой, мамочки! – вскрикнула тетя Муся, ухватившись ладонями за щеки. В ее небольшой эмалированной кастрюле с восхитительным куриным супом плавал отвратительный черный таракан. Бедная старушка чуть не плакала от досады. Теперь придется слить в уборную ароматный бульон и отдать котам Анны Трофимовны золотисто-желтого цыпленка!

– Зачем же котам? – запротестовал сосед Какуш, оскорбленный расточительностью тети Муси. Он протянул женщине почерневший от жира чугунок. – Слейте сюда, я сам съем ваше экзотическое блюдо!

– Но там таракан! – изумилась старушка. – Ты и его … съешь?

– Нет, конечно, – Какуш ловко выловил ложкой таракана и стряхнул в мусорное ведро. – Не отравил же он ваш суп. Подумаешь, таракан – только и всего-то! А кричите, будто бомбу в супе нашли.

Злорадно улыбнувшись вслед тете Мусе, с раннего утра пытавшей его ароматами стряпни, Какуш отправился в свою комнату, бережно неся полный до краев чугунок с супом из свежего цыпленка. Старой соседке и на ум не пришло бы (а ведь не впервые!), что таракан оказался в кастрюле не сам по себе. Порассуждай она хоть чуть-чуть, сообразила бы, что черные тараканы днем не выползают, на потолок не забредают. А по горячим бокам эмалированной кастрюли в нее не так-то и попадешь. Тетя Муся слишком хорошо думала о людях. Даже о Какуше.

Прозвище «Какуш» он получил в далеком детстве. И оно было вполне справедливо: увлекшись непомерным для детского организма количеством поглощаемой пищи, он частенько не замечал, как часть содержимого желудка опорожнялась в

штаны. Когда Какуш пошел в школу, его всегда сажали за крайней первой партой, поближе к выходу. Учительница позволяла ему выходить (точнее, выбегать) из класса без разрешения, если приспичит. А такое случалось довольно часто и предварялось зловонием в воздухе, очень быстро заполняющим помещение классной комнаты. Никто не хотел сидеть с ним за одной партой. Неудивительно, что друзей у Какуша не было. Не появились они и позже. Но это его не удручало. Он чувствовал себя вполне комфортно и без друзей. Ни страх быть наказанным, ни брезгливое отношение сверстников не могли возобладать над его любовью к чревоугодию, ставшему единственным искренним чувством всей жизни. Оскорбительное прозвище, вызывающее недоумение неосведомленных, не осталось в детстве, а переросло из имени нарицательного в собственное. Но и это не коробило его. В пятьдесят лет его так и называют – Какуш. Поглощение всего съедобного (и не очень) тоже осталось любимым занятием. А сон или разговоры о еде в промежутках между ее употреблением занимали оставшиеся недолгие часы светлого времени дня. Единственное печатное издание, выпущенное в 1953 году, которое Какуш с удовольствием перелистывал время от времени, – это толстенная кулинарная книга с многочисленными красочными иллюстрациями. Если не брать в расчет полученного усилиями родителей аттестата об окончании восьмилетки и диплома техникума Пищевой(!) промышленности, никакого серьёзного образования у Какуша не было. Ну, какая, скажите на милость, наука пробьется к заплывшим жиром мозгам? Собственно, и наличие таковых можно ставить под сомнение. Скорее всего, его небольшой череп, не соответствующий в пропорциях многопудовому телу, наполняла некая тестообразная субстанция, отвечающая за минимальное количество рефлексов. Самый развитый из них, как сами понимаете, – прием пищи. Каков может быть его облик? Это нечто среднее между дряблокожим моржом, провонявшей прогорклым маслом старой чугунной сковородкой, свиньи с лицом гориллы и хлюпающей помпой, опущенной в канализационный люк. Орел, ничего не скажешь!

– Целый месяц в банке без еды, а еще жив! – задумчиво протянул Какуш, глядя на заключенную в баночке из-под майонеза бронзовку и жуя баранку. Он прислонился к дверному косяку и стал тереться об него, как слон о баобаб, одновременно почесывая живот выше пупа. – Интересно, сколько еще протянет, если не кормить?

Эксперимент над несчастным жуком, на свою беду случайно залетевшим в окно, был поставлен от скуки. «Опыты» над большими черными тараканами уже надоели. Теперь Какуш просто прыскает на них дихлофосом, но подолгу не убирает агонизирующих насекомых, наблюдая за их муками. Один такой уже вторые сутки лежит под столом, опрокинувшись на спинку и скрестив лапки в «пятой позиции». Жив еще – усы подергиваются. Если до завтра не подохнет, Какуш утопит его в унитазе.

– А что, если набрать этих тварей и поджарить? Едят же люди разных насекомых, – вдруг осенила его мысль. У Какуша даже спина перестала чесаться. Он вспомнил увиденное недавно по телевизору блюдо из жаренных на кокосовом масле пальмовых червей. Туристы ели, и, кажется, им нравилось. Ночные гости, тараканы, величиной почти как те черви. Наверное, и белка в них не меньше. Лапки и усы, пожалуй, лучше оторвать. Надо только собрать их побольше. Штук эдак пятьдесят.

– Многовато, – размышлял, почесывая брюхо, Какуш, – столько и за месяц не наловить. Да и как наловить?

Тугодуму Какушу пришлось напрячь свои куриные мозги, чтоб сконструировать

примитивную ловушку для тараканов. Придумал: нашел в кладовке литровую кефирную бутылку, завалявшуюся невесть с каких пор, поставил на деревянную подпорку под острым углом.

– Надо бросить туда приманку, – сообразил Какуш.

Он вынул из холодильника батон колбасы, отрезал тонюсенький кружочек, но, поразмыслив, отщипнул от него крошку и бросил в бутыль. Остальное отправил в рот. Повертел колбасу в руках, затем толсто нарезал ее, сделал бутерброд и мгновенно умял его. Заел куском сала, громко рыгнул и стал устанавливать ловушку.

– Хороший улов, – довольно потер руки Какуш, когда через три дня в бутылке копошился десяток омерзительных усатых тварей. – Куда бы их отсыпать? Если так пойдет, за неделю до горлышка наполнится.

Вот и нашел занятие – по душе пришлась Какушу затея с отловом черных тараканов. Он поставил бутылку на подоконник, сам уселся напротив, в скрипучее засаленное кресло. Какуш стал с интересом разглядывать своих пленников. За окном стоял теплый апрельский день. Хорошенькая девушка в модных туфельках с легкомысленно задранными кверху носами поджидала кого-то, нетерпеливо теребя пуговицу и слегка размахивая сумочкой. Неподалеку, у газетного киоска, не отрывая глаз от девушки, стоял парнишка. На ветвях старого дерева лопались почки, сбрасывая на землю коричневую шелушистую корочку.

Там же, наверное, сидел и Амурчик. Наслаждаясь чириканьем воробьев и созерцанием пробуждающейся природы, он подзабыл о своих обязанностях. Когда спохватился и стал торопливо прилаживать золотую стрелу к серебряной тетиве, девушка, взяв под руку подоспевшую подружку, ушла. А парнишка у газетного киоска, засунув руки в карманы кожаной куртки и поежившись, будто от холода, еще долго провожал ее погрустневшим взглядом. Но ничего из происходящего за окном не интересовало Какуша. Там был другой мир, в котором только запах булочной-пекарни, что за углом, может быть привлекателен для него. Сегодня окно, как наглухо закрытая между двумя мирами граница, аромата слоеных пирожков и сдобных булок в комнату Какуша, наполненную смрадом, не пропускает. Какуш уставился на помутневшее от времени и тараканьих слез стекло кефирной бутылки, да так и задремал. Ему почудилось вдруг, что из бутылки доносятся приглушенные голоса. Он протянул руку к бутылке, но она выскользнула и опрокинулась.

– Бежим, братцы! – кричали тараканы, разбегаясь в разные стороны. – Это животное и живьем нас сожрет! Один, самый нервный, спрыгнул с подоконника прямо на Какуша и быстро-быстро пополз вверх, к подбородку. От неожиданности Какуша сковал страх, он не мог и пальцем двинуть. А таракан с отгрызанными усами и помятой спиной стремительно преодолевал сложный путь к черным отверстиям ноздрей своего мучителя. Он так же стремительно проник в левое отверстие и стал протискиваться все выше и выше, вперед – тараканы не умеют пятиться, такого механизма природа не предусмотрела. У Какуша от ужаса свело челюсть, и он не мог закричать. Становилось трудно дышать, а руки и ноги обездвижели и висели, как ватные. Протискиваясь меж выпуклостями и неровностями содержимого черепушки Какуша, таракан, натренированный многодневной толчеей в кефирной бутылке, рвал, расталкивая колючими лапками, капилляры и ткани. Через несколько минут кровь залила заплывший жиром мозг Какуша, в который вгрызался разъяренный черный таракан, понявший безвыходность своего положения.

* * *

В коммунальной квартире напротив шел ремонт. Каждый раз, проходя мимо комнаты Какуша, рабочие морщились от зловония, исходившего из щели незапертой двери. Сталкиваясь с Какушем в длинном захламленном коридоре, рабочие старались побыстрее обойти его.

– Тьфу ты! От этой жирной вонючки несет хуже, чем из канализации, – качали головами строители-ремонтники. – Неужели он никогда не моется?..

Но последние несколько дней стало просто невозможно пройти мимо комнаты Какуша, не зажав руками нос и рот. Один из рабочих, не выдержав, толкнул ногой дверь Какуша и остановился на пороге как вкопанный. Жуткая картина предстала его глазам: Какуш сидел в кресле, руки и ноги его обвисли, голова втянута в грязный ворот рубахи, а безобразно выпученные мертвые глаза уставились на кефирную бутылку с дохлыми черными тараканами, что стояла на замызганном подоконнике. С трудом, подавляя приступ тошноты, мужчина бросился к туалету. «Скорую» и полицию вызывал уже сотрудник ЖЭУ.

– Как жил, так и помер, – брезгливо поморщился управдом. – Кто-нибудь знает его родственников?

Не до смеха

Белокожая и светлоглазая, она резко выделялась в общей массе смуглых и черноглазых сверстников. Может быть, поэтому ее считали красивой. Скорее за нехарактерный для южан тип, чем за утонченность. О какой утонченности могла идти речь? Грубая, неотесанная, крикливая, тугая до наук, зато падкая до сплетен и интриг – такова суть этой румяной нимфетки местного разлива, которая могла уснуть (и даже всхрапнуть – бывало и такое), если рядом читали вслух из Лермонтова. Потому и не удалось ей осилить более семи классов послевоенной средней школы. А вот продавщицей в галантерейный магазин взяли сразу: хороша, нахальна, артистична – находка в сфере обслуживания. Через прилавок галантерейного магазина пролег и ее путь к удачному замужеству. Здесь крепко увяз в ловко расставленных силках юной охотницы за счастьем чернобровый выпускник военного училища. Месяца не прошло, как оказался он «под венцом». Матушка его, женщина строгая и консервативная, выбор сына не одобрила. По ней, даже громкий смех не приличен для девушек. Поэтому близко знавшие женщину люди в недоумении пожимали плечами: «Неужели Хавер-ханым даст свое согласие на брак единственного сына с этой пираньей?» Но именно мудрая свекровь до самой смерти оставалась главным тормозом на слишком уж крутых поворотах. Благодаря ей брачные узы удалось сохранить. Узы, заметьте, а не союз! Потому, что участников такого брака проще назвать «узниками», чем «союзниками». Серьезной составной частью этих уз стали и четверо детей, которых сноха лихо «отштамповала» за пять лет и которых бабушка просто обожала. Крепкая привязка! Расскажу-ка я вам… Нет, как-нибудь в другой раз. А сейчас заглянем в июльский день, вернувшись в будущее, через пятьдесят лет…

* * *

Старая Мужда изнывала от скуки на даче, куда увезли ее дети на лето. Заодно и подальше от скандала, едва не разгоревшегося среди родственников из-за ее чрезмерной болтливости. Ну что с ней поделать – так и не научилась держать язык на

привязи! Создав старушке все условия для отдыха, дети лишили ее лишь одного – телефона. Дети, внуки, гости, телевизор, обильная пища и теплое море – все это хорошо. Но вдруг старая Мужда пропустит какую-нибудь дурно пахнущую сплетню или интригу? И кому, как не ей, лучше других удастся разжечь ее, оставшись при этом как бы и в стороне? Когда-то покойный муж бросил ей в сердцах: «Отрезать бы тебе язык да скормить псам!» Думаю, псы отравились бы.

– Чем опять недовольна? Чего тебе не хватает? – спросил Мужду сын, когда она демонстративно отвернулась в ответ на его приветствие.

– Сижу тут, как в тюрьме! Ни телефона, ни… – Мужда не нашла, что указать в перечне отсутствующих удобств.

– Чего «ни»? – сдерживая сердитые нотки, переспросил сын.

– Смерти! – злобно огрызнулась мать.

– А, кстати, о смерти, – спохватилась внучка. – Забыла тебе сказать: звонила Месма, сказала, что кто-то из твоих двоюродных-троюродных помер.

– Кто?! – лицо старухи вдруг ожило, поблекшие глаза заискрились, щеки порозовели.

– Не помню имени…

– Хырда? Зумруд? Сафура? Ася?..

– Нет, не помню.

– Дайте телефон, я узнаю!

– Не надо. Я завтра сама разузнаю и сообщу тебе. Все равно в город не поедешь!

– А поминки? Без меня?..

– Твое присутствие покойницу не воскресит. Не волнуйся, мы скажем, что ты неважно себя чувствуешь, давление, сахар и все такое…

Все бы ничего, но стрела была пущена. Старуха Мужда проворочалась в постели до утра, перебирая в уме все возможные кандидатуры на тот свет.

– Скорее всего, это Ася! – заключила она в итоге. – Ася старше всех, давно прикована к постели. Не шутка – два инфаркта в 87 лет!

– Надо сообщить тем, кто еще не знает, – думала Мужда, щелкая протезом и жуя ветчину, завернутую в лаваш.

Есть по ночам спрятанный под подушкой бутерброд – еще одна причуда старой Мужды, пережиток голодного военного детства. Когда-то за эту дрянную привычку ей здорово влетало от мужа. И не мудрено: давно жила в достатке и сытости, а глаза все равно голодные! Иногда, запрятав в укромный уголок кусок копченой колбаски или сдобный пирожок, она забывала о нем и очень удивлялась обнаруженной через месяц-другой позеленевшей от плесени находке.

Да, беспокойная выдалась ночка! Мужда представляла, как уложили покойницу Асю посреди комнаты, покрыв табут куском черного шелка, как причитают и плачут ее дочки, внучки и золовки. Пропустить такое зрелище!

– Нет, золовки вряд ли плачут, – рассуждала Мужда. – С чего бы им плакать? Не любили они Аську-то. Радуются, небось. Эх! Нет меня там – вот бы показала, как нужно покойниц оплакивать!

Это точно – в притворстве равных Мужде не было. Войдя в роль горюющей, она даже могла потерять сознание и прийти в себя только после нашатыря. Мастер экстра-класса!

В восемь утра Мужда вышла в прихожую и тут вдруг увидела сотовый телефон

на тумбочке. Он стоял на зарядке. Все еще спали. Мужда осторожно освободила шнур и вышла во двор, подальше от дома. Затем набрала номер троюродной сестры двоюродного дяди и, напустив горестных нот в дрожащий голос, запричитала:

– Ася-а-а умерла-а-а! Слышала-а-а-? Ой, не могу говорить! Ой, тяжко-о-о!

– Не может быть! Я же только вчера с ней говорила! О-о-о! – заголосила Гюльбиби на другом конце воздушной связи. – Отмучилась, болезная-а-а!

Кто, кому и в каком порядке сообщил печальное известие дальше, доподлинно не известно. Бесспорно одно: факт кончины 87-летней Аси был явно передернут. Как выяснилось позже, умерла не Ася-хала, а ее 50-летняя внучатая племянница. Внезапно. От инсульта. Но все родственники с раннего утра стали звонить именно к Асе, выражая соболезнование ее дочери. Дочь Аси восприняла слух о кончине матери как чью-то злонамеренную проделку и уже начала браниться с появившимися на пороге опечаленными тетками. Но тут-то и случилось самое ужасное: Ася, поняв причину визита двоюродных сестер, вдруг выкатила глаза, хватая воздух широко открытым ртом и размахивая руками, захрипела и…померла! В суматохе последующих дней никто так и не вспомнил, от кого изначально исходило известие о смерти Аси. К счастью для старой Мужды.

– Ты выяснила, кто умер? – спросила Мужда у внучки, вернувшейся на дачу через три дня.

– Ах, да, тетя Ася. И еще кто-то.

– Вот видите! Я была права, значит, все-таки Ася! – гордая своими безошибочными «вычислениями», проговорила Мужда. – А кто еще?..

Сорняк

Утром спешила на работу и не успела выбросить мусор. Уже в прихожей, роняя из рук то сумку, то зонтик, нацарапала на желтом листке с липучей полосой по краю: «Вынеси мусор!» Почему просто не сказала? Да потому, что ответ знала заранее: «Щас!»

Или – «Потом». Вот, чтоб не усугублять раздраженностью плохеющего настроения (вчера начальство уже сделало предупреждение насчет опозданий), и не стала кричать из прихожей сыну, почти двадцать минут досыпающему в туалете. Просто прилепила листок к зеркалу.

Все равно опоздала! Стоя, словно цапля, на одной ноге в набитом до отказа автобусе и теряя пуговицы, отдираемые локтями и сумками сходящих пассажиров, без конца дула на прядь, упавшую на нос и издевательски щекочущую. Только бы не чихнуть! Если чихнуть, утереть нос будет нечем – до платка не дотянуться. Придется, сгорая от стыда и духоты, хлюпать носом и дожидаться удобного момента, чтоб вытереть коварно дрожащие в ноздрях капельки влаги. Потом, сломя голову, неслась к проходной и вверх, на пятый этаж, по крутой винтовой лестнице, добросовестно «закрученной» еще пленными немцами в сороковых годах – из-за какой-то поломки не работал лифт. На широкой двери коридора было приклеено новое предупреждение: «Рабочий день начинается не у парадного входа, а на рабочем месте! В 9.00!» Два нуля напоминали недремные очи начальства и заставили сконфузиться. Уже 9.15! Течение всего дня было предрешено…

Интересно, какую ногу имеют в виду, когда говорят «встал не с той ноги»?

Какая нога – «та»? Кама готова вставать с кровати, оперевшись на голову, лишь бы день оказался удачным! Вот и сегодняшний не оказался счастливым исключением в длинном ряду «черных». Ну, уж, по меньшей мере, темно-серых.

Первое, что увидела Кама, вернувшись домой и войдя в прихожую, был желтый листок на зеркале: «Вынеси мусор!» «Щас!» – приписано на нем рукой сына. Будь настроение Камы немного лучше, остроумие лентяя вызвало бы у нее улыбку. Но только не сегодня! Сейчас она могла надеть ему на голову мусорное ведро! Он еще издевается! Бедная женщина думала, что, вернувшись с работы, отойдет в домашнем тепле, отдохнет и, в конце концов, перевернет эту мрачную страничку жизни, которую изнывая «читала» почти двенадцать часов.

Кама пила чай и смотрела на кучу грязного белья в корзине и немытую посуду в раковине. Хорошо, что вода идет: сейчас она допьет чай и заведет стиральную машину. Будет бежать из ванной в кухню, из кухни в ванную, чередуя отжимание белья и мытье посуды. Кама поставила недопитую чашку на стол и подошла к подоконнику. Здесь размещалась маленькая «оранжерея», предмет ее гордости – довольно емкий удлиненный ящик для цветов с яркими петуниями редкой синей окраски. В домашних условиях и при хорошем уходе садовая петуния приспособилась к многолетнему и беспрерывному цветению. Она радовала хозяйку множеством неоново-синих цветков в окружении бархатных листочков. Соседки и подруги пробовали брать отросточки на рассаду, но капризная красавица ни у кого не приживалась. Камин подоконник был исключением. Синяя петуния предпочитала только его!

Еще одно огорчение: в ящике с цветущими стеблями петунии с недавних пор завелся непрошеный гость, какой-то вьющийся сорняк. Кама выпалывала его до последнего, казалось, волоска корней. Но он появлялся вновь уже наутро! Этот негодник очень удачно имитировал стебли и листья петуний, но небольшие «усики», которыми цеплялся за основание венчиков, выдавали его. Только вчера Кама, как гребнем, прошлась по цветочному ящику, вычесав все побеги «усатого» нахала-сорняка. А он снова – тут как тут! Пытается обмануть хозяйку, выпячивая свои листочки, такие же нежные и бархатистые, как у петунии. Рассерженная сорняком-лицедеем, Кама собралась снова расправиться с ним, но тут постучали в дверь.

– Камочка, детка, можно, я посмотрю у вас телевизор? – спрашивала соседка, старая тетя Надияла. Кама называла ее «тетя Надоела». Разумеется, не вслух. Старушка гордилась своим редким экзотическим именем. И не любила, когда соседки сокращали его и называли просто Надей. – Скоро сериал начинается, а эти паршивцы (она имела в виду внуков) снова видик подключили!

– Да-да, конечно, проходите, – скрепя сердце, вежливо ответила Кама, предвкушая бесконечные комментарии старухи к словам и действиям героев очередного телемексиканского «перла». У Камы усиливалась головная боль, с которой весь день безуспешно боролась. Как со своим сорняком-нахалом.

– Ты представляешь, Камочка, эта ведьма Лусия-Орнелия решила сказать бедному Алессандро, что беременна от него! Лишь бы женить на себе! – тетя «Надоела» так искренне возмущалась, направляясь к креслу перед телевизором. Можно подумать, интрига была нова и необычна. – А Фернанда, по-моему, окажется дочкой дона Оррахио. Да, точно!

Кама с ненавистью посмотрела в спину назойливой старушке, но, сцепив зубы, как могла почтительно, спросила:

– Вам чаю принести, тетя … Надияла?

– Ох, детка, если тебя не затруднит! – с радостью ответила старуха.

А что, Кама, ты ждала отказа? Вот теперь иди и заваривай свежий чай! В прошлый раз эта баба-яга сказала, что не пьет «одноразовых пакетиков». И варенье тутовое не забудь – ей понравилось!

– Как хорошо, что есть эти сериалы! Целыми днями словом перекинуться не с кем. У внуков наушники в ушах, у детей – пробки. Только тем и живу, что смотрю эти благословенные сериалы.

– Долго же ты проживешь! – подумала Кама и пошла на кухню, обеспечить старушке полный «сервис» при просмотре мексиканского кинематографического чуда.

В голове будто гудел церковный колокол! Держа ладонь у виска, Кама поставила заварной чайник на плиту и принялась выпалывать сорняк из своих замечательных синих петуний. Она ожесточенно расправлялась с сорняком, срывая на нем всю злобу сегодняшнего дня с ненавистной старухой-Надоелой в финале. Внезапно кончик носа защекотало. Кама отбросила на стол выполотые стебельки с крошечными усиками и потерла пальцами нос. Ах, что за чудесный запах! Откуда он? Неужели прилипший к пальцам аромат принадлежит этому дурацкому сорняку? Какая прелесть – волшебное сочетание лимона, розы, мяты. И еще что-то, похожее на жимолость. Кама зажмурила глаза и нюхала растертый пальцами листок лжепетунии. Почему она раньше ничего такого не чувствовала? Кама вдруг заметила, что головная боль прошла. Совсем! Кроме того, утихло раздражение, растаяла злоба. Словом, рассеялись все отрицательные эмоции. На сердце стало легко, а на душе спокойно. Соседка-старушка что-то говорила и спрашивала, но Кама не обращала внимания. Вероятно, началось сопереживание бурным мексиканским страстям.

– Надо же! Холю бестолковую красавицу-петунию и своими руками уничтожаю такое чудо! Интересно, что это за растение? Вот тебе и сорняк! – размышляла вслух Кама, успокоенная и умиротворенная своим неожиданным помощником. – Прости, дружок, что не распознала тебя прежде. А я думаю, вот, негодник, как за жизнь цепляется! Ну, расти, расти. Только, пожалуйста, за венчики не цепляйся…

Кама поставила перед соседкой чашку с чаем и розетку с тутовым вареньем.

– Ой, Камочка, чем это у тебя чай пахнет? Что за прелесть! Я и снохе всегда говорю, что никто чай так не заваривает, как ты. Она обижается. И зря! Вообще, не поверишь, какая она…

Каме была неинтересна точка зрения старой женщины относительно невестки. Она еще раз улыбнулась мыслям о сорняке: необычный аромат шел от чашки, ручку которой Кама держала в пальцах, пахнущих им.

– Тетя Надияла, вы меня извините, но я сегодня так устала на работе. Когда досмотрите, выключите телевизор сами, а дверь просто захлопните, я хочу прилечь.

– Конечно, детка, иди, отдыхай, – с готовностью согласилась старушка, смакуя варенье.

Кама, забыв про грязное белье и немытую посуду, прошла в спальню. Улеглась в постель. Еще не было девяти часов, но так хотелось спать! Кама положила под правую щеку ладонь, пахнущую лимоном, розой, мятой и жимолостью. Уплывал куда-то трудный день с давкой в транспорте, грозным начальством, назойливой соседкой и немытой посудой.

– Ма! Кушать давай! – крикнул с порога сын, едва захлопнув входную дверь.

– Щас! – шепотом ответила Кама и тотчас уснула.

Облом

Молодую женщину с кожей цвета гранул быстрорастворимого кофе, судя по всему, тяготила назойливость дурно воспитанного мужчины, каждая реплика которого сопровождалась идиотским «гы-гы-гы», то бишь, смехом. Подумать только, приехала на турецкий берег отдохнуть от «своих», и на тебе – они и тут окопались! Такое впечатление, что эти, курортные свистуны тянулись за ней по всему периметру Чёрного моря. И в Крыму доставали, и в Сочи, и в Варне, и в Анталье добрались! Конечно, она не против какого-нибудь миленького курортного романчика. Но не с таким же кабачком! Вон тот высокий красавец, что лежит в трёх метрах, отвернув лицо в противоположную сторону, был бы ей интересен. К сожалению, он так ни разу и не взглянул на неё. Ой ли? Тому «Аполлону» тоже казалось, что «кофейная» дама до сих пор не заинтересовалась им. Надо сказать, это его удивляло и огорчало.

Другие обитательницы пляжа не скрывали призывных взглядов и томных полуулыбок, изучая его красивое лицо и мужественное тело.

– Мне что, вызвать полицию? – услышал Тофик (так звали нашего курортника) возмущенный голос девушки. Он повернул лицо в ее сторону и увидел, как назойливый тип в дешевых плавках и дорогих часах пытается взять купальщицу за руку. Тофик поднялся, стряхнул песок с колен и рук, подошел к незадачливому ухажеру и обратился к нему на своем родном языке.

– Браток, оставь женщину в покое. Ты же видишь, ей неприятно! Почему она должна думать о нас плохо? Пойдем-ка, лучше, выпьем пива.

– И вправду! – последние слова Тофика погасили искру агрессии, вспыхнувшую было в черных зрачках нахала, и он с радостью согласился. – Ну ее к чертям! Пошли пить пиво!

Какой однако дипломатичный малый этот Тофик: и ссоры избежал, и с земляком поякшался. Через полчаса он вернулся на прежнее место и, к своему удивлению, застал «кофейную» пляжницу там же. Приподнявшись и оперевшись на локти, она посмотрела в его сторону, осыпав снопом голубых искр (неужели ему это почудилось?)

– Спасибо, молодой человек! А куда вы его дели? – спросила она игриво.

– Убил и закопал. Не волнуйтесь, его не найдут, я сверху пивной ларек поставил, – в тон ей ответил Тофик.

– Меня зовут Илона, – девушка протянула Тофику руку. – Вы доставляли мне такое удовольствие все три дня, что мы тут валяемся!

– Разве? – изобразил удивление Тофик. – Чем же, позвольте вас спросить? О бесконтактном сексе я еще не слышал.

Илона рассмеялась. Ей понравилась коммуникабельность молодого человека.

– Тем, что лежали тут три дня, отвернув лицо, да без «поползновений». Это такая редкость!

– Понял, – Тофик сделал театральный жест и отступил на шаг назад. – Поползновения отменяются. Простите, милая девушка, но, покидая вашу территорию, скажу свое имя: меня зовут Тофик. На всякий случай. Вдруг снова понадобится вышибала – позовете.

Таким образом, знакомство состоялось. Оставалось завести «морскую» дружбу. А там – видно будет. Тофик и Илона разговорились, и скоро выяснилось, что они почти

земляки – эсенговец и эсенговка. Ей двадцать восемь лет, она художник-оформитель, разведена, детишек нет, в ж/п и м/о, как говорится, не нуждается. Сейчас наслаждается коротким отпуском на малоазиатском отрезке чудесного морского пляжа, по берегам которого добрососедствуют такие разные и такие похожие народы. Вот теперь Тофику удалось внимательнее разглядеть свою новую знакомую. Похоже, курортная авантюрка не за горами. А почему, собственно, авантюрка? Девушка не просто хороша – она чертовски хороша! Уровень интеллекта достаточно высок. А тело так и пышет здоровьем! Стройная, но не тощая – есть за что ухватиться на крутой лесенке. «Кофейная» кожа натянута на бедрах, как на барабане. Плечи «немодные», покатые, женственные. Они обязательно должны носить декольте и легкую кружевную накидку. К таким плечам хочется прижиматься губами. Нежно, ласково… А глаза! Они будто вычеркнуты из этого лазурного моря – невероятно огромные голубые зрачки. Что там говорят о таинственной улыбке Джоконды? Отдыхайте, Мона Лиза! Вероятно, у вас, пардон, плохие зубы. Улыбка Илоны ослепила бы и самого Да Винчи. А еще Тофику понравилось, что купальник на Илоне не выпускает за рамки приличия «закадровые» части восхитительного тела. Это означает, что контакты с противоположным полом допускаются в разумных пределах. Тофик был далеко не аскетом, поэтому кое-какой опыт в отношениях с женщинами имел. Их хитрости находились в гармонии с его шалостями. Но эта девушка его заинтересовала.

– Вы женаты?

– Для вас – нет.

– Вы ничего не сказали о своей профессии. Хотите, угадаю?

– Вряд ли получится.

– Давайте поспорим, – настаивала Илона. – Если не угадаю, позволю себя поцеловать.

– Тогда позвольте сразу! Все равно не угадаете, – усмехнулся Тофик.

– Вы умеете отвлечь и договориться, не давите, но в приоткрытую щель просачиваетесь сразу, – несколько задумчиво произнесла Илона. – Я, действительно, затрудняюсь… вы следователь?

– Целовать сразу или сначала поужинаем вместе?

– Неужели ошиблась? – судя по интонации, Илону это не очень огорчило. – Но вы меня заинтересовали. Можно еще одну попытку?

– Мы так не договаривались!

– Я согласна на «штрафной» поцелуй. Очень жаркий!

– Ну, если так… – кивнул головой Тофик.

– Вы имеете отношение к медицине?… – неуверенно спросила Илона.

– Имею. Но это не считается! – запротестовал Тофик.

– Ура-а-а! – захлопала в ладоши Илона.

– Чему вы так рады? Не хотите, чтоб я вас целовал? – вскинул брови Тофик. – Вы жульничаете, милая девушка!

– Нет, я от своих слов не отказываюсь, – ответила Илона. – Вы врач? Терапевт?

– Хирург. Гинеколог. – Боже, зачем он это сказал?! Вслед за изумлением и восторгом пошел такой шквал вопросов относительно женских недугов, которые, как выяснилось, знакомы и этой Афродите! Теперь он знал и об ее воспалении, и о загибе, и об эрозии, и о подозрении на кисту и фибромиому. Словом, весь букет гинекологических заболеваний благоухал в прекрасном «кофейном» теле русалочки! К концу консультативной беседы взгляд Тофика был уже не таким теплым, а речь не

такой выразительной.

– А почему вы приуныли? – спохватилась Илона, заметив перемену в молодом человеке.

– Вам показалось…

– Можно задать вопрос? – томно, с негой в голосе спросила Илона. – Немножко нахальный…

– Слушаю.

– Скажите честно, вам не хочется меня раздеть?..

– Уже раздел. Мысленно.

– И что? – у Илоны заблестели глаза.

– И ужаснулся…

– Хам!

– Возможно, – Тофик поднял свое полотенце и отправился пить пиво. Черт побери! В другой раз говори, что ты следователь, болван!

Встретимся завтра!..

Рухсара-ханым была довольна выбором своего сына. Нечасто такое случается при нашей, как сейчас говорят, ментальности. Чаще всего в их краях невесту сыну подбирали родители. Надо сказать, что такие браки, вопреки общепринятым представлением о любви, оказывались более прочными. То ли традиции семейственности, то ли постоянное присутствие рядом старших родственников, то ли что-то еще, чему нет пока объяснения, но браки «по назначению» практически не прерывались разводами. Старики и прежде утверждали, что молодые люди из одного сословия, одинакового социального уровня, достатка, условий воспитания создают более надежные и прочные семьи. И такие правила были когда-то характерны не только для Востока, а и вообще для всего «старого мира». Но, кажется, я отвлеклась… И верно, рассуждая о «допустимых и недопустимых» браках, можно забрести в такие дебри!

Итак, Рухсара-ханым выбор сына одобрила сразу: Сусан – девушка славная! Сусан – в переводе «цветок ириса». Камал и называл ее Ириской. Она была невысокая, смуглая, с тонкими чертами и дивными агатовыми глазами миндалевидной формы. Рухсара-ханым знала девушку еще ребенком – дети учились в одной школе. И с родителями ее была знакома, очень достойные и уважаемые люди. Когда Камал и Ириска учились на втором курсе (он в Нархозе, а она – в АзИИ), их обручили. Прошло два года, и сейчас полным ходом шли приготовления к свадьбе. Радостные хлопоты!

Какой черт дернул Рухсару пойти на поводу у снохи и почти в канун свадьбы сына заглянуть к Фаине Якубовне, к этой сладкоязычной ядовитой змее, лицемерке и притворщице!

– К Фаине Якубовне приехала сестра из Татарстана, – убеждала золовку Дильгушад. – Так гадает, так верно говорит! Наши были у нее позавчера. Зулейха челюсть рукой поддерживала, чтоб не отвалилась: будто под рентгеном все видела!

– Слышала, слышала уже о твоем «Нострадамусе». Кюбра-биби тоже ей трешник пожертвовала. Дура-баба! Все плачет, что концы с концами едва сводит, а сама деньги на гадалок выбрасывает. И чего ей нагадают в восемьдесят-то лет? Нет, Дили, ты же знаешь, как я к этому отношусь. Да и на кого мне гадать?

– На детей! Посмотри, что да как. Неужели тебе судьба молодых неинтересна?

– Я молюсь об их благополучии, – остановила ее Рухсара. – Иншааллах, будут

счастливы!

– Тем более, ничего от тебя не убудет, – настаивала сноха. – Мне и самой надо на дочку посмотреть. Одна не хочу идти.

– Ты в своем уме? Лале двенадцать лет! О чем гадать? – возмутилась Рухсара, но тут же засмеялась. – Повезло тебе, что никто из нас не пошел к гадалке до вашей с Юсифом свадьбы. Представляю, что она сказала бы: «Не берите ни в коем случае – у нее в голове солома!»

– Не хочешь на сына погадать, не надо, – обиженно поджала губы Дильгушад. – Просто со мной пойди.

– Ладно, не сердись. Только не сегодня и ненадолго.

– Договорились: завтра вечером, после шести, – ожила Дильгушад.

* * *

Сестра Фаины Якубовны оказалась дамой довольно привлекательной наружности: белолицая, чернобровая, зеленоглазая женщина лет шестидесяти. Улыбчивая змея Фаина приветливо встретила Рухсару с Дильшад и, представив им сестру, Рахиму, ушла в другую комнату, чтоб не смущать своим присутствием. Хотя Рухсаре иногда слышался скрип половицы за неплотно прикрытой дверью. Наверняка подслушивает, кобра! Очень неприятная женщина. Вроде и не сделала ей ничего дурного, миловидная, всегда улыбается при встрече, говорит – как мед льет. А недолюбливает ее Рухсара! Как будто что-то изнутри отторгает ее.

Дильшад села за небольшой столик, накрытый чистой белой скатертью, готовясь выслушивать «пророчества» заезжей вещуньи. А Рухсара отошла к креслу в углу комнаты. Она еще не успела присесть, как услышала сказанные ей в спину слова Рахимы:

– Сабантуй у вас намечается?

– Какой еще сабантуй? – обернулась Рухсара. Они с Рахимой встретились взглядом. У Рухсары по позвоночнику поползли «мурашки». Ну и глаза у этой женщины! Прямо кошачьи. И такие прозрачные, аж мозги видно.

– То есть свадьба, по-вашему, – как-то не очень весело ответила она. И, сделав короткую паузу, вяло добавила. – Не судьба…

Рухсару как кипятком обдали. Ведь не хотела идти! И разве просила она эту женщину погадать ей? Только из приличия Рухсара не нагрубила ей и не ушла, хлопнув дверью.

– А вы не мне гадайте, а Дильгушад, – сухо проговорила Рухсара. – Это она ваша клиентка.

– Не сердись, сестрица. Ты же видишь, я и не открыла карт для тебя. Можешь и не верить, дело твое. Но та девушка не станет женой твоего сына и даже… нежелательно… – тут она осеклась.

Рахима, однако, была уже заинтригована. Она точно знала, что свадьба состоится! Ей захотелось уличить гадалку во лжи, а заодно и доказать своей снохе-гусыне, что все эти гадания – чепуха.

– Ну-ну, продолжайте, – спокойнее произнесла Рухсара и села, наконец, в кресло.

– И не знаю, как сказать, – колебалась Рахима. Вдруг – как выдохнула: «Она убьет его!»

Слова, тон, лицо зеленоглазой Рахимы ввели в оторопь бедную Рухсару. У нее

перехватило горло.

– Ириска? Убьет? Камала? – несвязно переспрашивала она. И, переведя взгляд на хлопающую выпученными глазами и ерзающую на стуле сноху, грубо сказала: – Говорила я тебе, глупости все это? Вставай, пойдем!

– Не кипятись, сестрица, – попыталась успокоить ее Рахима. Зря она это сказала! – Ты же сама просила договорить. Вот я и сказала. А ты не верь, дорогая.

Но червь сомнения, тревоги и страха уже внедрился в сердце Рухсары и обустраивался там.

Описывать последующие события нелегко. Всегда уверенная в себе, жизнерадостная оптимистка Рухсара превратилась в беспокойную, агрессивную, ворчливую бабу. Она не спала ночей, потеряла покой сама и лишила его окружающих. Склоки, дрязги, недовольство сделали свое дело. Бедная мать, пытавшаяся отвести беду, так и непонятая ни сыном, ни мужем, ни остальной родней, добилась того, что свадьба была расстроена. Никто и не смог толком понять: что же в такой славной девушке, как Сусан, вдруг остервозило Рухсару? Что еще до свадьбы превратило ее в свекровь-злыдню?

Так или иначе, но свадьба не состоялась…

* * *

Почти двадцать лет прошло с тех пор. Сусан, милая Ириска с очаровательными миндалевидными глазами через год вышла замуж и переехала в Баку. Муж у нее очень хороший человек, любящий и внимательный. Но достатка в семье нет. У мужа больные почки, и практически все деньги уходят на его лечение, на дорогие лекарства. Спасибо, братья его помогают, понимая, как трудно Сусан в такие сложные времена нести на своих плечах хозяйство и поднимать детей. А дочки у них, слава Богу, чудные! Скоро закончат школу, и начнутся другие волнения – вуз, работа, иные проблемы, сопряженные со «светлым будущим».

Сегодня Сусан, несколько располневшая и утомленная, но все еще достаточно миловидная, была в хорошем расположении духа. Приехала сестра, разумеется, с гостинцами, и несколько дней ей удастся отдохнуть от домашних дел. Приезд сестры всегда радовал. Она жалела Сусан и помогала по хозяйству, занималась стиркой, уборкой, приготовлением еды. Сейчас же ее приезд был очень кстати: муж лежал в больнице, и Сусан сможет уделять ему больше времени.

Схватив Сусан за рукав, сестра, явно чем-то взволнованная, потащила ее в кухню.

– Садись, – возбужденно начала она, – а то упадешь! Что я тебе расскажу! Угадай, кого я сегодня встретила? Ни за что не догадаешься – Камала! Я его сто лет не видела…

– А я еще сто лет желаю!.. – огорчилась Сусан. – Не хочу ничего о нем слышать. И без него жить тошно…

– И зря! – зашипела сестра. – Если б ты слышала его первый вопрос! «Как моя Ириска?» У него слезы в глазах стояли.

– Не «его»! И давно уже не Ириска. Так себе, затертый фантик от «Золотого ключика…» – Сусан тоже прослезила эта тема. Ей тоже было больно. – Зачем ты мне об этом говоришь? Хочешь расстроить? У тебя получилось…

– Успокойся, дурочка. А почему бы вам не встретиться? Я, конечно, твоего мужа уважаю. Но ты так и проживешь с разбитым сердцем всю жизнь! Что от тебя убудет,

если вы встретитесь? Уверяю, Бог простит тебе этот «грех».

– Постыдись…

– И не подумаю! Столько лет прошло, а вы оба – да-да, оба! – не забывали друг друга ни на час!

– Прекрати…

– Сусан, – вдруг твердо произнесла довольная своим поступком сестра, – Камал позвонит тебе сегодня. Я дала ему номер телефона. И прошу – без глупостей! И без грубостей! Если ты не поговоришь с ним, я больше никогда к тебе не приеду!

Сестра, безусловно, любила Сусан и желала ей счастья. А вдруг эта встреча через двадцать лет вернет к жизни угасшую Ириску?

* * *

Они больше молчали, чем говорили. Но телефон был занят больше часа.

– Я позвоню тебе завтра после шести, и мы обязательно встретимся, – были последние слова Камала. – Как я хочу тебя увидеть, Ириска!…

Но он не позвонил. Сусан ждала звонка несколько дней. Не дождалась. Она смотрела с укором на сестру, а та, чувствуя себя виноватой, не находила слов утешения.

– Ничего не понимаю, – рассеянно бормотала сестра. – Не могу поверить, что он притворялся.

А Сусан снова смирилась с судьбой. И хорошо, что так получилось. А вдруг за встречей с Камалом потянулись бы какие-нибудь неожиданные перемены, новые сердечные муки, семейные проблемы? Нет, Бог пожалел ее и не стал подвергать искушению! В одну реку не войти дважды…

* * *

Через два дня после отъезда сестра позвонила Сусан.

– Сусан! – кричала она в трубку телефона. – Он не обманул! Он любил тебя! Всегда!

– Что происходит? Что ты кричишь? – обеспокоенно переспрашивала растерянная Сусан.

– Он умер! – плакала сестра на другом конце провода. – В тот же день, когда позвонил тебе! С Камалом случился сердечный приступ. Видно, очень переволновался тогда. Помнишь, это было пятого апреля? Я здесь узнала, завтра сороковины…

Сусан положила трубку и долго стояла бездвижно и молча. Слезы текли по щекам и капали на сомкнутые у губ пальцы. Все капали, капали, капали…

Давая детям имена…

Рамазан был бессменным участковым одного из абшеронских поселков на протяжении двух десятков лет. Должность участкового для таких поселков – чисто символическая. Все более или менее серьезные споры и проблемы решались на уровне сельсовета или местных аксакалов. Но и у тех на памяти не было происшествий криминального свойства, где потребовалось бы вмешательство участкового милиционера. Однако должность Рамазана предусматривалась исполнительной властью. Вот он и был. Ходил по дворам, чаевничал со стариками, поучал и без того почтительную

молодежь и отгонял от себя греховную мысль о каком-нибудь из ряда вон выходящем злодействе, которое тотчас сам и раскроет. Чудак! Зачем ему такая «головная боль»? Начальство и без того им довольно – участок благополучный. Вот и медалью недавно награжден по случаю Дня милиции и за двадцать лет безупречной службы в ее рядах. Но вскоре радостное событие, происшедшее в жизни участкового, чуть не создало почву для «упрека» в этой «безупречности».

Время шло. Закон преступать никому и в голову не приходило. И слава Богу! Как, скажите на милость, мог бы расследовать какое-нибудь правонарушение Рамазан, у которого в доме пять дочек и жена на сносях?

– Эй, Рамазан-ами, – еле переводя дух, кричал соседский мальчик, обнаружив участкового под навесом у духанщика Муртуза, – Разия-хала велела вам немедленно идти домой, чтоб девочки одни не оставались.

– А чего это ей командовать вздумалось? Я на службе! – вытирая пот из-под приподнятой фуражки, отвечал Рамазан. – Куда это ее опять понесло? К тетке, к бабке?

– Не-ет, ее в больницу понесло, – в тон ему ответил паренек.

– Ай-яй-яй! – хлопнул себя по коленкам Рамазан. – Неужели снова девочку родит? Вроде, не время еще. Ну, побежал я, брат Муртуз.

– Магарыч с тебя, если мальчик будет, – весело прокричал ему вслед духанщик.

Не подвела женушка, угодила на этот раз. Догадались, кого родила? Мальчика? Ага, сразу двух!

– Вот жена, так жена! – не мог нарадоваться счастливый Рамазан. Загибая пальцы, он перечислял. – Все успела до полудня: обед приготовила, белье выстирала, корову подоила, цыплят покормила, двор прибрала да сынов родила!

– Верно, верно! – кивали головами односельчане, угощаясь за его счет у духанщика Муртуза. – Наши женщины – не чета всяким империалисткам-белоручкам. Всем носы утрут!

– А как назовешь сыновей, Рамазан, – поинтересовался Муртуз. – Решил уже?

– Решил: Маркс и Энгельс! – гордо произнес Рамазан. – Уж гордиться так гордиться!

Надо сказать, что такое решение не удивило никого. И прежде мальчиков называли именами вроде Ленком, Комиссар или Большевик. Верность идеям коммунизма подчеркивали. Девочкам повезло меньше. Отсутствие категории рода в языке не позволяло назвать девочку, например, Революцией. Мужчины одобрительно закивали, выражая поддержку решению участкового, и стали наперебой желать детям всяческих благ. В конце концов, отцу мальчиков виднее.

– А ты хорошенько подумал, Рамазан? – с сомнением в голосе спросил духанщик.

– Что ты хочешь сказать? – удивленно вскинул брови Рамазан. Все вдруг замолкли и стали переглядываться в недоумении. – Чем плохи такие имена? – продолжил вопрос участковый. – Разве есть люди, достойнее Маркса и Энгельса? А-а, понял: ты ведь у нас из рода Кербалаи-Джафарбека! А вам, бекам и агаларам, наша социалистическая революция некстати пришлась.

Участковый был явно разогрет вином, и дело могло принять нежелательный поворот. Побледневший Муртуз замахал руками.

– Да что ты мелешь, Рамазан? Ради твоего же блага спросил. Вот, к примеру, как назовешь мальчиков, если напакостят? Негодники, паршивцы или, того хуже, собачьи дети? А как их имена при таком отчестве рядом поставить? Маркс Рамазан оглы

или Энгельс Рамазанович? Тезки их, сам знаешь, атеистами были …(чуть не сказал – безбожниками!)

Тут участковый и сам задумался. Действительно, как пожурить пацанов, если, вдруг, провинятся.

– Эй, Маркс, сукин сын! Снова соседу окно разнес мячом? И ты, Энгельс, ослиная башка, с ним заодно? – представил себе эту сцену Рамазан и аж передернулся от холодных «мурашек».

Дальновидность духанщика Муртуза помогла братьям-близнецам Максуду и Энверу получить «нормальные человеческие имена». А участкового Рамазана еще не раз прошибал холодный пот при мысли о том, как он чуть не совершил непоправимую ошибку, назвав сыновей именами «вождей мирового пролетариата». Точнее, их фамилиями.

Вам не понравилась эта история. Неактуальна? А вы представьте себе, каково было бы носить имена Маркс и Энгельс сыновьям Рамазана сегодня. Так что, упокой Аллах душу духанщика Муртуза!

Два взгляда на брак

Битый час держала меня на телефоне Алия, выплескивая в ухо, как помои в сточную яму, свое недовольство жизнью.

– Неужели так и кончится моя жизнь среди груды грязного белья, кипящих кастрюль, пылесосов и мясорубок? – давясь горьким комом в горле, стонала Алия. И ей не нужен был мой ответ. Вспотевшего и задубевшего уха подруги вполне хватало. – Этот жирный боров (т.е. муж) давно меня в упор не видит. Я уже не человек! Я агрегат по отстирыванию его вонючих носков, приготовлению пищи и завязыванию галстуков! Представляешь, этот урод до сих пор и галстук не научился завязывать сам!

– Неужели?..

– Ужели! Все оставила ради семьи – работу, карьеру, успех… И все – зря! Нет, ты меня не поймешь! Вчера он мухобойкой хлопнул меня по плечу. Ой, говорит, я думал, муха на тебя села. Ну, что скажешь, милая? Он забыл, что у меня родинка на плече! Он двадцать лет ее видит и…не видит! Какая Нуша умница, что не вышла замуж! Счастливая!..Нет, хорошую вещь браком не назвали бы!

Вся речь обиженной, расстроенной, уставшей от заевшего быта Алии состояла из сплошных восклицательных знаков.

– Наверное, он пошутил, – попыталась я успокоить подругу. – Не придирайся к ерунде.

– Ерунда?! – не дала мне договорить Алия. – На эротических картинках такие родинки специально рисуют!

– На картинах и мужчины – сплошные ален-делоны и рыцари.

– Ага, а через двадцать лет они же – сквалыги с небритым тройным подбородком, которые храпят во сне, как бетономешалки.

Слушая подругу, я представляла себе, что наговорил бы о ней муж, будь он моим собеседником. Наверняка, назвал бы жену склочницей, камнедробилкой или бензопилой. Тут в телефонной трубке раздались характерные щелчки – сотовый срабатывал. Нет, не мой, Алии.

– Извини, мобильник звонит, – мгновенно изменила тон моя «разнесчастная»

подружка. – Слушаю, Мамедик! Да, я говорю с Гюлей. Хорошо-хорошо, сейчас перезвоню. Ты не забыл мою просьбу? Ладно-ладно, сейчас…

– Не обидишься, если чуть позже позвоню тебе? – торопливо извинялась Алия. – «Кормилец» на базар собрался. Надо напомнить ему, что купить.

– Конечно, конечно, бывай, – даже обрадовалась я. «Обидишься»! Да я трижды благодарна ее мужу! Избавил меня от этой утомительной, бессмысленной и абсолютно не изменившейся за последние десять лет исповеди. Хотя дела у нее, как я поняла, не так уж плохи. Утрирует. Я потерла свое бедное ухо и, вздохнув с облегчением, опустила телефонную трубку на рычажок. Но (о, ужас!) телефон мгновенно зазвонил вновь.

– Здравствуй, дорогая, – услышала я тихий голос Нуши, другой своей подруги, и поняла, что ближайший час другое мое ухо разделит участь задубевшего. Думаю, не стоит передавать весь наш разговор с незамужней подружкой. Скажу только, что ее исповедь представляла прямую противоположность сказанному Алией.

– Ну, скажи, чем я хуже других? Уродлива, глупа, неумела? Почему мужчины предлагают мне только дружбу? Они думают, что нытье о нерадивых женах и неудачном браке трогает меня? А куда прежде глядели? Почему меня, к примеру, не видели? Мне что, так и помирать в одиночестве, мечтая о рубашке, которую нужно погладить мужу, или клубничном варенье, которое буду варить для него? – всхлипывала на другом конце провода Нуша. Все ее фразы заканчивались мокрыми и солеными от слез вопросительными знаками. – Я недавно встретила на базаре Мамеда. Алькиного. Он немножко поправился, но ему идет. Эдакий миленький толстячок (помните, как назвала мужа Алия – жирный боров?..) Носился по базару с сумками и пакетами, весь вспотел, бедненький. А все, чтоб жене угодить. Счастливая она! Такого парня ухватила!

Я понимала, как несладко Нуше, как грустно думать, что и в грядущий праздник придется самой себе делать подарок и встречать Новый год у телевизора, с телефоном в руке и – одной.

– Все не так трагично, Нуша. Наверняка, и Альке есть чему позавидовать у тебя. Никто не брюзжит из-за остывшего чая, не храпит под ухом…

– Спасибо, – перебила меня Нуша, – я понимаю, что ты хочешь успокоить меня. Не надо, не утруждайся. Никто не убедит меня в том, что одиночество – это счастье.

– Нуша, дорогая, что же тебе мешает сойтись с Каримом? Он ведь столько лет сохнет по тебе, – давала я совет подруге по принципу «на безрыбье и рак – рыба».

– Пусть он хоть до смерти рассохнется! Ни за что не соглашусь! Зачем мне «двоюродный муж»? Я своего хочу, родного, неделимого! – возмутилась Нуша. Но, чуть помявшись, добавила, – Да и не нравится он мне.

– С этого и начинай! Чересчур ты у нас привередливая.

Что дельного я могла посоветовать своим подругам, разглядывающим один и тот же вопрос – брак – с разных точек? И сама-то я, побывавшая и замужем, и незамужем, не могу ответить четко: что же лучше? В обоих состояниях есть и положительные, и отрицательные моменты. Мой телефон для подруг – это нечто, похожее на телефон доверия. Так что, звоните, дорогие женщины. Советовать – мне. А решать – вам!

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

Альбинони. Адажио

О чем твой стон, маэстро Альбинони,
Сединами, наверно, убелённый?
Органа трубы, болью опалённы,
Протяжно и задумчиво гудят,
Печаль в себе душевную таят,
О чём, о чём так глухо говорят?..
О чём твой скорбный смутный звукоряд?
Не повесть ли о горестной утрате –
Адажио тяжелые раскаты,
Не сказ ли об утраченной любви,
Загубленной и преданной людьми?..
Все эти неожиданные всплески,
Похожие на красочные фрески,
Исторгнутые кистью Рафаэля
На сводах знаменитых Ватикана,
Иль гул уже угасшего вулкана,
Таящийся во мраке подземелья –
Сокрытая невидимая рана…

Апрель 2017

ИСА ГАБИББЕЙЛИ

ЭЙНАЛИ-БЕК СУЛТАНОВ (1866-1935)

Светлой памяти Иззета Магсудова, незабвенного моего учителя

В разных источниках указываются три разных года рождения сына Чолу-бека Султанова, Эйнали-бека: 1862, 1863 и 1864 гг. Но последние исследования позволяют уточнить эту дату. Так, в обнаруженном в начале XX века формуляре «Личное дело помощника окружного прокурора Иреванской губернии Эйнали Султанова» указывается, что он родился 5 мая 1866 года, в городе Нахчыван, в семье Чолу-бека, сына Надыр-бека Гулараг асиева. Так как ранние исследователи не ссылались ни на какие документы, подтверждающие дату рождения, то дату 5 мая 1966 года, взятую из официальной биографии, мы можем считать окончательно верной.

Начальное образование Эйнали-бек Султанов получил в губернской школе города Нахчыван. О дальнейшем его образовании тоже существуют различные мнения: гимназия (без уточнения названия, адреса) и Тифлисская классическая гимназия. Нет никакого официального документа или иного подтверждения того, что он учился в Тифлисской классической гимназии. Более того, и исследователи не оспаривают этот факт. Однако документы, полученные нами из фонда Государственного архива Армении, полностью подтверждают факт учебы Эйнали Султанова в 1880-1886 годы в Иреванской мужской гимназии. Юный гимназист здесь учился латыни, русскому, греческому, французскому языкам, математике, физике, истории, географии, теологии, каллиграфии. С особым усердием изучал языки и литературу. На экзаменах за 1881-1882 учебный год по греческому языку и литературе, латинскому языку и истории получил оценку «отлично». В годы учебы он также отличился на ниве перевода. Так, Эйнали Султанов продемонстрировал большие успехи в переводе с латинского, греческого и французского языков на русский и с русского на эти языки. 24 февраля 1884 года по результатам предложенного

гимназистам задания перевести идиоматические выражения с латинского языка на русский, среди четырех отличившихся учеников был и Эйнали Султанов. На экзамене по русскому языку 29 апреля 1884 года он рассказал содержание произведения Н.В.Гоголя «Старосветские помещики» на французском, латинском и греческом языках. Строгая экзаменационная комиссия никого не удостоила оценки «отлично», а Эйнали Султанов стал единственным из 16 учеников, получившим оценку «хорошо». Эйнали Султанов был одним из двух гимназистов, получивших «отлично» на экзамене по латинскому языку.

Для сравнения отметим, что в Горийской учительской семинарии, где учился Джалил Мамедгулузаде, преподавался только русский и родной языки. Европейским языкам здесь не обучали. Так что Джалил Мамедгулузаде многое черпал, слушая «интересные и захватывающие беседы Эйнали-бека Султанова о европейских писателях».

Отличился гимназист Эйнали-бек Султанов и в изучении родного языка и литературы. В Иреванской мужской гимназии в 1880-1885 годы этот предмет преподавал ему известный педагог того времени Мирза Эльханов, а в последний год обучения – выпускник Горийской семинарии Фиридун-бек Кёчарли (1863-1920).

В связи с высокими показателями в учебе и проявленным литературным талантом Эйнали-беку Султанову не было необходимости более оставаться в гимназии и заканчивать курс обучения. В упомянутом выше формуляре читаем: «5 июня 1886 года, по окончании седьмого класса он оставил гимназию. В том же году решением Педагогического Совета ему было присвоено право преподавать в городских начальных школах, о чем ему было выдано свидетельство за № 538».

Еще учась в гимназии, Эйнали-бек Султанов стал участником движения, формирующего просветительскую среду Нахчывана. В 1882-1883 годах юный гимназист создал культурные центры «Ziyalı məclisi» («Общество интеллигентов») и «Müsəlman Şiə Dram İncəsənəti Cəmiyyəti» («Общество драматического искусства мусульман-шиитов»). Для юноши созданные им общества стали настоящей школой. В городе Нахчыван «он стал известен, как организатор культурно-просветительских мероприятий и как первый учитель и воспитатель среди прогрессивно настроенной интеллигенции». Именно по этой причине Джалил Мамедгулузаде почитал своего друга Эйнали-бека «умнее себя» и был уверен, что особую роль во вхождении Эйнали-бека «в мир просветительства» сыграл тот факт, что он был выпускником гимназии. Конечно, «дружба эта была полезна для обоих писателей». Эйнали-бек Султанов в свою очередь нашел в Дж.Мамедгулузаде единомышленника и соратника. Став приверженцами одной идеи, «поддерживая друг друга», оба влились в просветительское движение. Они организовывали различные культурно-просветительские мероприятия, в результате деятельности этих двух просветителей в 1886 году был создан Нахчыванский театр. Кроме того, члены «Ziyalı məclisi» «добились открытия в Нахчыване библиотеки».

Есть различные мнения о том, где жил и работал Эйнали-бек Султанов после окончания гимназии.

Отмечается, что в 80-е годы он жил и работал в Карсе и Нахчыване. По нашему мнению, Эйнали-бек Султанов в 1886-1891 годах, с короткими перерывами, жил в Нахчыване, работал «чиновником в городской управе» города Карс или «чиновником по особо важным делам». Однако он сохранял связи с Нахчываном, участвовал в литературно-культурных мероприятиях. Особенно увлекался театром, который и сформировался под его руководством.

В 90-х годах Эйнали-бек Султанов жил и работал в Иреване. 17-ти страничное «Личное дело секретаря окружного прокурора Иреванской губернии Эйнали-бека Султанова» охватывает период с 1892 по 1902 год. За этот период в губернском управлении он занимал должности: секретаря 1 степени в канцелярии (с 18 мая 1892г.), переводчика Иреванской окружной прокуратуры (с 10 октября 1893г.), помощника судебного секре-

таря (с 1 января 1894г.), начальника третьего стола по гражданским делам окружной прокуратуры.

Накопив опыт работы, Эйнали-бек Султанов перешел переведом на должность помощника прокурора, которую занимал с 1897 по 1903 год. Безусловно, он сыграл большую роль в том, что в эти годы Дж.Мамедгулузаде также оставил педагогическую деятельность, переехал в Иреван и поступил на работу в судебные органы. Более того, по нашему мнению, именно Эйнали-бек Султанов сподвигнул Мирзу Джалила к сотрудничеству с русскоязычными газетами, так как и сам еще с 1891 года выступал с литературно-публицистическими статьями в газете «Новое обозрение». Его статьи «*Сказка о рыбаке и рыбке* в переводе Кёчарли», «Что читают азербайджанцы», «Еще раз о религиозной мистерии мусульман-шиитов», «Шахтахтинский и восточная фонетическая азбука», а также рассказы «Маленькое приключение» и «Новруз-ага» вызвали большой интерес. А.Фейзуллаев в своей книге «Maarif carçılər»(«Просветители») совершенно справедливо отмечал, что «Султанов своими статьями, опубликованными в газете «Новое обозрение», приобрел широкую известность как талантливый писатель и публицист, пишущий на социально-общественные темы и темы культуры». Дж.Мамедгулузаде и в периодической печати поддержал его, как и в других областях просветительства. Так, в это время им были написаны рассказы «Почтовый ящик» и «Свирель». Особенно Эйнали-беку Султанову понравился рассказ «Свирель». В период с 1905 по 1908 годы Эйнали-бек Султанов был специальным корреспондентом газеты «Каспий» по Иревану и Нахчывану. В этой газете были опубликованы его статьи «Иреванские события» (1905, № 034), «Правда об иреванских событиях» (1905, № 107), «Профессор И.М.Сеченов» (1905, № 204) и т.д. Наряду с публицистической деятельностью, начиная с 1906 года, он работал помощником прокурора Иреванской окружной прокуратуры по Нахчыванскому махалу. В 1907 году был избран депутатом в Государственную Думу. В тот же год он подарил свои земли в селах Гёйнук, Сюрмелик и Сираб, находившиеся в окрестностях Нахчывана, жителям этих сел.

Начиная с 1908 года, в жизни и творчестве Эйнали-бека Султанова начинается тифлисский период. В этом городе, где в основном прошла вся его жизнь, он окончательно сформировался как писатель. Тифлисская общественно-литературная среда вырастила и прославила его как писателя-публициста и переводчика.

В газете «Закавказье» Эйнали-бек Султанов руководил отделом «Мусульманская жизнь», сотрудничал и с другими русскоязычными газетами. В период с 1921 по 1923 год он был редактором газеты «Кавказская коммуна», в 1924-1926 гг. – ответственным секретарем газеты «İşıq yolu» («Светлый путь»), выходившей как дополнение к газете «Yeni fikir» («Новая мысль»), с 1928 года был одним из активных сотрудников журнала «Dan ulduzu» («Утренняя звезда»). В своих статьях он отражал важные социальные и исторические проблемы своего времени. Так, в газете «Закавказье» вышли его статьи «Размышления об азербайджанской интеллигенции» (1908, № 240), «О чем говорят в Нахчыване» (1912, № 140), «О закавказских мусульманах» (1912, № 142), «Юридическая беспомощность»; в газете «Закавказская речь» – «Жизнь и пресса мусульман» (1914, № 29), «Взаимоотношения кавказских народов и вопросы, связанные с ними» (1914, № 55), «Закавказские мусульмане и война» (1914, № 181), «Тюрки на Кавказе» (1915, № 4), «Роль Закавказья в российской финансовой системе» (1915, № 15) и др. Последовательно выступал в защиту журнала «Молла Насреддин» и молланасрединцев.

В статьях публициста-борца отражалась жизнь и интересы народов Кавказа и всего Востока. Наряду с этим, как гражданин, он пытался решить проблемы своего народа. Такие статьи, как «Последнее слово мусульманам», «Любовь к народу», «Противоречия», «Необходимое разъяснение» и др. опирались на национальный, народный дух. В статье «Любовь к народу» автор пишет: «Народ мой! Увижу ль я тебя свободным среди свободных, счастливым среди счастливых, просветителем среди просветителей?». Большое

место в публикациях Эйнали-бека занимает и Нахчыван. В цикле его статей «Naxçıvan məktubları» («Письма из Нахчывана») отражены вопросы национального самосознания и просветительства. Во входящих в этот цикл статьях «Нахчыванские новости», «О чем говорят в Нахчыване», «Выборы в Государственную Думу», «О мужской гимназии в Нахчыване», «Нахчыванская публика» и др. он призывает избавиться от оков невежества и пойти по пути общественно-культурного прогресса.

Таким образом, как писала Асадова И. в реферате «Творческий путь Э.Султанова», «тот факт, что он писал и публиковал статьи на русском языке, позволили Эйнали-беку донести до широкой общественности реалии Азербайджана».

Большую поддержку оказал Эйнали-бек Султанов и развитию азербайджанского тифлисского театра на новом этапе. Он стал одним из основателей азербайджанского отделения драматического искусства (1909г.), которое находилось рядом с «Народным домом им.Зубалова». Кроме того, вскоре он был избран членом бюро азербайджанского театрального общества «Айанлар» (1911г.), созданного при грузинском театре.

Рецензии Эйнали-бека Султанова на различные спектакли, статьи, посвященные актерам, оказывали положительное влияние на формирование азербайджанского театра в Тифлисе. Когда-то он изучал религиозные мистерии и стоял у истоков нахчыванского театра, и теперь его сформировавшиеся взгляды на национальный театр, его профессионализм и гражданская позиция вызывали живой интерес. Его рецензии на театральные постановки произведений Дж.Мамедгулузаде «Мертвецы», Н.Нариманова «Надыр-шах», У.Гаджибекова «Аршин мал алан», «Асли и Керем», Шекспира «Отелло», Шамсаддин-бека Самини «Кузнец Гаве» отражали проблемы роста, развитие, успехи и неудачи азербайджанского театра. Рецензия на знаменитую трагикомедию «Мертвецы», наряду с высокой оценкой постановки, привлекала целым рядом литературно-исторических комментариев. В статье читаем: «Премьера трагикомедии «Мертвецы», написанной несколько лет назад, но по разным причинам не поставленной на сцене, прошла с большим успехом. Особенно сильное впечатление эта классическая пьеса произвела на азербайджанских женщин. В знак признательности и любви они преподнесли автору – Джалилу Мамедгулузаде – ковер очень тонкой работы и послали поздравительное письмо».

Наряду с этим Эйнали-бек Султанов занимался и педагогической деятельностью, в 1912-1916 годах он преподавал в Тифлисской Первой женской гимназии русский, а с 1917 года и родной язык, был классным руководителем. Он последовательно предпринимал шаги по переходу письменной азербайджанской речи на латинскую графику и занимал пост секретаря Тифлисского отделения Комитета по созданию нового алфавита (1924).

Свою литературную деятельность Эйнали-бек Султанов начал еще в 80-х годах XIX века. В основном создавал драматические и прозаические произведения. Его пьеса «Татарка» («Азербайджанская девушка») в 80-х годах была поставлена на нахчыванской сцене, а книга вышла в Иреване в 1904 году. В пьесе поднимался вопрос о правах и свободах женщин и на определенном уровне предлагалось решение этих вопросов. «В нескольких словах от автора», открывающих комедию, автор раскрывал цели произведения, призывая «мусульманок приоткрыть завесу, скрывающую от них жизнь любознательных европейских женщин, о которой они не имели никакого представления». В общественно-литературной среде именно Эйнали-бек Султанов поднял вопрос о бесправном положении женщин и впервые выступил в их защиту. Как говорилось в «Предисловии», произведение рассказывало реальную историю, произошедшую «в одном из провинциальных городов». Более того, автор отмечал, что пьеса снаписана на основе «рассказа героя о реальном событии». На самом деле во второй половине XIX века такие истории и женские судьбы были типичны для азербайджанского общества. Аналогичные истории о женских судьбах отразили в своих произведениях М.Ф.Ахундов, Н.Б.Везиров, Дж.Мамедгулузаде и другие. Пьеса «Татарка» также была списана с азербайджанской действи-

тельности. Поэтому высказывания о том, что эта пьеса перекликается с европейскими литературными образцами, можно отнести не к теме и образам, а только лишь к некоторой схожести в сюжете. Признавая это, Эйнали-бек писал: «Через некоторое время после ее (*«Татарки»* – **И.Г**.) создания… случайно в одном персидском журнале увидел новеллу «Женская хитрость», которая имела такую же концовку. Но автор верит, что даже если сюжет ему кажется схожим, читатель не будет искать ценность пьесы в фабуле».

Образ Сенем из «Азербайджанской девушки» – это продолжение и развитие героинь произведений М.Ф.Ахундова в новых условиях. Своей несчастной судьбой Сенем, напоминающая Пярзад («Хырсские грабители»), умом и находчивостью – Сакину-ханым (Рассказ о судебных адвокатах»), – верная, обладающая высокой нравственностью азербайджанская женщина, способная все понять. Она противостоит жестким и жестоким требованиям своего времени, более того, идя наперекор родителям, выходит замуж по любви за Агашарифа. Своим умом и находчивостью ей удается поставить в смешное положение и раскрыть внутреннюю слабость и моральное уродство кичливого офицера Гасаналибека, уверенного, что нет ничего легче, чем унизить, одержать верх над азербайджанской женщиной. В конце произведения слова, сказанные Сенем, отражают все надежды и пожелания Эйнали-бека Султанова азербайджанским женщинам: «Пусть все мужчины знают: мы, азербайджанские женщины, вовсе не такие безвольные, трусливые и горемычные, как они думают. Мы созданы не только для них. Мы тоже люди». По сообщению Али Халилова, «Татарка» была поставлена на нахчыванской сцене в 1884 году. Хотя дата постановки и выглядит спорной, остается реальным фактом то, что этот спектакль был поставлен на сцене силами любителей. А. Халилов пишет: «Роли исполняли: Сенем – Эйнали-бек Султанов, Ниса – Рагим Халилов, Пери – Насрулла Шейхов, Агашариф – Мирза Алекпер Сулейманов».

Живя в Тифлисе, Эйнали-бек хоть и был близок и связан с театральной средой, однако драматических произведений не писал. Только в 20-х годах он вновь вернулся к этому жанру и создал сценки: «Отчим», «Здоровье», «Даешь, не даешь». Кроме этого, он перевел на русский язык и выпустил книгу, куда вошли комедийные пьесы М.Ф.Ахундова: «Молла Ибрагим-Халил, алхимик» и «Гаджи Гара». Также он перевел «Перед лицом жизни» М.Горького и стихотворение В.Маяковского «Баку» и опубликовал их в газете «Dan ulduzu» («Утренняя звезда»). До этого он перевел на азербайджанский язык басню русского сатирика И.А.Крылова «Лиса и виноград». Учитывая воспитательную пользу басни, она была включена в книгу Ф.Кёчарли «Подарок детям». Составитель книги во вводном слове особо отметил, что в переводе Эйнали-беку удалось «сохранить мелодику родного языка». В переводе Эйнали-бека Султанова русскоязычные читатели также могли познакомиться со стихами Шейха Саади из сборника «Гюлистан» и общественно-социальными месневи Баба Таира «Бог перед судом человеческим».

Наряду со всем этим Э.Султанов в первую очередь был прозаиком. Еще живя в Нахчыване, он прославился там не только как публицист, но и как писатель. Такие рассказы, как «Новруз-ага», «Маленькое приключение», «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», «В канцелярии следователя» и т.д. являются плодами этого периода. Уже с первых произведений он привлек внимание как писатель, показывающий национальный быт, обычных людей, рассказывающий простые и необычные истории, при этом делая интересные художественные обобщения. Он выступил в защиту желания Дж.Мамедгулузаде писать маленькие рассказы и высоко оценил его рассказ «Свирель». Сам он является первым автором маленьких рассказов в русскоязычной азербайджанской литературе.

В тифлисский период жизни он продолжал писать маленькие рассказы. В этих рассказах отчетливо прослеживаются идеи просветительства, критика старых, отживших обычаев, тяготение к фольклору, этнографические мотивы. В коротких рассказах «Горькая усмешка», «Чалма», «Под чадрой», «Ужасная месть», «Свекровь, мать-предатель-

ница» и др. на примере простых сюжетов и «маленьких» людей автор смог показать суть и запросы своего времени и общественной среды. Рассказ «Seyidlər» («Сеиды») привлек внимание общественности к Эйнали-беку Султанову как к оригинальному прозаику. Критик Рзагулу Наджафов (1885-1937) писал: «в нашей литературе образовался большой пробел, и заполнить этот пробел… является первейшим долгом и наших издательств, и служителей пера». Критик утверждал, что «пришла пора избавиться от влияния поэзии, создаваемой для чтения под лютню, и по требованию нынешнего века писать реалистические прозаические и беллетристические произведения».

Учитывая все это, было решено в рамках конкурса на лучший рассказ, проводимого редакцией газеты «Yeni fikir» («Новая мысль») с целью «указать путь нашим писателям», «пробуждения в их природе скрытых талантов… внимания и достойной оценки их творчества» издать рассказ «Seyidlər», привлекший всеобщее внимание в серии «Рассказы». Главной отличительной особенностью рассказа было признано то, что написан он был простым языком, в стиле, понятном «простым и не очень образованным крестьянам».

Сюжеты и темы рассказов Эйнали-бека Султанова перекликаются с сюжетами и темами западной литературы. Это естественно для писателя, хорошо знакомого с произведениями европейских писателей. Четко прослеживается подобное сходство с итальянской и французской литературой в рассказах «Маленькое приключение», «Соловей», «Персиянка». Но, как было отмечено А.Мамедовым, «Э.Султанов события несколько осовременил, а концовки оставил неясными, отдав их на суд читателей».

Говоря о схожести тем и сюжетов, надо учитывать и то, что на определенных исторических этапах все народы переживают схожие ситуации.

Как видим, деятельность Эйнали-бека Султанова была довольно многогранной: театр, журналистика, фольклор, участие в создании нового алфавита, писательство и перевод. В целом же он воспринимался обществом как истинный интеллигент-просветитель. В начале XX века он был одним из видных просветителей, выступающих в русской прессе с позиции азербайджанства. Эта идея стала стержнем не только его дружбы с Джалилом Мамедгулузаде, но и всего его творчества. С этой точки зрения в начале XX века Джалил Мамедгулузаде и Эйнали-бек Султанов сыграли большую роль в превращении идеи азербайджанства в широкое и большое движение в Закавказье.

Как писатель Эйнали-бек Султанов является представителем и создателем литературы переходного периода от просветительской литературы к литературе критического реализма. Точнее, он – писатель-просветитель с реалистическо-критическим мышлением.

Призыв к обществу развиваться посредством реформ, отдавать преимущество эволюционным процессам, выдвигать на первый план морально-нравственные вопросы – это художественное видение просветительского реализма Эйнали-бека Султанова. И авторский стиль художественных произведений, и использование этнографических нюансов, характеризующих национальный быт, также являются выражением литературы просветительского реализма. Вместе с тем критические нотки в попытке реформирования, воспитания и наставления, тяготение и желание обновления приближают его произведения к методу критического реализма. В итоге в азербайджанской литературе Эйнали-бек Султанов занял особое место как критический реалист-просветитель.

Наряду с литературным творчеством Эйнали-бек Султанов занимался и литературоведением, собирал и записывал фольклор, писал критические статьи о произведениях писателей-современников, рецензии на театральные постановки. Он выступал в литературе с позиции реализма и как защитник активной гражданской позиции.

Мирза Джалил Мамедгулузаде высоко ценил не только деятельность своего друга в развитии художественно-литературной мысли, но и влияние, оказанное им на его жизнь. В письме выдающегося писателя от 13 июля 1925 года говорится:

«Дорогой Эйнали-бек Султан!

…Были такие часы... вспоминал былые дни. Мне казалось, что тот же Эйнали сидит рядом со мной, как и сорок лет назад, и с молодым азартом рассказывает о прочитанных книгах, о русских просветителях, европейских писателях, а порой, бывало, говорит обо всем с болью и горечью. Ты столько говорил об этом, что в конце концов и меня затянул в мир просветительства. Уверен, если бы не ты, имя мое было бы затеряно среди обычных сельских учителей».

Эти слова писателя, адресованные Эйнали-беку Султанову, являются доказательством братской дружбы и единомыслия.

Эйнали-бек Султанов умер в 1935 году. Память о видном писателе увековечена в Азербайджане. Общеобразовательная средняя школа № 9 в городе Нахчыван носит его имя.

Сделана определенная работа и в сфере издания произведений писателя. Отдельными изданиями были выпущены пьеса «Татарка» и рассказ «Seyidlər». В книгу «Избранные рассказы» вошла часть его произведений. Но ни одно из упомянутых изданий не охватило всех художественных произведений писателя. В эти книги не вошли и его многочисленные публицистические произведения. Перед нами стоит задача составить полное собрание сочинений этого писателя и публициста.

Жизнь и творчество Эйнали-бека Султанова послужили объектом исследования для многих ученых-литературоведов. Первой научной работой, посвященной этой теме, стала кандидатская диссертация Иззета Магсудова. Именно после этого Эйнали-бек Султанов стал известен широким слоям общественности как писатель и публицист.

Безусловно, последние исследования и находки позволят по-новому взглянуть на жизнь и творчество не только Эйнали-бека Султанова, но и на азербайджанскую литературу и публицистику начала XX века в целом уже в свете независимости. Институт литературы им.Низами Национальной академии наук Азербайджана на основе новых материалов готовит издание собрания сочинений Эйнали-бека Султанова, куда войдут его обнаруженные недавно произведения, обобщающие монографии, посвященные его жизни и творчеству. Назрела необходимость в академическом издании о видном представителе азербайджанской литературы начала XX века Эйнали-беке Султанове – одном из видных творческих людей, занявших достойное место в азербайджанской литературе, прессе, истории театра и в общественной мысли начала XX века.

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

Кошка на бортике бассейна

Рассказ

Кошка сидела на бортике бассейна и смотрела на рыб. Рыбы неторопливо передвигались в воде, лениво поводя плавниками. Одна подплыла совсем близко, и кошка следила за нею, вытянув шею.

Увидев подошедшего человека, кошка нехотя спрыгнула вниз, но затем, выждав немного, вернулась на прежнее место.

«Привет, кошка, – сказал человек. – Как жизнь?» Кошка вздрогнула. Но ему показалось, что кошка пожала плечами, как бы говоря: «Как видишь…»

«Да уж, хорошего мало…», – пробормотал человек и опустился на бортик бассейна неподалеку от кошки. Он сидел, не двигаясь, прикрыв глаза. Кошке показалось, что он задремал. Но он просто задумался.

«Сидит, глядит на воду, – думал он о кошке. – Вода холодная… И рыбы проплывают мимо…»

У человека было муторно на душе. Казалось, особых причин для этого не было. У него было много друзей, его любили родные, и работа шла успешно… И нашелся бы не один человек, готовый выслушать его и понять. Но он никому ничего не хотел рассказывать.

Ему казалось, что его не поймут. И, скорее всего, он был прав. Как это ни печально. Тем более, что он и сам себя совсем не понимал.

Наверное, есть вещи, которых нельзя понять разумом. Их нельзя понять даже сердцем. И только испытав их на себе, можно поверить и понять, что так может быть. Ведь так было и с ним самим. Он испытывал сейчас то, чего не понимал и во что не верил прежде, когда слышал об этом или читал. То, что происходило с ним, называлось длинным тоскливым словом «одиночество»…

И все-таки он хотел быть один, потому что среди людей чувствовал себя еще более одиноким.

Он тосковал о Ней… Нет, она не покинула его. Он ушел сам, устав от всего. Кто был повинен в их бесконечных ссорах и размолвках, в обоюдном нежелании понять и уступить друг другу? Им было тяжело, плохо, и еще тяжелее было оттого, что каждый видел, что и другой мучается.

«Ты стал совсем другим со мной, – говорила она. – Мне плохо с тобой!»

«Почему же ты не уйдешь?» – холодно интересовался он.

«Потому что ты пропадешь без меня», – отвечала она.

«Ты слишком самоуверенна», – говорил он, усмехаясь.

В последние дни они изводили друг друга почти сознательно, нарочно, то ли с детским жестоким любопытством стремясь посмотреть, что из этого выйдет, то ли предчувствуя конец их отношений и торопя его.

Он видел, что она, так же, как и он, готова и хочет уйти. Дело было только за

тем, у кого окажется меньше терпения или больше решимости, кто захочет сделать это первым.

Более решительным оказался он. Он ушел, сказав, что уходит совсем.

Она плакала, но удержать его не пыталась.

Первое время он ощущал в себе необычайную легкость, приподнятость, непривычное чувство свободы, от которых приятно кружилась голова. Не нужно было спешить домой, нервничать, что задерживаешься, опаздываешь, выслушивать бесконечные упреки, жалобы: «Опять забыл купить хлеб, не купил молока для ребенка, я не могу все делать одна, я устала…» Не нужно было ни в чем оправдываться, злиться, объяснять…

Не нужно было видеть ее слез, ее глаз, в которых таился холод, когда она смотрела на него, и какой-то животный страх, когда глядела на их ребенка – ей все время казалось, что с ним должно что-то случиться. Ребенок был еще очень мал, без конца болел и ничего, кроме чувства досады и жалости, в нем не вызывал.

Теперь он был свободен. Свободен в своих действиях, передвижениях. И – в выборе.

Развязавшись со всем, что тяготило его, мучило, мешало, связывало, то есть с ней и с этим маленьким плаксивым существом – их ребенком, над которым она кружила, точно наседка над цыпленком (это страшно его раздражало: у всех есть дети, но никто от этого не сходит с ума), он вдруг понял, что снова может выбирать – все пути открыты для него, все женщины созданы для него, и ждет его впереди новое, интересное, радостное…

Раньше, когда он думал о возможности ухода, он боялся первых дней, когда они будут не вместе, считая, что эти дни будут самыми трудными. Но именно в эти дни, ощутив какой-то детский восторг от всего, что открывалось перед ним, он совсем почти не вспоминал о ней. Он увидел вдруг, что вокруг масса красивых – и свободных! – женщин, и что многие из них смотрят на него благожелательно и заинтересованно. Он вспомнил, что существует другая – веселая и бездумная жизнь, с улыбками и ресторанами – существуют же все это на свете для кого-то! И он старался жить этой – веселой и бездумной жизнью...

Но оказалось, что он разучился жить так. Он не чувствовал вкуса всего того, что имел теперь. Не то, чтобы ему это не нравилось, а просто – не ощущал вкуса. Он решил, что просто забыл, отвык от этого, и стремился жить еще веселее, еще бездумнее, пока почти физически не ощутил давящее изнутри чувство, которое бывает, когда переешь.

В него просто больше не лезли все эти радости, не умещались в нем. Ему стало пусто и скучно…

Он пробовал говорить об этом с друзьями, но они хлопали его по плечу, советовали развеяться и звали в ресторан. Он шел и, сидя в шумном полумраке, думал: «Не то. Не то… не так…» И ощущал свою отстраненность от происходящего и глухую, непонятную тоску.

Он не понимал себя, чувствовал в себе какую-то ущербность, думал: «Почему? Почему я не могу, как все? Вот сидят давно знакомые, близкие мне люди, пьют, шутят, смеются. Они получают удовольствие от своего бытия. А мне – скучно, пусто…»

Он ничего больше не хотел, ничего не ждал.

Однажды пришла она – отыскала его в пустой холостяцкой квартире друга,

уехавшего в длительную командировку. У него застучало сердце, закололо в висках. «Зачем? – тоскливо думал он. – Зачем она пришла?»

Она принесла вещи, которых он не взял с собой. Что-то рассказывала о ребенке, которого ему вдруг смертельно захотелось увидеть. О себе не рассказывала, о нем не спрашивала, будто ничего между ними не произошло, и расстались они только вчера, и завтра снова увидятся…

«Она уверена, что я вернусь, не смогу без нее», – подумал он, раздражаясь, и заговорил о том, что между ними все кончено, он много думал – ничего уже не может быть, что она никогда – никогда! – не любила его, и нет смысла начинать все сначала, потому что изменить ничего уже нельзя…

Для чего он говорил это? Быть может, ждал, что она возразит…

Она слушала, склонив голову, не заплакала, как это бывало прежде, и как он этого ожидал. Она заговорила о чем-то постороннем и вскоре ушла.

Он сидел, подперев тяжелую голову руками, и думал: для чего она все-таки приходила?

«Наверное, проверить, не пропал ли я еще без нее», – вспомнил он тот их разговор и усмехнулся.

Все шло по-прежнему. Она больше не приходила. А он стал вспоминать ее чаще и чаще, пока не понял однажды, что вся его тоска, все его одиночество – от нее.

«Знаешь, – говорил он другу, самому близкому, – при ней мне хотелось всего: вина, женщин, друзей, веселых компаний, свободы – всего! Меня бесило, что у меня нет возможности иметь все это. Ее подозрительность, расспросы – где был, с кем, почему пришел поздно, – выводили меня из себя. А сейчас, без нее, когда я свободен и могу распоряжаться собой, как хочу, – не хочу ничего»…

«Плюнь, – говорил друг. – Прилип к бабе. Плюнь, вон их сколько». Он соглашался, обещал «плюнуть», но у него не получалось. «Вернуться? – думал он. – И снова – ссоры, упреки, слезы… Нет, не могу»… Он не хотел, не мог вернуться, но все чаще и все острее тосковал о ней. «Хочу к ней», – твердил он про себя, и сам же спрашивал: «Зачем?» – и отвечал себе: «Не знаю. Не знаю…»

Он утешал себя тем, что прошло еще мало времени и что надо переждать еще немного. Надо отвлечься, забыть … И он с головой уходил в работу, читал запоем и, казалось, у него начинает получаться – он забывал. Но стоило ему оторваться от работы или от книги, и он снова думал о ней. Он думал о ней постоянно. Порой ему казалось, что он сходит с ума…

Шло время, а его тоска, чувство одиночества и недовольства собой не проходило, мучая его, как зубная боль. И сердце ныло: «Хочу к ней». «Зачем?» – спрашивал он. «Не знаю… не знаю… не знаю…» – выстукивало сердце…

…Человек сидел на краю бассейна, прикрыв глаза. Казалось, он спит. Кошка давно уже перестала наблюдать за рыбами и смотрела на него. Она встала и, осторожно перебирая лапами, пошла по бортику бассейна к человеку. Большой буро-желтый лист бесшумно опустился на воду. Кошка протянула к нему лапу и тут же отдернула – вода была холодна…

Кошка вновь двинулась к человеку и, подойдя, потерлась о его руку. Человек вдруг глухо застонал. Кошка отпрянула. «А, это ты…» – сказал он. Кошка замурлыкала и все терлась о его ладонь…

«А что? – пробормотал человек. – Может, это как раз то, что нужно». Он усмехнулся…

«Пойдешь со мной? – спросил он кошку. – Будем жить вместе – я и ты. Я заведу для тебя аквариум с рыбами, такими, как в этом бассейне. Я буду покупать тебе колбасу и сметану, или что вы там сейчас едите? Ты будешь каждый день есть курятину и ни черта не делать. Ты будешь свободна и счастлива. Ну же! Зачем тебе этот пустой, холодный парк, и холодная вода в бассейне, и эти рыбы, которым на все наплевать?»

Кошка смотрела на него, не мигая. Глаза у нее были умные и все понимающие.

«Ну, правда, кошка, пойдем ко мне жить, нам будет веселее вместе, – попросил он снова. – Не хочешь?.. То-то и оно. То-то и оно…»

Он тяжело поднялся и пошел вдоль аллеи, разгребая листья носками туфель. Кошка смотрела ему вслед. Потом отвернулась и снова стала наблюдать за рыбами

С Т И Х И

* * *

Задумаешься – умрешь,
Или – с ума сойдешь,
Зачахнешь, как в засуху рожь,
Тщетно зовущая дождь.

Дров не сложить из золы,
Не возвратить ни минуты,
Не разрубить узлы,
Тем более – не распутать.

Надо ли, чтоб щеке
Было от слез горячо?
Потому и живу налегке
И – не думаю ни о чем.

* * *

Почему так рано, не пойму,
Так нелепо, глупо гаснут гении?
Видно, жить, как все мы, не умеют
В жизни душном, суетном дыму.

Вечный Пушкин, Лермонтов – они
Жить не научились осторожно
И стихи звенящие свои
В сытые выплескивали рожи.

Не умели жить они, пригнувшись,
Перед подлостью стояли в полный рост,
И, своею болью захлебнувшись,
Путь держали прямо на погост.

Ну, а подлость, что ж, она сильнее –
Ей не внове гнуть и убивать,
Гений тоже может быть осмеян
И освистан, бездарю подстать.

Эта жизнь была им не по росту,
А по росту им – попробуй, сшей!
Подлости в них целить было просто:
Рослые – удобная мишень.

Не хотели, не умели – шепотом,
Не хотели, не могли – ползком.
И за то до времени растоптаны
Жизни беспощадным каблуком.

И Сергей Есенин, и Цветаева,
Не дожив, не дописав страниц,
Сгинули в небытие, растаяли
В тягостной толпе самоубийц.

Маяковский, громкий и громадный,
Уж на что к Есенину был строг,
В сваре жизни, злой и беспощадной,
Не сумел, не выстоял, не смог.

А иные – те живут, довольны
Жалкою судьбишкою своей...
Жизнь не любит дерзостных и вольных,
Яркий факел отгорит быстрей.

* * *

Поняв: сокровища души
Имеют небольшую цену,
Над жизнью властвовать решив,
Была актеркою на сцене.

Играла пламенную страсть
И показное равнодушье,
И сердце сделалось послушным
И разума признало власть.

Был тяжек избранный мной крест,
Но почитателей орава
Из зала мне кричала «браво!»,
В восторге вскакивая с мест.

Всегда – хитрить, всегда – играть?
Жизнь не театр и не коммерция.
Над изнасилованным сердцем
Хочу и не могу рыдать.

* * *

Не жить нам без интриги,
Без сплетен, без вранья –
В карманах держат фиги
Мнимые друзья.

Не спится им, неймется,
Их мозг неутомим:
С азартом создается
Запас подводных мин.

Восторг и упоенье –
Все средства хороши!
И лгут не для спасенья,
А просто – для души.

Жонглируя словами,
Интрижку сплел и рад,
Столкнуть кого-то лбами –
Награда из наград!

Обман и подтасовка,
Без них им – просто смерть.
А дальше – потасовка,
И – можно посмотреть.

Что ж, люди так доверчивы,
Спроста привыкли жить,
И кушаньем наперченным
Легко их соблазнить.

И даже самым зрячим
Не избежать сетей –
Их интриган дурачит
Как маленьких детей.

Очередную гадость
Готовит он опять…
Какая в этом радость –
Мне, право, не понять.

* * *

Трещит, выдавая все ваши секреты,
Слов торопливых морзянка –
Что за желание перед кем-то
Вывернуться наизнанку?

Страдающих недержанием речи
Я, как ни бьюсь, не пойму –
Ведь откровенничать с первым встречным
Глупо и ни к чему.

Вас не поймет собеседник случайный
С усмешкою в глаз глубине,
И потому у души ее тайны
Должны храниться на самом дне.

*** * ***

Я – как брошенный дом:
Все жильцы уже выехали,
Поздним вечером в нем
Ни окошка не вспыхнет.

Окна в полночь глядят
Как пустые глазницы.
Как тоскливо скрипят
Под ногой половицы!

Лишь над входом горит
Лампа светом могильным…
Без жильцов изнутри
Все покроется пылью.

Все покроется плесенью,
И ремонт не спасет.
Все бессмысленно, если
Здесь никто не живет…

*** * ***

Мне – спокойной и ясной,
Так давно отлюбившей,
В день пустой и ненастный
Вдруг позвонит мой бывший.

Я давно не свободна,
Он, я знаю, женат.
Скажет: «Все мы сегодня
Наверстаем сполна»…

Как все лихо и просто –
Наверстаем сполна!
Милый мой, но наверстывать
Вовсе нечего нам.

Учит жизни наука:
Дважды в год – не цвести,
И к тебе даже скука
Не заставит прийти.

Ты неждан и непрошен,
Похоронен в душе,
Канул в Лету и больше
Не воскреснешь уже.

* * *

Слово «любовь» – развенчано,
Она нас больше не мучит.
Между мужчиной и женщиной
Нынче все пошло и скучно.

Мужчины сейчас иные –
Суетятся, как пчелы в сотах.
Слишком во всем деловые –
В чувствах их нет полета.

От страсти с ума не сходят,
Не поют серенад и арий,
Нынче все происходит
По простенькому сценарию.

Листаю вновь до рассвета
Старых романов страницы,
Где вы, стихи и букеты,
Где вы, бесстрашные рыцари?..

* * *

День сегодня опять безветренный,
Воздух тих,
День обычный и неприметный,
Но – не для нас двоих.

А для нас тротуар – как в качке,
Ходит взад и вперед,
А для нас – пустой и незрячий
Небосвод.

Горечь сеяли, вот и всходы –
Наша боль...
Мы с тобой – слишком разной породы,
В этом соль.

Время наши залечит раны,
От былого – лишь пепла горсть,
Будет только вначале странно,
Что мы врозь.

Может, это даже и лучше –
Что все так...
А засевшая в сердце колючка –
Это пустяк.

* * *

Среди потоков пошлой лжи,
Где процветает ординарность,
Вновь занимает рубежи
Воинствующая бездарность.

В ком искра божья не горит,
Не обожжется,
Он пороха не сочинит,
Но он – пробьется!

Он не пугается потерь,
Он бодр и весел,
И если выставят за дверь –
В окошко влезет.

И пусть в мозгу его всего
Пять-шесть извилин,
Он не стыдится ничего,
Нахал – всесилен.

Он лицемерит, льстит и лжет,
И лжет – открыто,
И он всегда отыщет ход
Туда, где сытно.

Пролезет он в любую щель –
Он ловок с детства,
Он твердо верит в то, что цель
Оправдывает средства.

Талант в нем вызывает смех –
Ведь нищ и сир он,
Ему ж – сопутствует успех,
Он правит миром.

Что проку в гордости пустой
Что мы их лучше?
Довольно истины простой:
Они – живучей.

Вверх надо лезть, а не глазеть,
Кто робок – тряпка!
Ну, что ж, не каждому суметь.
Перед уменьем преуспеть
Снимаю шляпу.

Пью за нахалов и проныр –
Масс украшенье.
Что ж, к сожаленью, этот мир
Несовершенен.

* * *

В пору ту, когда солнце сияло
Много ярче, чем светит теперь,
Когда я еще не познала
Ни предательств, ни бед, ни потерь,

Я твердила всем, убежденная
В исключительности своей:
Коли красть – так уж красть миллионы,
Коль любить – так любить королей.

Только жизнь рассудила иначе,
Нас тасуя в колоде толпы,
Мудрецов она одурачила,
Гордецов окунула в пыль.

Я живу без короны и трона,
На счетах – лишь горстка нулей,
Ни украденных миллионов,
Ни возлюбленных королей...

* * *

Вырвавшись из очереди – к черту эту свару,
Видно, в этом мире все друг с другом в ссоре! –
Я пойду бездельницей шляться по бульвару,
Где у эстакады кипятится море.

Волны кувыркаются, выгибаясь круто,
Чайка с голодухи собачонкой лает,
Море, пусть под сальною пленкою мазута,
Пополам с отходами, все же – впечатляет!

Слышала, что нынче море приболело –
Там, мол, и бациллы, и всякие бактерии,
В море их – как долларов у миллиардера,
Говорят, опасные для здоровья звери.

Но я верю в море, вон оно какое –
Ни конца, ни края, не охватит глаз.
Так же катит волны, шелестит прибоем...
Верю, море вылечится. И – излечит нас.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ КУЛЬТУР

Образованные азербайджанцы, начиная с XIX века, все больше интересовались французской культурой, что отражено в произведениях азербайджанских и французских писателей. Исмаил-бек Куткашенский опубликовал в Варшаве в 1835 году свою повесть «Рашид-бек и Саадет-ханум» на французском языке. Эта повесть – одно из первых произведений, написанных в европейском стиле на национальном материале. Вспомним комедию знаменитого азербайджанского писателя Мирзы Фатали Ахундова «Повесть о Мусье Жордане – ученом-ботанике и дервише Масталишахе, знаменитом колдуне», вышедшей в свет в 1850 году. Интрига комедии сама по себе показательна. Французский ботаник выступает в качестве ученого, несущего просвещение в благодатный, однако несколько отставший в сравнении со всеобщим прогрессом, край. Интрига основана на конфликте интересов молодого Шахбаз-бека и его семьи. Молодой человек желает не только выучить французский язык, но также познакомиться с обычаями французского государства, столь восхваляемыми его новым другом, господином Жорданом. Тетя и невеста-кузина Шахбаз-бека делают все возможное, чтобы удержать молодого неопытного человека от влияния прекрасной Франции, воплощенной (в воображении этих женщин) в кокетливых француженках. Здесь я процитирую молодую невесту Шахбаза Шерефнисе-ханым: «Он (Шахбаз) сказал, что в Париже все молодые девушки, женщины и юноши вместе танцуют, беседуют, смеются». Можно представить эффект, произведенный рассказами француза на молодого человека, выросшего в обстановке мусульманского общества, где мужчины и женщины встречаются только в определенных условиях. Комедия блестящая, полная юмора, очень верных замечаний об обоих народах: азербайджанском и французском. Бесстрастный взгляд писателя позволяет увидеть особенности стиля жизни азербайджанцев Гарабаха, посмотрев на них критически и в то же время доброжелательно.

«Персидские письма» – эпистолярный роман Монтескье, опубликованный в 1721 году, является в данном случае имплицитной ссылкой. Узбек и Рика, двое персов, в Париже открывают для себя странность образа жизни французов. Ахундов пользуется, совсем как Монтескье, взглядом иностранца, чтобы подвергнуть критике местные традиции. Это видение иностранца является позитивным побуждением к новому опыту и путешествиям. Путешествие тем более удачно, если путешественник владеет иностранным языком. Комедия Ахундова имела заслуженный успех, была переведена на французский язык Люсьеном Бува и опубликована во Франции в 1906 году. Ахундов сам не говорил на французском, хотя владел 4 языками: азербайджанским, арабским, персидским и русским, совсем как персонаж его комедии Шахбаз-бек. Очевидно, что он восхищался французской культурой и языком в первую очередь, о чем он говорит в своей комедии. В это время Северный Азербайджан являлся частью русской империи, и для автора необходимым являлось владение русским языком. Впрочем, он был переводчиком местной администрации.

Наша соотечественница Банин, французская писательница, была признана французами как автор, имеющий несомненный писательский талант. Ее самые знаменитые романы – «Кавказские дни» (опубликован в 1954 году) и «Парижские дни (1947 год).

Публикация этих романов – довольно редкое событие, поскольку французский язык не являлся родным языком автора. Она выучила французский еще ребенком, как многие дети из богатых семей, и то, как свободно она изъясняется по-французски, вызывает восхищение. Ее стиль современен и динамичен, события, о которых она пишет и свидетелем которых она оказалась, переданы достоверно. Для нее совершенное владение французским языком становится жизненной необходимостью. После большевистской революции она была вынуждена уехать из Азербайджана из-за трагических событий. Ее отец был одним из министров Азербайджанской Демократической Республики (Мирза Асадуллаев), но после прихода к власти большевиков вся семья покидает родину и переезжает во Францию. Молодая Умм Эль Бану (это ее имя) пробует разные профессии, в том числе и переводчицы, прежде чем стать писателем. В то время ей было необходимо найти свое место в чужом мире. Для женщины из мусульманской среды она очень смело описывает свою непростую жизнь во время революции. Она прекрасно справилась с задачей и почувствовала себя своей в среде французских и эмигрантских интеллектуалов. Банин следует привлекательной тенденции – писать на иностранном языке. Здесь я сделаю отступление, процитирую выдержки из статьи Франсуазы Даржан, опубликованной в газете «Ле Фигаро» 8 января 2009 года.

«Французский – принимающий язык всех писателей в мире. Многие иностранные писатели публикуют в начале учебного года[1] книги на французском языке. Этот феномен не нов. Многие авторы, и не самые неизвестные, не пользуются своим родным языком. Этот феномен можно объяснить следующим образом.

Они иностранцы. Но они решили писать на французском языке. Помнят о самых знаменитых, таких, как упрямый Милан Кундера, который сам занялся переводом всех своих романов, Сэмюэль Беккет, признавшийся, что сумел освободиться от влияния Джойса, выбрав иностранный язык, или, к примеру, Казанова, чьи мемуары в 10 томах были написаны на языке Мольера, в то время этот язык считали первым международным языком. Почему решают однажды оставить свой родной язык, чтобы сделать французский языком своего письма? Конечно, столько ответов, сколько и личностей и путей, ими пройденных, но необходимо отметить, что французский язык, даже если он потерял влияние в мире, сохранил свою ауру у писателей. Последний лауреат Гонкуровской премии (2008 год), афганец Атик Рахими, самый современный тому пример. Когда «Ле Фигаро» задал ему вопрос на эту тему, Атик Рахими, чьи первые три романа были написаны на фарси, ответил очень просто: «Вначале я не задавался этим вопросом, я не думал об этом. Когда я вернулся в свою страну в 2002 году, я окунулся в свою культуру…. И желание писать по-французски. «Singué Sabour» – «Камень терпения» – был написан сразу на французском. На самом деле мне было тяжело – я не знаю почему – затрагивать важные темы, на которые существует табу в моем родном языке. Французский язык дал мне возможность выразить себя с определенной свободой».

Приблизительно такое же впечатление у меня было, когда я читала роман Банин «Кавказские дни». События, чувства, о которых не принято говорить у нас, а также употребление некоторых табуированных слов азербайджанского языка, но которые вполне допустимы на французском, нашли в книге Банин свое выражение. Я также могу говорить о собственном опыте, поскольку я написала две книги на французском – «Эпистолы» и «Лиза Герардини», и эти книги были изданы во Франции, в Париже. Ты словно надеваешь маску и можешь говорить о некоторых вещах, невыразимых в твоем социуме. Это также является одной из причин выбора неродного языка. Книга предназначена для публики с менталитетом, отличным от менталитета носителей родного языка автора. Французская культура приветствует смешение различных культур и способствует посредством французского языка расцвету других культур.

[1] Традиционно во Франции книги издаются в начале учебного года.

Очевидно, чтобы иметь желание изучать язык и посредством языка культуру Иного, необходим обмен. Обмен имел место. В 1833 году французская писательница Жорж Санд представила в «Независимом журнале» (la «Revue indépendante») «Кероглу» («Kourrouglou») – персидский эпос (так заявлено в журнале). Она настолько была заинтригована Востоком, что решила перевести несколько песен эпопеи на французский язык.

George Sand
KOURROGLOU
ÉPOPÉE PERSANE

В Европе этот эпос появился благодаря усилиям известного польского поэта и востоковеда Александра Ходзько. Первый собиратель азербайджанского народного фольклора, А.Ходзько опубликовал на английском языке в Лондоне записанный им в Азербайджане героический народный эпос «Кероглу». Ходзько являлся и популяризатором творчества выдающегося азербайджанского писателя Мирза Фатали Ахундова.

Английский язык послужил языком-посредником для Жорж Санд. Процитирую Жорж Санд, чтобы оценить ее восхищение стилем и содержанием произведения и доблестным персонажем: «*Но прежде, чем услышать замечательную и занимательную историю, будет хорошо, если вы узнаете, что ее основа достоверна и что знаменитый Кероглу, о котором вы никогда не слышали, является историческим персонажем. Север Персии и берега Каспийского моря наслышаны о его славе, и рассказы о его подвигах так же популярны, как рассказы о Троянской войне во времена Гомера. Правда, Гомера и сегодня не хватает для рассказов о герое, и понадобилось терпение, любопытство и талант исследователя-европейца, чтобы собрать, резюмировать и найти связь между бесчислен-*

ными фрагментами восточных сказителей, которые они вливают в с восхищением внимающие уши своих слушателей, и потому – честь и слава господину Александру Ходзько! Эпос Кероглу никогда не был бы записан, нет доказательств того, что Кероглу мог писать; ему было, чем заняться, настоящему дьяволу: пить, драться, волочиться за женщинами. Но это еще не все. У него еще был талант импровизированного пения; его поэзия и голос разносились от Персии до Турции, от Хоя (город в провинции Западного Азербайджане в Иране) до Эрзерума (в Турции), а его гитара совершала почти столько же чудес, что и сабля».

Жорж Санд не говорила на восточных языках, но я уверена, что если бы у нее была малейшая возможность изучить их, она бы воспользовалась ею. Конечно, непрямые переводы, которые осуществляются при помощи языка-посредника, теряют некоторые особенности стиля. Но лучше иметь такой перевод, чем вообще никакого. Очевидное восхищение Жорж Санд этим произведением чувствуется и сегодня, когда читаешь ее перевод на французский.

Перевод является очень важным инструментом с точки зрения мотивации для изучения иностранного языка и вместе с этим – приобщения к другой культуре.

...Вернемся к французам, заинтригованным Востоком и Азербайджаном в частности.

Вспомним тексты Артура Гобино, французского дипломата и эссеиста, и его азиатские новеллы, опубликованные в 1876 году. Его новелла «Танцовщица из Шемахи» посвящена восточной красавице Ом Джехан. Впрочем, первый, кто заговорил о школе танцев в бывшей столице Азербайджана – Шемахе – был компаньон Александра Дюма-отца во время его путешествия на Кавказ в октябре 1858 года, Жан Пьер Мойне. Это он, художник Мойне, описал танец красавицы-баядерки Нисы, как он ее назвал. Эдуард Шартон, директор журнала «Вокруг света», убедил Мойне опубликовать свой собственный рассказ, проиллюстрированный рисунками, не использованными Дюма. Шартон был прав: рассказ Мойне оказался очень увлекательным, потому что он предлагал мнение, отличное от мнения писателя. В некотором роде это дополнение к путешествию Дюма.

Александр Дюма совершил путешествие на Кавказ и предоставил нам фантастическую возможность познакомиться с этим бурлящим краем в эпоху расширения русской империи. Книга «Кавказ», имеющая также другое название – «Путешествие на Кавказ» – была издана в 1859 году. В одном из эпизодов этой книги писатель рассказывает о своей встрече с правителем Гарабахского ханства Хасай-ханом Уцмиевым и его супругой Хуршидбану Натаван, азербайджанской поэтессой, дочерью Мехтигулу-хана Джаваншира, последнего хана Гарабаха. Дюма был очарован этой семьей и отметил совершенный парижский французский князя, что было неудивительно, поскольку князь учился в знаменитой французской военной школе Сен Сир.

Взаимовлияние культур происходит повсеместно. В наш век глобализации этот процесс стал настолько банальным, что сейчас главным вызовом стало сохранение национальной идентичности. Популярный мультикультурализм начинает терять свою привлекательность по причине унификации и упрощения культур. В любом процессе важна мера, гармоническое развитие. В случае перекоса в ту или иную сторону появляется эрзац-культура. Далекая от настоящей. В нашем случае обогащение национальной культуры позволило привить на национальной почве многие искусства, не свойственные ей изначально. Может, нам и дальше удастся счастливо сочетать национальное и наднациональное для обогащения нашей культуры.

ИГОРЬ РЕВВА

Секретный рецепт

Рассказ

Панцири доставленных кракпанов уже посветлели, а сами они казались вялыми, ленивыми, и – скажем прямо – едва ли не дохлыми. Одного этого хватало, чтобы понять: день не удался. Ткуш-Сит-Шин нахмурился, поджал губы и брезгливо ткнул металлической ложкой в нос самому большому кракпану. Тот раззявил пасть, клацнул мелкими зубами по металлу и, тут же потеряв ко всему интерес, лениво повалился на спину, медленно, словно в зевке, смыкая широкие бледно-зелёные челюсти. Чёрные глаза его на коротких толстых стебельках уже подёрнулись алым туманом, и Ткуш-Сит-Шин сокрушённо вздохнул, наблюдая за сонными их шевелениями. Ну, что вот с таким продуктом делать, а? Как его прикажете загонять? Он ведь прямо сейчас подохнет, вот сию же секунду!..

Ткуш-Сит-Шин постучал ложкой по раковине – звук был глухой, бухтящий и влажный, словно и не по раковине стучишь, а по мокрому речному песку. Тогда, чтобы окончательно уже убедиться в негодности кракпана, Ткуш-Сит-Шин прицелился и аккуратно щёлкнул его по островерхой макушке, прямо между коротких, похожих на рожки, усов. Кракпан дёрнулся, высунул шипастый красный язык и хрипло пробулькал:

– Мхрта-а-а... брла-а-а-кха... кха-ан...

После чего уткнулся носом в раковину соседа, лежавшего рядом, и, похоже, издох уже окончательно.

– Собачья задница... – вполголоса выругался Ткуш-Сит-Шин и принялся ворошить ложкой в контейнере, поддевая и переворачивая длинные светло-коричневые раковины. Но и остальной продукт пребывал не в лучшем состоянии.

Конечно, можно прямо сейчас связаться с поставщиком (кракпанами ресторан обеспечивала Китс-Мис-Ста) и затеять с ней длинный и бесполезный разговор о том, когда именно выловили этих кракпанов и как долго флаер с ними добирался до Санаранийского плато. Пользы от этого вышло бы немного, но зато можно было услышать от поставщика несколько версий собственного происхождения на свет и парочку сочных эпитетов по адресу своих родителей.

Можно было и просто заявить хозяйке ресторана, что из доставленных кракпанов удастся приготовить лишь два ведра удобрений для партугазиков, растущих на заднем дворе. Но что ответит на это Рис-Ска-Стис – тоже догадаться нетрудно: понятно, это проблема, но сейчас уже новых не заказать, придумай что-нибудь, ты же лучший повар во всём городе, ты же Мастер Блюд, самый-самый, и вообще какого пса я тебе плачу столько денег, если ты не способен накормить гостей, и так далее...

Можно было бы внести изменение в меню праздничного обеда, вычеркнув оттуда «Загнанного кракпана» и вписав вместо него, например, фаршированные раганокулисом виколики под апрасским соусом. Но это нужно было делать без ведома Рис-Ска-Стис, потому что хозяйка за подобное убила бы на месте. Она, в принципе,

всё равно разорётся, но, по крайней мере, не при гостях. А может быть и вообще пронесёт, если приглашённые останутся довольны. Всё равно ведь никто из них ни пса не читает в рассылаемом меню, откуда им знать, что вместо одного блюда подадут другое. Тем более что... (Ткуш-Сит-Шин сверился с записями) да, точно... к красным тийским винам виколики вполне подойдут, особенно если в апрасский соус добавить побольше мяты... а раганокулисы перед фаршировкой потушить с полчасика в милесском вине – есть в крайнем шкафчике примерно с полбутылки неприкосновенного запаса, должно хватить...

Повеселев от этого решения, Ткуш-Сит-Шин полез в шкафчик, достал оттуда бутылку... и понял, что всё намного хуже, чем ему казалось. Потому что бутылка была пуста. И стоявшая рядом на полочке коробка с рагилоктисом тоже показалась подозрительно лёгкой.

Это было плохо. Очень плохо. И не только потому, что этого вина уже не успеть достать, но и потому, что этот шкафчик никто, кроме Ткуш-Сит-Шина, открывать права не имел. Дверца не запиралась, но это и неважно – таковы были правила ресторанной кухни и её главного повара, её Мастера Блюд. В этом шкафчике хранились самые нужные и самые главные вещи, такие, как: ящичек с пузырьками приправ со всего света и второй такой же ящичек, но уже с пакетиками, кулёчками и свёрточками; несколько кувшинчиков и бутылок с различными винами и маринадами, целый ряд баночек со специальными добавками и, наконец, распухшая от вклеенных и вложенных в неё листков тетрадь в переплёте из кожи райсасигаса, на которой змеилась витиеватая надпись: «Рецепты для приготовления блюд», содержащая самые главные, самые секретные рецепты. Многие из них изначально были инопланетными, но Мастер Блюд адаптировал их под продукты Ксиона. Например, в классическом рецепте патунисики полагалось запекать в мартишанках лишь предварительно слегка отварив их в Эйтерском вине, которого на Ксионе, само собой, было не достать, но Ткуш-Сит-Шин вместо этого просто вымачивал длинные щупальца патунисиков в маринаде из райсасигасского молока и вамского сока с большим количеством найанского перца. И получалось гораздо вкуснее; настолько вкуснее, что уже появилось у гурманов такое выражение, как «Запечённые в мартишанках патунисики по-ксионийски». Эта тетрадь была самым главным в жизни Ткуш-Сит-Шина; это было сердце его кухни; священная книга, гораздо более важная для ресторана, чем «Откровения Преподобной Сатш-Кинс-Мисы» для любого храма. И Мастер Блюд свято оберегал свои секреты от посторонних. Равно как и запасы иноземельных специй или страшно редкое милесское вино, хранившееся здесь же в бутылке... до недавнего времени...

– Сес-Тас-Тшан, – печально выдохнул Ткуш-Сит-Шин и в сердцах добавил: – Сучка киритийская...

И тут же испуганно оглянулся – не слышал ли кто? Конечно, Сес-Тас-Тшан официально считается рабыней, и на кухне она обязана беспрекословно подчиняться главному повару, но лучше не рисковать – женщина всё-таки; а отношение к мужчинам на Ксионе повсюду одинаково, хоть в Кирите, хоть на Санаранийском плато. И мало ли, что Сес-Тас-Тшан отбывает здесь срок за попытку кражи скота; хозяйка ресторана вряд ли станет заступаться за повара, с которым развелась три года назад... особенно если принять во внимание внезапную смерть следующего её супруга, случившуюся буквально в прошлом месяце...

Кухонная дверь, ведущая во двор, плавно разошлась и Ткуш-Сит-Шин услышал повелительный голос Рис-Ска-Стис:

– Сюда, сюда! Под ноги смотри, не споткнись! А то разобьёшь себе голову – всю кухню перемажешь! – она звонко рассмеялась.

Ткуш-Сит-Шин убрал пустую бутылку обратно в шкаф (чтобы избежать неприятных расспросов) и только потом обернулся. Рядом с хозяйкой стояла какая-то женщина – вроде бы смутно знакомая, возможно, что подруга – а возле них...

Повар едва не поперхнулся, вытаращил глаза и издал звук, очень напоминающий предсмертное бульканье кракпана. Потому что рядом с женщинами стоял инопланетник; да не просто инопланетник – имперец.

Имперец на кухне!..

– А-а-а... это... как его... – Ткуш-Сит-Шин попытался облечь свои возмущение и растерянность в словесную форму.

– Всё в порядке! – улыбнулась Рис-Ска-Стис. – Этот раб – твой новый помощник. Он немного поработает здесь, пока не выздоровеет окончательно... или пока не умрёт! – женщины переглянулись и рассмеялись, хотя смех хозяйкиной подруги был немного натужным.

– Выздоровеет?! – от услышанного в Ткуш-Сит-Шине пробудилась вся его смелость. – Так он ещё и болен?! Больная обезьяна – на кухне?! А если узнают клиенты?! Что они скажут?

– Постарайся, чтобы не узнали, – дёрнула плечом Рис-Ска-Стис. – И вообще, ему в зале показываться незачем. Дай ему какую-нибудь несложную работу. Ну, не знаю... овощи порезать, посуду помыть, ещё что-нибудь такое... Ну, ты понял, Ткушик, я в тебя верю! – она хихикнула и потрепала повара по щеке. Затем взяла под руку подругу и направилась к дверям.

Ткуш-Сит-Шина аж передёрнуло от этого оброненного Рис-Ска-Стис «Ткушика» – не поймёшь, то ли она как к рабу обращается, то ли как к близкому человеку... На Ксионе-II в обоих случаях использовали сокращение полного имени, поди разберись тут, оскорбили тебя или проявили расположение...

Кроме того, спутница хозяйки перед уходом бросила настороженный взгляд и на Ткуш-Сит-Шина и на инопланетника, и в душе повара шевельнулись не очень приятные мысли, додумать которые он не успел. Потому что в эту же секунду распахнулась дверь в обеденный зал и в кухню вбежала Сес-Тас-Тшан.

– Уже ушла? – быстро спросила она, торопливо натягивая фартук. – Вот, собака! Я думала, что успею! Про меня не спрашивала? Ничего не гово...

Да, именно так. Как раз теперь Сес-Тас-Тшан и увидела инопланетника.

– Обалдеть... – выдохнула она и плюхнулась на стул.

Имперец был невысокого роста, едва ли по плечо Ткуш-Сит-Шину. Одет он был в фермерскую куртку и штаны из плотной синей ткани. На ногах его были грубые башмаки, тоже привычные для фермерского работника. Шею инопланетника украшал кожаный ошейник раба, точно такой же, как и у Сес-Тас-Тшан, только на металлических нашлёпках выгравировано было имя другого владельца (Ткуш-Сит-Шину пришла в голову мысль, что хозяйкой имперца была та самая подруга Рис-Ска-Стис, что только что покинула кухню). То ли из-за тёмного цвета волос, то ли по вине освещения, но выглядел инопланетник бедновато, что для раба с фермы было несколько необычно. Двигался он как-то неловко, словно опасался что-нибудь случайно смахнуть со стола. Да и вообще, Ткуш-Сит-Шину он показался неуклюжим и нескладным. Впрочем, как и все имперцы. Что, кстати сказать, было удивительно, если принимать во внимание проворство их дальних родичей – обезьян.

– Как тебя зовут? – требовательно спросил Ткуш-Сит-Шин.

– Кирк, – голос инопланетника оказался грубым и хриплым. Но Ткуш-Сит-Шину понравилось, что имперец произнёс только первую часть своего имени. Знает своё место, раб... И тут же Ткуш-Сит-Шин некстати вспомнил, что у этих обезьяноподобных и имена были такие же нескладные и корявые, короткие, как плевки, как собачий кашель.

– А полностью как будет? – подала голос Сес-Тас-Тшан, и повар нахмурился – эта рабыня и правда слишком уж много себе позволяет. А теперь, пожалуй, она вообще обнаглеет – теперь ей есть кем здесь помыкать...

– Кирк ван Детчер, – ответил имперец.

– Кирк-Ван-Детч... – попыталась повторить Сес-Тас-Тшан, но на последнем слоге запнулась. – Тьфу!.. И не выговоришь...

– Можно звать меня просто Кирк, – пожал плечами имперец.

– «Можно»! – расхохоталась Сес-Тас-Тшан. – Нет, ты слышал, Ткуш-Сит-Шин? Можно просто «Кирк»! Как будто здесь кто-нибудь станет звать полным именем раба, да ещё и раба имперского!

– Иди сюда! – сурово приказал имперцу Ткуш-Сит-Шин.

Тот сделал шаг вперёд.

– Я здесь повар, – сказал Ткуш-Сит-Шин. – Главный повар! – подчеркнул он, стараясь не обращать внимания на хихикающую за спиной Сес-Тас-Тшан. – Моё слово тут – закон! Ясно?

– Ясно, – кивнул Кирк.

– Ты будешь работать на кухне... на моей кухне... и делать всё, что я прикажу!

– Я понял, – ответил Кирк.

– Будешь называть меня Ткуш-Сит-Шин! Запомни хорошенько! Я не стану по десятку раз повторять каждое своё слово всякому рабу!

– Я запомню, Ткуш-Сит-Шин, – ответил Кирк, и повар удивился, как ему сходу удалось правильно произнести ксионийское имя.

– Я понятия не имею, сколько ты здесь пробудешь, и не испытываю радости от того, что мне навязали нянчиться с тобой, – продолжал Ткуш-Сит-Шин. – Не знаю, насколько ты дорог для своей хозяйки, но я сделаю всё, чтобы ты поскорее начал упрашивать её забрать тебя отсюда. Моя кухня не предназначена для больных мартышек. Так что тебе придётся выздоравливать побыстрее. И для начала ты уберёшь из кухни этот вот контейнер с находящимся там дерьмом. Мусорные баки во дворе, там же есть и водопровод – контейнер должен блестеть, как у кота яйца! Выполняй! Она тебе поможет, – Ткуш-Сит-Шин мотнул головой в сторону Сес-Тас-Тшан.

– Давай, мартышка, шевелись! – Сес-Тас-Тшан поднялась с места и игривой походочкой двинулась к имперцу. – Я тебе объясню, что и как. Будешь звать меня Сес-Тас-Тшан. Ага?

– Ага, Сес, ясно, – кивнул инопланетник.

– Не «Сес»! – взвилась девушка. – Полностью! Понял, ты!.. как тебя там?.. Нука, повтори!

– Повторю, и полностью, но чуть позже, – неожиданно твёрдо произнёс имперец и пояснил, указывая глазами на ошейник: – Когда с тебя снимут этот собачий галстук. Пошли, поможешь мне... – он повернулся, наклонился, неловко ухватился за ручки тяжёлого контейнера и попытался его приподнять.

– Что? – ошалела от услышанного Сес-Тас-Тшан. – Что ты сказал?!

Впрочем, ошалела не только она – Ткуш-Сит-Шин тоже глазами захлопал от такого ответа. Хотя нельзя не признать, что особого огорчения от того, как имперец осадил девчонку, он не испытал. В конце концов, оба они – рабы, вещи, орудия труда. И рабов не принято называть полным именем, даже сами рабы не обращались друг к другу столь официально. А то, что она родилась здесь, на Второй Ксиона, а он – пёс знает где... это не имеет никакого значения. Мало ли на кухне кастрюль и сковородок, привезённых с других планет? И напрасно некоторые сковородки кичатся местным происхождением; «местные» не обязательно всегда означает «лучшие»...

– Давай, помоги же! – имперец даже не удостоил Сес-Тас-Тшан ответом; он приподнял контейнер и изо всех сил пытался сдвинуть его с места. Было хорошо заметно, что левой рукой он действует неловко, стараясь её не особенно нагружать.

– Я тебе сейчас помогу, мартышка! – взвизгнула Сес-Тас-Тшан, кидаясь к Кирку.

Ткуш-Сит-Шин не двинулся с места. Во-первых, он был бы совсем не против получить повод, чтобы избавить свою любимую кухню от присутствия больной обезьяны и этой нагловатой девчонки-воровки. А драка – повод вполне веский.

А во-вторых... во-вторых, ему было просто интересно, кто из них раньше окажется на кафельном полу.

Но ничего интересного не произошло. Потому что подскочившая к имперцу ксионийка дёрнула его за левое плечо. Кирк издал сдавленный мычащий звук и разжал пальцы, выпустив одну из ручек контейнера. Контейнер накренился и повалился прямо на Сес-Тас-Тшан, сбив её с ног, залив пол водой и извергнув ворох еле шевелящихся кракпанов вперемежку с комками красноватой слизи. Девушка продолжала сжимать рукав куртки инопланетника, и тот тоже оказался на полу.

В следующие несколько минут, пока рабы пытались подняться на ноги, не было слышно ничего, кроме визгливой ругани Сес-Тас-Тшан и откровенно язвительного хохота Ткуш-Сит-Шина.

Первой встала девушка, но она тут же попыталась пнуть имперца ногой (рабыня метила именно по левому боку – поняла, что у инопланетника с ним что-то неладно), поскользнулась и снова грохнулась на пол. Сам же имперец, казалось, даже и не заметил, что лишь чудом избежал болезненного для него удара. Наверное, он не заметил даже падения девушки. Потому что именно в этот момент принялся энергично трясти правой рукой, в манжет куртки которой впился зубами кракпан...

Кракпан!!!

Сердце Ткуш-Сит-Шина бешено заколотилось.

Кракпан! Живой!!!

Повар, скользя по залитому водой полу, поспешил к имперцу, наклонился над ним, одной рукой схватил кракпана поперёк раковины, а другой прикрыл ему глаза. Кракпан мгновенно выпустил руку Кирка и защёлкал зубами, ловя нового, невидимого врага. Кирк, торопливо перебирая ногами по мокрому полу, отполз под стол.

– Кастрюлю! Живее! – заорал Ткуш-Сит-Шин. – Сес! Кирк! Шевелитесь же, рабские отродья! Высеку обоих, собачьи дети!

Как ни странно, но первым на ногах оказался всё-таки Кирк. А впрочем, что тут странного?! В некоторых случаях обезьяны оказываются даже ловчее кошек; наверное, это же самое можно сказать и об обезьяньих и кошачьих потомках... Но вот, что удивило Ткуш-Сит-Шина, так это то, что поднявшись с пола Кирк, прежде чем исполнить приказ повара, протянул руку Сес-Тас-Тшан. Хотя, может быть, всё дело было в том, что имперец просто не знал, где лежат кастрюли...

Вероятно, рабыня подумала так же, потому что она сразу метнулась к полкам с кастрюлями, схватила нужную – большую, с плотно прилегающей крышкой – и грохнула её на стол, рядом с поваром. Ткуш-Сит-Шин аккуратно опустил счастливо обнаруженного кракпана в кастрюлю, прикрыл его крышкой и принялся шарить взглядом по полу, в надежде обнаружить ещё хотя бы парочку таких же живых.

– Сес, подай щипцы! – приказал он, но в ответ услышал совершенно неожиданное.

– Соба-а-ачья ма-а-ать... – негромко протянула Сес-Тас-Тшан.

Ткуш-Сит-Шин сердито обернулся, посмотрел на неё, перевёл взгляд на имперца, на которого расширенными от изумления глазами уставилась рабыня, и сам едва не повторил сказанное ею.

От падения куртка на инопланетнике расстегнулась, и сейчас он неловко пытался справиться с застёжками. А от правого плеча его наискосок через грудь и вниз, по животу, густо алели четыре глубоких шрама в белых пунктирах недавно наложенных швов. Ткуш-Сит-Шин переводил взгляд со шрамов на лицо Кирка, словно бы пытаясь удостовериться, что перед ним именно имперец, а не ксиониец.

– Ты боец?! – изумлённо выдавила Сес-Тас-Тшан.

– Ну... наверное, да... – криво усмехнулся Кирк, застёгивая куртку.

– Впервые вижу... – заканчивать Сес-Тас-Тшан не стала, но и так всё было понятно.

Ксион был единственной планетой, где мог существовать такой вид спорта, как ксиболдинг. Его принципы, его правила и особенности были от рождения заложены в самой сути обитателей планеты, что вели своё происхождение от кошачьих. Они были столь же естественны для потомков кошек, сколь чужды и дики для остальных рас. И то, что имперская мартышка не просто принимала участие в турнире, а и умудрилась остаться в живых, было удивительнее, чем обнаруженный живой кракпан.

Впрочем, в тот момент повару было не до размышлений. И в следующие несколько часов он тоже об этом не вспоминал. Потому что живых кракпанов удалось найти как раз три штуки – в обрез на запланированное блюдо. А от рабов толку сегодня было особенно мало: новичок-имперец вечно делал что-то не то и на него всё время приходилось орать. Как, впрочем, и на ксионийку, которая не вовремя вдруг принималась поучать имперца и сама делала всё не так. «Загнанного кракпана», однако же, Ткуш-Сит-Шин приготовил на славу. И когда в самом центре зала из прожаренного с хрустящей корочкой загона на громадном металлическом блюде, разламывая нежно-голубую глазурь и поднимая волною украшавшие загон ярко-оранжевые водоросли, под восторженные крики гостей разом выскочили все три слегка недопечённых кракпана, сопровождая свой прыжок ласкающим слух воем: «Кра-а-а-акпа-а-ан!», повар не смог сдержать радости. Радостно завизжала на кухне и наблюдавшая за этим через окошко Сес-Тас-Тшан, а Кирк ван Детчер, стоявший рядом, вздрогнул и пробормотал что-то про сумасшедших. К тому моменту, как в зале собрались гости и Мастер Блюд выкатил на тележке главное угощение, Кирк уже успел убраться на кухне и вытащить во двор весь мусор. Мыть посуду Ткуш-Сит-Шин ему не позволил (не хватало ещё, чтобы гости узнали, что тарелки, из которых они едят, лапала какая-то обезьяна), так что это осталось на долю Сес-Тас-Тшан. Но всё равно вдвоём рабы справились с задачей быстрее.

Вообще же, Ткуш-Сит-Шин удивился, насколько охотно Кирк выполнял все его поручения. Повар обратил внимание, что каждый следующий день на Кирка прихо-

дится орать всё меньше и меньше. Иногда даже Сес доставалось больше, чем имперцу. Уже через два десятка дней повар перестал даже и напоминать, что столы надо протереть, пол помыть, отходы вынести к мусорным бакам, а полотенца и халаты заменить на свежие. И перестал волноваться, что Сес как-нибудь ночью прирежет Кирка или устроит ещё какую пакость. Теперь он спокойно мог оставлять их на ночь в примыкавшей к кухне комнате.

Комнатка была не очень большой, но рассчитанной на четырёх рабов, так что двоим там было даже просторно. Выхода на улицу она не имела, только дверь в кухню. И повар всегда мог быть уверен, что его «инвентарь» на месте. Ну, если только Сес не отпрашивалась у него на ночь погулять, что Ткуш-Сит-Шин изредка по доброте своей позволял. Повар вообще был мягок с рабами, даже излишне мягок, как ему самому казалось. Но может быть именно поэтому и между самими рабами не возникало стычек и не царила в их отношениях злоба, а скорее даже наоборот – что-то, напоминающее дружбу. То ли тут сыграло роль участие Кирка в турнире, то ли сказывался его не по-мужски твёрдый и жёсткий характер, присущий скорее ксионийке, чем ксионийцу, то ли она с ним... но нет, это вряд ли!.. до подобных извращений склонны были аристократы, а не рабы и не воровки скота.

К Ткуш-Сит-Шину Кирк обращался по полному имени, а вот Сес-Тас-Тшан через несколько дней стала для него «Сеси». Какое-то унизительное, сумасшедшее обращение, собачья кличка какая-то, а не имя! Ткуш-Сит-Шин не понимал, почему она терпит подобное. Но девушка и Кирк и правда очень подружились, словно две школьницы, наказанные за какие-то проступки – они часто перебрасывались такими шуточками, от которых у Сес-Тас-Тшан волосы становились дыбом. А однажды (было это уже дней через тридцать после появления на кухне имперца) они поздно ночью выпили вина и отправились погулять... ну, с милостивого разрешения Ткуш-Сит-Шина, разумеется, и только после того, как вся кухня блестела, словно вылизанная. Вино, кстати, им тоже выделил повар. Конечно, они рабы, но ведь и рабы тоже живые существа, подумал Ткуш-Сит-Шин. А если уж с ними что-то случится или они провинятся в чём-то... что ж, за плохую работу Рис-Ска-Стис – владелица ресторана – всегда может заплатить хозяевам рабов меньше положенного.

Наутро, слушая по новостному каналу, что возле ресторана «Герой» произошла драка, Ткуш-Сит-Шин немного пожалел о своём поступке. «Герой» был исключительно мужским рестораном, где собирались ярые сторонники маскулизма, и припереться туда женщине (да ещё и с имперцем) было верхом глупости. Особенно в ошейниках рабов. Но больше всего жаль было четверых госпитализированных с переломами посетителей. И весь следующий день Ткуш-Сит-Шин сердито поглядывал на непривычно молчаливых, отводящих взгляд и старательно работающих «подружек», костяшки пальцев рук которых были разбиты в кровь. О чьи-то зубы, надо полагать.

К этому времени раны Кирка уже полностью затянулись, но работать он более продуктивно не стал, потому что возникло некоторое осложнение – в виде молодой женщины, дочери той, чьей собственностью был Кирк. Однажды имперец вдруг попросил у Ткуш-Сит-Шина выделять ему время от времени полуторачасовой перерыв для... занятий спортом!

Пёс его раздери! Каким таким, собачье вымя, спортом?!

Ксиболдингом – каким же ещё...

И где же он намерен обучаться? В спортивном комплексе? Или в элитной спор-

тивной школе?

Нет, прямо здесь же, на заднем дворе.

Ага, на заднем дворе... А на кой пёс ему ксиболдинг? И кто его вообще будет учить?..

Тут же и выяснилось, что обучать Кирка будет Нис-Тнис-Тсир, дочка хозяйки. Сама женщина во время этого разговора стояла на кухне, возле дальней плиты, и с деланным интересом изучала расположение регуляторов температуры.

Ах, вот как? Отлично! Нис-Тнис-Тсир? Замечательно! Но знает ли владелица ресторана, что переданный ей раб будет за её же деньги полтора часа заниматься ерундой вместо работы?

Да, конечно, имперец заручился её разрешением, он в первую очередь спросил у Рисы, и та...

– Что-о-о?! Ты спросил... у... у КОГО?! – Ткуш-Сит-Шин вытаращил на Кирка глаза.

– У госпожи Рис-Ска-Стис, – сказал Кирк, честно глядя на повара.

Ткуш-Сит-Шин услышал, как Сес прекратила нарубать виртаншики; он не поворачивался, но живо представил себе её округлившиеся от изумления глаза, приоткрытый рот и замершее в воздухе лезвие ножа.

– Ну, раз такое дело... – растерянно пробормотал Ткуш-Сит-Шин, – тогда... конечно...

– Спасибо большое, господин Ткуш-Сит-Шин! – радостно поклонился ему Кирк. – Если позволите, я отлучусь прямо сейчас!

– Что? А, ну да... – кивнул Ткуш-Сит-Шин. – Иди, можно...

– Спасибо! – ещё раз поблагодарил его Кирк и, направившись к двери во двор, громко позвал: – Ниска, пойдём!

Когда Кирк и Нис-Тнис-Тсир покинули кухню, повар и Сес некоторое время молча смотрели на закрывшуюся за ними дверь, а потом уставились друг на друга.

– Вот такая фигня, котята... – растерянно пробормотала Сес.

– Именно, – не нашёл лучшего ответа повар.

И только когда он, немного успокоившись и дав уже нагоняй Сес за слишком крупно порезанные виртаншики, вернулся к отмериванию специй для риссальской подливки, повар понял, что ответа на вопрос, зачем это нужно имперцу, он так и не получил. И тут же решил, что дело, вероятно, совершенно не в спорте. Мало ли зачем женщине захотелось уединиться с обезьянкой; вкусы-то у всех разные, кому, как говорится, и кобель – жених...

Нис-Тнис-Тсир появлялась каждые два-три дня. Она просто забирала Кирка и проводила с ним на заднем дворе ресторана час или полтора. Ткуш-Сит-Шин не особо удивлялся этому, потому что невоздержанность аристократок Ксиона была хорошо известна. Не удивлялся до того момента, когда однажды вышел за чем-то во двор и увидел Кирка и Нис-Тнис-Тсир, стоявших друг напротив друга в боевых позах. Это было настолько неестественно, что Ткуш-Сит-Шин замер на месте, наблюдая, как Кирк грациозно склоняется на полусогнутых ногах, опускает правое плечо к колену, стремительно кидается на Нис-Тнис-Тсир и та еле успевает отбить нацеленный в лицо удар. Прямо чемпионат города, только перчаток с лезвиями им не хватает, подумал Ткуш-Сит-Шин. И ещё он подумал, что для того, чтобы замаскировать свою похоть, любое прикрытие сгодится, и тренировки по ксиболдингу ничуть не хуже, например, уроков по стрельбе или рисованию.

Но похоже было, что Кирка и правда интересовал именно ксиболдинг, а не Нис-Тнис-Тсир. И Ткуш-Сит-Шин убедился в этом очень скоро – как раз в тот день, когда норгинасский салат едва не оказался безнадёжно испорченным. Если бы, конечно, Ткуш-Сит-Шин проявил немного сдержанности, ничего бы и не случилось. Но, в конце-то концов, он же не женщина, чтобы сдержанность проявлять! Он эмоциональная личность, с богатым духовным миром и творческим складом души и ума! К тому же он не какой-то там банальный повар, а Мастер Блюд! И мог ли он сдержаться, видя, как эта тупая и неуклюжая мартышка рубит плоды арпардиса колечками? Колечками, пёс его возьми! Хотя Ткуш-Сит-Шин ясно сказал ему, как следует нарезать арпардис! Ведь колечки в ваарусском масле, которым щедро заправляется норгинасский салат, непременно слипнутся, поэтому все овощи для него полагается нарезать уголками, иначе это всё даже и перемешать толком не получится. Ужас, на что салат тогда станет похож: бесформенные слипшиеся в комок лизгарские травы, полное отсутствие сока самого арпардиса; сока, придающего тот самый незабываемый аромат! Да и гриллионы, кстати – о них и говорить не стоит!.. Конечно, гриллионы колечками нарезать не выйдет ни у кого, а вот продолговатые апардисы изгадить сумеет каждый... хотя нет, не каждый – «каждый» запомнил бы, что резать надо именно уголками. И только безмозглая мартышка, которой надо всё повторять по сто раз, способна мигом забывать услышанное и сделать всё, чтобы аппетитное и ароматное блюдо изумительного вида превратилось в натуральную помойку, когда уже ни одному посетителю ресторана не будет дела до его вкуса и аромата, когда кроме банальнейшего имперского мухтар-бозбаша из него ничего уже и не приготовишь, когда... Всё это Ткуш-Сит-Шин выпалил на одном дыхании, потом набрал в грудь новую порцию воздуха и высказался о том, что рабам надлежит больше думать о работе, а не о ксиболдинге. На третьем вдохе Ткуш-Сит-Шин принялся было излагать своё мнение о Межзвёздной Империи вообще, но тут захихикала Сес-Тас-Тшан. И тогда Кирк бросил на неё один короткий взгляд. Всего один.

И Сес-Тас-Тшан отвернулась, сделала вид, будто закашлялась, и с удвоенной скоростью принялась чистить озёрных рантов – аж чешуя полетела.

Ткуш-Сит-Шин тоже замолчал, у него почему-то пропала охота разговаривать, хотя Кирк стоял перед ним, покорно склонив голову и глядя в пол. Разозлившись уже на самого себя, Ткуш-Сит-Шин сгрёб испорченные апардисы в горсть и направился к дверям. Кирк бросился подбирать с пола несколько упавших долек, одна из них закатилась под стол, он полз за ней...

Но Ткуш-Сит-Шин уже вышел во двор и направился к мусорному ящику. И тут-то он и привлёк к себе внимание проходивших мимо подростков.

Девочек было трое. Молодые, наглые, злобные. Явно невысокого мнения о своих отцах. И явно не делающие различия между отцами своими и чужими. И просто довольные, что на пути их оказался мужчина, на котором можно сорвать злость.

Ткуш-Сит-Шин выбросил апардисы в мусорный ящик и захлопнул крышку. Но вокруг него уже стояла троица ехидно усмехавшихся подростков. Одна из девочек подтолкнула Ткуш-Сит-Шин в спину и мотнула головой в сторону дальнего глухого угла двора, почти скрытого густыми зарослями оттиса. Ткуш-Сит-Шин попятился, но другая девочка крепко схватила его за воротник и едва ли не поволокла за собой.

– Отпустите! – воскликнул Ткуш-Сит-Шин. – Что вы делаете? Отпустите сейчас же! Хулиганьё!..

– Ты ещё полицию позови! – звонко предложила одна из хулиганок. – До

смерти будешь на костылях ползать!

Ткуш-Сит-Шин краем глаза заметил, как из кухни вышел Кирк с обрезками апардисов в руках. Но потом Ткуш-Сит-Шину стало не до него, потому что он получил очень болезненный удар по почкам, и сразу за ним второй – по колену. Но третьего удара не последовало, а вместо этого воздух огласился громким визгом и звуком шлепка тела о землю.

Вторую нападавшую Кирк, как-то неожиданно изогнувшись, ударил ногой прямо в лицо. А третью – наотмашь кулаком по скуле. Первая девочка попыталась встать, но двух ударов Кирка хватило, чтобы заставить её отказаться от этого.

– Пошли, – Кирк торопливо потянул Ткуш-Сит-Шина к дверям.

– Ну, тварь! – злобно прошипела одна из девчонок. – Мы ещё встретимся!

– Тебе мало? Хочешь ещё получить, сучка? – спросил Кирк.

– Ты это матери моей скажешь! – с ненавистью прищурившись выплюнула вторая. – Она у меня офицер полиции! С ней поговоришь!

– Не забудь рассказать матери, – криво усмехнулся Кирк, – как вас трепала за шкирку мартышка в собачьем ошейнике! Пошли вон, подстилки пёсьи! Вон отсюда, я сказал!!! – неожиданно рявкнул Кирк, да так громко, что повар вздрогнул.

Девочки замолчали, и никто из них больше не проронил ни слова. Когда же дверь захлопнулась, Ткуш-Сит-Шин вдруг понял, что Кирк остался снаружи. И ему сделалось страшно. Этот имперец умел говорить обидные вещи. Он не просто избил их, он ещё и напомнил, что сам принадлежит к враждебной, воюющей с Ксионом расе, и кроме того подчеркнул, что сам он находится здесь на положении раба. И после его слов у девочек не оставалось иного выхода, как либо убить его... либо и правда убраться отсюда...

Когда Кирк вернулся на кухню, Ткуш-Сит-Шин понял, что второе предположение оказалось верным – девочки ушли. А Кирк отправился к рукомойнику.

– Почему ты не вошёл вместе со мной? – деревянным голосом спросил Ткуш-Сит-Шин, и сделал он это не столько из интереса, сколько чтобы понять, может ли он уже говорить.

– Я рассыпал во дворе апардисы, – ответил Кирк. – Надо же было их убрать.

– Из-за апардисов?! – не поверил Ткуш-Сит-Шин.

– Ну, да, – пожал плечами Кирк. – Не оставлять же мусор перед дверью.

И тогда Ткуш-Сит-Шин понял, что он совершенно не знает имперцев. И вряд ли кто-то на Ксионе вообще может похвастаться тем, что знает их.

Да и как их можно было узнать, если до Большой Войны имперцы на Ксионе-II были очень редкими гостями, даже как туристы; во время войны они встречались ещё реже, даже в качестве рабов или военнопленных (ксионийцы предпочитали пленных не брать – слишком много с ними возни, а рабов достаточно и на своей планете), а после войны, уже много лет, вплоть до сегодняшнего дня...

Нет, конечно, туристы на Второй Ксиона появляются, но почему-то подавляющая часть их в военной форме. Да и насчёт войны – тоже нельзя сказать, что она закончилась. Боёв нет, нет и штурмовых атак, никто не захватывает межзвёздные корабли, планеты или города, но...

Но иногда вдруг где-то что-то случается, какая-то неприятность, типа не так давно рухнувшей плотины. И вроде бы даже не самой по себе рухнувшей, а взорванной. И неподалёку от неё почему-то обнаруживаются три-четыре имперца. И почему-то в военной форме. С оружием. На десантном боте или штурмовом флаере.

Их почти всегда убивают; тела после передают сотрудникам имперского посольства, выражают соболезнование по поводу гибели «от несчастного случая». Сотрудники посольства делают вид, что верят, приносят свои извинения, предлагают помощь... по выгодной цене. Погибших имперцев вывозят на боевых катерах на случайно оказавшийся рядом с планетой имперский крейсер... полный туристов, надо полагать... Странная это война, сильно отличающаяся от Большой Войны, где враг хорошо известен и где доблестью, а не преступлением оказываются взятие заложников, массовые убийства и диверсии в городах. Эта совсем другая война, особая такая война – война, которой нет. Война, во время которой завтрашние враги сегодня мирно гуляют по улицам одного города, вернувшись туда после вчерашней перестрелки. Война, где ксионийцы продают убивающим их имперцам продукты, чтобы купить на эти деньги оружие, которым будут убивать тех же имперцев. Война, в которой захватываются не города и планеты, а рынки сбыта, территории под фабрики и заводы; где диверсии совершаются не ради убийства мирных жителей, а только лишь ради ухудшения их жизни. Странная война, необычная война, незнакомая и пугающая ксионийцев прежде всего тем, что идёт она исключительно на их территории. Война, в которой гибнет очень мало ксионийцев и очень много имерцев. И некоторые из имперцев даже попадают в плен, как этот вот Кирк ван Детчер.

Ткуш-Сит-Шин не знал (да и не хотел знать), что такого натворил работавший на его кухне имперец. Но что бы он ни сделал, за это наверняка уже сто раз извинились сотрудники имперского посольства. Возможно, они даже предложили ксионийцам в качестве компенсации какой-нибудь свой товар по сниженной цене. Ведь если брать, к примеру, ресторанную кухню Ткуш-Сит-Шина, то одних только сделанных в империи кастрюль там было едва ли не три четверти от общего их числа. Такая вот это была война: война имперских кастрюль против всех – и против ксионийцев, и даже против самих имперцев, наверное.

Инопланетники уже много где на Ксионе надёжно закрепились. По-обезьяньи ловкие руки их в производстве оказывались много полезней мягких кошачьи лапок, привыкших в основном к фермерской работе. Да даже и фермы имперские, говорят, уже появляются. Ходят слухи, что большой участок заповедника в самом центре Ликсийских гор выкуплен имперцами. Во всяком случае, их продуктов на рынке появляется с каждым годом всё больше и больше. А вот теперь некоторые из них, оказывается, собираются ещё и национальный ксионийский спорт подмять. И непонятно вообще, на кой пёс сдался этому Кирку ксиболдинг?! Против бойца-ксионийки он не выстоит и пары минут. Так для чего же рисковать жизнью?..

Этим вопросом Ткуш-Сит-Шин задавался очень долго, пока однажды не решился и не спросил об этом напрямую Нис-Тнис-Тсир, тренировавшую Кирка.

– Не знаю, – пожала плечами она. – Здесь, на твоей кухне, ему неплохо, сам знаешь. Да он вообще не может на тебя нахвалиться! – рассмеялась девушка. – Работа не тяжёлая, и на ферме его тоже не слишком утруждали... потому что... ну, там ему камни грызть не приходилось, одним словом... – она бросила короткий взгляд на повара и продолжила: – А через два года он уже избавится и от ошейника раба. Мы за него недорого заплатили – имперцы стоят дешевле ксионийцев, сам знаешь. Так что расходы на него давно окупились, даже с учётом его лечения. И через два года – мы с матерью уже решили – он уже перестал бы быть рабом. Но он захотел участвовать в Турнире Свободы. Буквально через пару месяцев после того, как мы его купили у Санаранийских охотников. Представляешь? Он впервые надел боевые пер-

чатки за час до начала турнира! Чудо ещё, что в отборочном матче его выпотрошили на четвёртой минуте, а не сразу же и не насмерть.

– Не понимаю, зачем вы с матерью вообще позволили ему участвовать, – удивился Ткуш-Сит-Шин.

– Кирк ван Детчер умеет уговаривать, – вздохнула Нис-Тнис-Тсир. – Он даже уговорил меня обучать его приёмам боя. Чтобы участвовать в следующем Турнире Свободы.

– У него теперь есть хоть какие-то шансы? – спросил Ткуш-Сит-Шин.

– Отборочный тур он пройдёт, – уверенно ответила Нис-Тнис-Тсир. – И даже наверняка продержится первый бой или даже два первых боя. Но из последней четвёрки ему победителем не выйти. Два последних боя он не осилит. Я не особенно верю даже, что он останется жив. Но... он так хочет... Тебе его жалко? – вдруг спросила девушка.

– Не знаю даже, – задумчиво проговорил Ткуш-Сит-Шин. – Привык я к нему. Он неплохой работник, и вообще... он умеет дружить. Для меня было новостью, что имперцы умеют дружить. Знаешь, они вообще очень похожи на нас, только раса другая. А так, между нами очень много общего.

– Очень много общего, – кивнула Нис-Тнис-Тсир. – Он рассказывал мне о своей планете, там жизнь примерно как у нас – тоже неспешное фермерство, только главным является не пол, а старшинство по возрасту... глупость какая... Ему там наскучило, и он пошёл на военную службу. Может быть, поэтому ему так легко в рабстве... он офицер, в звании лейтенанта – это примерно как у нас коринторол последней ступени...

– Не разбираюсь я в этих женских штучках, – поморщился Ткуш-Сит-Шин. – Не мужское это дело – армия. И турниры – тоже не мужское дело. Жалко будет, если его там убьют. Знаешь, я вот подумал... да, жалко будет. Он ведь морально совсем не готов к этому. Я точно знаю, что наша Сес – вторая моя кухонная рабыня – тоже будет участвовать в Турнире Свободы. Надеюсь, что Кирка убьют раньше и они не встретятся на арене. А то ведь у него рука, наверное, не поднимется... а Сес... она может... она такая, что... – повар замолчал. Он и не подозревал, что тема этого неоконченного разговора всплывёт на его кухне три дня спустя, уже в беседе между Кирком и Сес. И что результат их беседы окажется настолько обескураживающим.

Кирк тогда вернулся с тренировки, держа в руках небольшой свёрток плотной тёмно-зелёной материи. Он положил его на краешек стола, на котором стопками высилась немытая посуда, посмотрел на Ткуш-Сит-Шина и улыбнулся.

– Завтра я участвую в турнире, – сказал Кирк, и глаза его просто лучились радостью. – И если всё у меня получится, то я стану свободным.

Ткуш-Сит-Шин промолчал. На душе его было неспокойно. Он чувствовал, что этот дурацкий турнир может стать последним для Кирка, к которому повар уже и правда привык.

– Ух ты! – звонко воскликнула Сес-Тас-Тшан. – Значит, мы с тобой на арене увидимся! Я ведь тоже там участвую!

– Ага! – весело кивнул Кирк, поворачиваясь к девушке. – Я уже видел списки. Но в отборочном мы не встречаемся, нас вообще развели по разным веткам, столкнёмся только в финале... если тебе, конечно, повезёт до него доползти, киска! – расхохотался он.

– Повезёт, повезёт! – так же весело рассмеялась Сес-Тас-Тшан. – Я настроена

на победу! А что это у тебя? – она указала на свёрток, принесённый Кирком. – Перчатки? И... и одежда, да? А ещё что?

– Да, перчатки! – Кирк развернул плотную ткань и достал оттуда пару новеньких перчаток, каждый палец которых был снабжён длинным, слегка изогнутым стальным лезвием. – А ещё – вот! – Кирк гордо показал девушке кожаные шорты. – Настоящий райсасигас! – похвастался он. – Никакой синтетики! Мягкая, гибкая и крепкая, как броня!

– Ну, конечно! – хихикнула Сес-Тас-Тшан. – Тебе это дело беречь надо, ага! Единственное, чем может похвастаться мужчина! А это что?.. – она удивлённо замолчала. И было от чего.

Потому что «это» был точильный камень.

Тсистский камень.

Только самые состоятельные бойцы могли позволить себе такое – поющий точильный камень с острова Тсист.

– Ничего себе... – растерянно пробормотала Сес-Тас-Тшан. – Знаешь, я теперь, пожалуй, начинаю верить, что ты дойдёшь до финала...

Кирк хитро посмотрел на неё, поставил камень ребром на стол и провёл по нему ногтем. Камень отозвался лёгким шипением, которое внезапно перешло в тихий звон хрустальных колокольчиков и превратилось в длинную затихающую ноту.

Сес-Тас-Тшан зачарованно смотрела на камень.

– Боишься, киска? – ткнул её пальцем в бок Кирк. – Правильно! Бойся боевых мартышек! Особенно в финале! – он подмигнул ей.

– Размечтался! – фыркнула Сес-Тас-Тшан, усаживаясь на стул. – Финал ему, ха! Что ты в финале делать-то будешь, обезьянка?! Против меня-то?

– Ну, как это – что? – пожал плечами Кирк. – Мне нужна победа. Значит, буду побеждать, вот!

– Смелая макака, да. За это я не стану тебя убивать, – Сес-Тас-Тшан улыбнулась, закинула руки за голову и томно изогнулась всем телом. – Я даже калечить тебя не стану, – промурлыкала она. – Ты просто проиграешь, вот и всё.

– Ми-и-илая! – Кирк улыбнулся. – И до-о-обрая! Я не такой добрый, Сеси, я тебя убью.

– Что? – переспросила Сес-Тас-Тшан.

От столь неожиданного ответа она замерла, сцепив на затылке пальцы рук; тело её застыло статуей, плечи были откинуты назад, ткань майки обтягивала маленькие груди, крепкие ноги едва касались пальцами пола, колени были плотно сжаты и приподняты к животу, а локти женщины напоминали крылья птицы, готовые расправиться, взмахнуть и унести свою хозяйку к облакам. Кирк с нескрываемым удовольствием рассматривал её, довольный произведённым эффектом. И с не меньшим удовольствием спокойным голосом повторил уже сказанное:

– Я тебя убью.

Сес-Тас-Тшан опустила руки, распрямилась и захлопала глазами.

– Ты что, и правда надеешься победить?! – изумление её было искренним.

– Конечно, – ответил Кирк. – Я не настолько подготовлен, чтобы нанести тебе пять ударов, необходимых для победы. Поэтому у меня будет в запасе только один удар. И он должен оказаться для тебя последним. У меня просто нет другого выхода.

– Не, ну ты сам подумай! – воскликнула Сес-Тас-Тшан. – При чём тут, есть у тебя выход или нет?! Ни у кого нет другого выхода, и у меня тоже! Но я – ксионийка!

И ксиболдинг – это моё! Понимаешь, Кирк? Моё!!! Я росла в нём, как и все мои сверстницы, как и все поколения до меня! Я с самого детства живу в этом! Моими первыми игрушками были перчатки с безопасными пластмассовыми лезвиями! И наконец, я – кошка! Понимаешь? Кошка! И спорт этот – кошачий, а не обезьяний! Вот если бы вы соревновались в очистке бананов или орехов!.. – она прыснула и зажала рот ладошкой. В глазах её скакало сумасшедшее веселье и изумление непонятливостью собеседника.

Но Кирк тоже смеялся, ему и правда было весело.

– Погоди, Сеси! – он схватил её за плечи и принялся тормошить. – Ну, перестань ржать, как лошадь! Кошке это не к лицу! Послушай, что я скажу! Успокоилась, да?

– Ну? – Сес-Тас-Тшан всё ещё улыбалась, когда Кирк, слегка склонившись к ней, держа её за плечи и внимательно глядя в глаза, начал медленно и спокойно говорить.

– Понимаешь, – сказал он, – мы действительно разные. Я произошёл от обезьяны, а ты от кошки. Но разные мы не только в этом. Ведь и на Третьей Тагара и на Второй Ксиона обитают такие животные, как кошки и обезьяны. У вас обезьяны водятся в лесах, это дикие звери. Забавные, потешные и смешные, но – дикие звери. А у нас кошка – это домашнее животное. Которое живёт едва ли не у четверти семей в домах. Ласковое, милое домашнее животное, чьими изображениями полны социальные сети и поздравительные сообщения. Домашнее животное, мягкое и пушистое, нуждающееся в уходе, в ласке, в том, чтобы его кормили и гладили; животное, которое выглядит очень забавно, но которому можно безнаказанно дать по уху, если оно нашкодит и разорвёт занавеску или скатерть, – голос Кирка постепенно делался жёстче и холоднее, руки его всё крепче сжимали плечи Сес-Тас-Тшан, а сам он продолжал говорить: – И завтра на турнире я буду бить по уху маленькую шкодливую домашнюю зверушку, а ты будешь драться с диким и безжалостным зверем из леса, который никогда и никому не подчинялся и который всегда был обязан жизнью только лишь себе одному, а не милостивым хозяевам. Поэтому можешь не сомневаться, что я тебя убью.

Кирк замолчал. Сес-Тас-Тшан смотрела на него без улыбки, приоткрыв рот. Она дернула плечами, пытаясь высвободиться.

– Отпусти меня, – тихо сказала она.

Кирк выпустил её плечи. Сел на стул и с интересом посмотрел сначала на Сес-Тас-Тшан, а потом на Ткуш-Сит-Шина. Повар неподвижно стоял в углу, скрытый тенью посудного шкафа. Ему казалось, что вот прямо сейчас он присутствовал при каком-то таинстве, которое пока что недоступно никому во всём мире. Будто незримое откровение витало в воздухе, опираясь на тишину, которую все боялись нарушить.

Но Сес-Тас-Тшан судорожно вздохнула, дёрнула головой и резко встала, с шумом отодвинув стул.

– Ты сумасшедший, – сказала она Кирку безо всякого выражения. – Ты просто сумасшедший. И всё, что ты говоришь – обыкновенный бред. И тебе меня не победить; никакой бред не способен помочь тебе победить, как бы ты в него ни верил.

Она развернулась и торопливо вышла из кухни во двор.

Кирк посмотрел ей вслед, затем перевёл взгляд на Ткуш-Сит-Шина и спросил:

– Можно, я сегодня больше не буду работать? Я хотел подготовиться и немного

отдохнуть.

– Отдыхай, – согласился Ткуш-Сит-Шин. И когда Кирк, забрав перчатки, камень и шорты, скрылся в своей комнатёнке, повар открыл заветный шкафчик, достал оттуда бутылку крепкой настойки и налил себе большую кружку.

Он не успел отпить и половины, когда из комнаты послышались нежные звуки таинственной, с трудом угадываемой мелодии. Она была незнакома, от неё было радостно и почему-то хотелось плакать. И даже вернувшаяся на кухню Сес ступала на цыпочках, чтобы не потревожить её. Девушка молча прошла в ту же комнату, оставив дверь неплотно прикрытой. И вскоре повар с удивлением понял, что музыка ему сделалась знакомой. А потом сообразил, что играют теперь уже двое – Кирк и Сес.

Ткуш-Сит-Шин сидел к комнате рабов спиной, но хорошо представлял себе, как Сес и Кирк расположились друг напротив друга, поставив на колени поющий камень. И как они проводят по нему лезвиями перчаток, переплетая знакомые с детства мелодии с чужой музыкой, неслышанной доселе никогда. Он словно наяву видел их глаза, губы и скользящие, изредка задевающие друг о друга стальные лезвия перчаток, с которых завтра, быть может, будет стекать на песок арены их же кровь.

Ткуш-Сит-Шин никогда особенно не любил ксиболдинг, но этот турнир он пропустить просто не смог. И на трибунах Мастер Блюд оказался едва ли не раньше всех, ещё за час до начала официального представления участников.

Он ожидал, что объявление Кирка вызовет на трибунах бурю волнения и смеха. Но он никак не ожидал, что имперцев на турнире окажется двое. Более того – оба они были в одной ветке. Очевидно, никто всерьёз даже и не рассматривал возможность того, что в каком-нибудь бою они встретятся. Однако отборочные бои оба прошли на удивление легко, а этот второй имперец – худенький, длинный и гибкий светловолосый парень, который двигался по арене ловчее и изящнее даже ксиониек – своей быстрой победой вызвал у повара непонятные опасения. Ткуш-Сит-Шину вдруг сделалось не по себе от мысли, что два имперца могут сойтись в поединке. И когда светловолосый выиграл свой первый бой, повар напрягся. Потому что через минуту и Кирк одержал победу.

Трибуны словно бы сошли с ума. Ткуш-Сит-Шину хотелось заорать: «Да замолчите же! Дайте послушать!..» Потому что он явственно видел, что губы кружащих по арене имперцев шевелятся, и ему до смерти хотелось узнать, о чём они говорят. Словно бы эта их беседа могла иметь громадное значение для него – повара из ресторана на Санаранийском плато; словно бы у него появилась возможность подслушать какой-то секретный рецепт особенно вкусного блюда.

Но крикнуть он так и не решился. А через минуту Кирк нанёс сильный удар в бок светловолосому, от которого тот согнулся, выплюнул на арену тёмный комок, пошатнулся и опустился на колени. Кирк в этот момент стоял прямо перед ним, и светловолосый, зажимая кровоточащий бок, поднял голову и что-то сказал Кирку. Тот плотно сжал губы, кивнул и одним резким ударом перерезал противнику горло. Грудь светловолосого моментально залило кровью, тело его покачнулось и повалилось на бок, но Кирк согнулся, подхватил его и бережно опустил на песок. Затем, стоя на коленях над противником, стащил с правой руки перчатку и провёл ладонью по лицу светловолосого, закрывая ему глаза.

Трибуны молчали. Похоже, они даже перестали дышать. Над стадионом повисла такая глубокая тишина, что было слышно, как хрустит песок под ногами уходившего с арены Кирка. Это была первая смерть на нынешнем турнире. Никто из

зрителей не понимал, в чём была её необходимость, неизбежность её. И только у Ткуш-Сит-Шина на миг мелькнуло дикое и абсурдное предположение, будто имперцы этим просто захотели испортить ксионийцам праздник. Но если это и было так, то своего им добиться удалось – следующий поединок зрители приветствовали гораздо более сдержанными криками. А через один бой смерть вновь опустилась на арену.

Две ксионийки, обе свободные, без ошейников. Мало того – одна из них офицер. Она уже явно проиграла, её соперница была и моложе, и крепче, и двигалась она, словно молния. И было уже четыре касания против одного; четыре неглубоких пореза тоненькими красными штрихами алели на её груди и животе, она же успела всего однажды достать противника, да и то как-то вскользь. Наверное, она и сама уже смирилась со своим проигрышем, потому и подпустила противницу так близко. И той достаточно было нанести всего один порез или укол...

Нет.

Она коротким ударом всадила ей в живот все пять лезвий перчатки, дёрнула их вверх и изо всех сил рванула на себя.

Ткуш-Сит-Шин закрыл глаза, чтобы не видеть брызнувшего вверх и в стороны красного, летящего, словно карминовая трупная мошкара над гниющими останками.

Это не было необходимостью, это было жестокостью – необъяснимой, ненужной, хотя и не запрещённой правилами Турнира.

Ткуш-Сит-Шин не издал ни звука, но очень хорошо слышал, как кое-где на трибунах одобрительно засвистели, заголосили, заулюлюкали зрители.

А в следующем бою опять участвовал Кирк ван Детчер. И он снова победил, ценой ещё одной жизни. На этот раз трибуны взорвались воплями, на арену полетели пластиковые бутылки. Но Кирк лишь улыбнулся, повернулся к телу соперницы спиной и шаркнул по песку в её сторону ногой – совсем как кошка, закапывающая погадки.

Трибуны словно бы сошли с ума. И за следующим боем, кажется, никто и не следил, кроме Ткуш-Сит-Шина – он-то не отрывал взгляда от поединка, потому что в нём участвовала Сес-Тас-Тшан, и если она победит, то в финальном бою...

Она победила. И тоже ценой жизни соперницы. Ткуш-Сит-Шин с трудом узнавал в этой забрызганной кровью, скачущей и дико орущей на арене девчонке рабыню со своей кухни. Она сейчас была похожа на зверя, на взбесившегося пса, готового разорвать любого ради победы. И повар подумал, что Кирку не поздоровится, хотя оба они сейчас, пожалуй, сто́ят один другого.

Бой был короткий. Как бы хорошо имперца ни учили, но в ловкости с ксионийкой ему было не сравниться. Первый же удар пришёлся ему в грудь. Стальные лезвия не пробили кость, оставив на теле Кирка лишь следы неглубоких уколов. Но Сес, похоже, и не стремилась убить его сразу.

Второй удар пришёлся Кирку по спине, когда он, промахнувшись во время атаки, опрометчиво проскочил мимо противницы. В развороте он попытался отмахнуться от неё – нелепое и сквозившее уже отчаянием движение, – но Сес рухнула на песок и ударила его по ногам. И сразу же затем, упруго вскочив на ноги, по животу, наотмашь, распарывая противника.

Кирк рухнул на колени и обеими руками схватился за живот. Сейчас он очень напоминал своего соплеменника-имперца, того самого светловолосого, которого недавно убил в поединке. Сес подошла к нему, и Кирк, покачиваясь из стороны в сторону, поднял на неё взгляд. Ксионийка постояла над ним несколько секунд, потом

опустилась на колени, положила левую руку ему на плечо, а правую согнула в локте и слегка отвела назад для колющего, последнего удара.

И тут Ткуш-Сит-Шин заметил, что губы Кирка шевелятся. Имперец что-то говорил ксионийке. На губах его выступила кровь, было видно, что слова даются ему с трудом и что он считает очень важным успеть сказать их именно сейчас. Сес слушала его, никак не показывая, что слышит – она ещё была напряжена, бой для неё ещё не завершился. А Кирк продолжал говорить, губы его двигались всё медленнее, он закашлялся и выплюнул на песок кровавую слюну. Сес внимательно смотрела на него, левая рука женщины, лежавшая на плече имперца, ослабла; правая рука опустилась на колени, она внимательно слушала.

И тут Ткуш-Сит-Шин заметил брошенный на неё Кирком взгляд. Точно так же имперец смотрел на хулиганок, напавших на Ткуш-Сит-Шина на кухонном дворе.

Повар похолодел. Он понял, что сейчас будет. Помимо своей воли он вскочил с места, чтобы крикнуть, предупредить, отвлечь внимание имперца и...

Кирк ударил.

Изо всех сил.

Точно так же, как до этого собиралась ударить Сес – в живот противнику. С трибуны, где сидел Ткуш-Сит-Шин, было хорошо видно, что в этот удар имперец вложил всю свою силу – лезвия перчаток буквально пропороли ксионийку насквозь, одно из них, подобно ядовитому жалу аласпаса, на короткий миг выглянуло из спины женщины, оставив после себя быстро бегущий ручеёк крови.

Ксионийка согнулась, раскрыла рот, но, кажется, не издала ни звука.

Они стояли на песке арены, друг напротив друга, на коленях, глядя друг другу в глаза. И в этот момент Кирк улыбнулся. И Ксиоийка почему-то улыбнулась ему в ответ. А потом они одновременно повалились на бок, только Сес рывком подтянула колени к вспоротому животу и замерла, а грудь Кирка продолжала ещё вздыматься.

Ткуш-Сит-Шин подумал, что раны Кирка настолько глубоки, что и ему не выжить. Однако он ошибся. Может быть, в этом была заслуга его хозяйки Шис-Си-Тсир, определившей своего раба в одну из лучших клиник, может быть помог в этом постоянный уход её дочери, Нис-Тнис-Тсир, но так или иначе, а Кирк ван Детчер получил свободу не посмертно. Правда, лечение затянулось и Ткуш-Сит-Шин увидел Кирка только через полсотни дней, перед самым отлётом имперца на родину, когда тот зашёл попрощаться. Ткуш-Сит-Шин не надеялся на подобное, хотя в глубине души почему-то ожидал этого. Кирк вошёл в кухню из ресторанного зала, он был в военной форме, на рукаве были какие-то нашивки, лицо его расплывалось в улыбке.

– Ткуш-Сит-Шин! – воскликнул он, протягивая повару руку. – Как же мне будет недоставать тебя! Ты – замечательный повар и отличный хозяин! Поверь, дни моего рабства здесь я буду вспоминать без обиды или печали! И тебя буду вспоминать, и... и Сеси, – он на миг запнулся, и улыбка его сделалась печальной. – Жаль, что так с ней получилось... – тихо добавил он.

Ткуш-Сит-Шин, всё ещё не отпуская руки Кирка, спросил:

– Можно же было иначе? Или нет?

– Нет, – помотал головой Кирк. – Нельзя. Поверь, если бы можно было обойтись без этого, я бы обошёлся.

– Имперец, – сказал Ткуш-Сит-Шин, выпуская руку Кирка. – Удивительно даже... Имперец, и – победитель Турнира...

– Это вы называете нас имперцами, – улыбнулся Кирк. – Мы называем себя

людьми. Просто – людьми.

– Подчёркивая этим, что все остальные расы – нелюди, – кивнул Ткуш-Сит-Шин. – Я знаю. Но мне привычнее думать о тебе, как об имперце. Мы ведь тоже называем себя людьми. Просто мы никогда не требовали такого обращения от представителей иных рас. Ведь все разумные – люди.

– Это точно, – согласился Кирк. – Все разумные – люди. Но – только разумные.

Ткуш-Сит-Шин внимательно смотрел на Кирка ван Детчера.

– Может быть, когда-нибудь наступит между нашими племенами мир, – сказал Кирк с улыбкой.

– Может быть, – согласился Ткуш-Сит-Шин. – И тогда мы будем жить рядом.

– Да, – кивнул Кирк, кладя руку на плечо повара. – Люди и кошки. Рядом. Мы будем о вас заботиться! – рассмеялся он.

Ткуш-Сит-Шин криво улыбнулся. Шутка не показалась ему смешной. Но он всё-таки сказал:

– Приятно знать, что среди имперцев есть хоть кто-то, кто хорошо к нам относится.

– Ну, это ты уж загнул! – покрутил головой Кирк. – Нет таких среди людей, поверь мне.

– То есть, ты исключение? – Ткуш-Сит-Шин с интересом посмотрел Кирку в глаза.

– Я не исключение, – жестко сказал Кирк, сгоняя улыбку с лица и убирая руку с плеча Ткуш-Сит-Шин. – Запомни это Ткуши, потому что это – самое главное; самое главное и для тебя и для всего твоего племени: нет среди людей тех, кто хорошо будет относиться к кошкам, рвущим наши занавески и скатерти. Нет, никогда не было и никогда не будет. Прощай, Ткуши! Ты отличный кот, правда! Но ты – просто кот!..

Кирк развернулся и твердым шагом вышел в ресторанный зал.

Он неторопясь прошёл мимо столиков, и сидевшие в это время в зале ксионийцы старались не смотреть на него. Он вышел на улицу и подошёл к припаркованному десантному флаеру. Стоявший возле распахнутого люка офицер отдал честь и принялся было что-то торопливо говорить, но тут же махнул на всё рукой, обнял Кирка за плечи и утянул внутрь. Люк закрылся, и флаер взмыл в небо.

Ткуш-Сит-Шин аккуратно закрыл дверь в зал и направился к заветному шкафчику в дальнем углу. Он открыл дверцу и вытащил из шкафчика толстую тетрадь в кожаном райсасигасовом переплёте с надписью «Рецепты для приготовления блюд» на обложке. Ткуш-Сит-Шин положил тетрадь на стол, сам уселся на высокий табурет, достал карандаш, отыскал в тетради чистую страницу и принялся аккуратно туда что-то писать.

Минут через двадцать до его слуха донеслись торопливые шаги, дверь во двор распахнулась, и в кухню влетела запыхавшаяся Нис-Тнис-Тсир.

– Он здесь? – с трудом переводя дыхание спросила она. – Был? Уже ушёл, да? Или здесь?.. Ой, прости! Я не знала, что ты занят. Я тебе помешала, да?

– Ничего страшного, – немного грустно улыбнулся Ткуш-Сит-Шин, закрывая тетрадь и откладывая в сторону карандаш. – Кирк уже улетел. А я уже закончил.

– Новый рецепт? – спросила Нис-Тнис-Тсир.

– Да, – ответил Ткуш-Сит-Шин. – Новый рецепт.

– Опять секретный, наверное? – она попыталась улыбнуться.

– Конечно, – кивнул Ткуш-Сит-Шин. – Ужасно секретный рецепт. Но на этот

раз не для тебя. И не для остальных. Для всей вселенной, но не для нас.

– А что за блюдо? – без особого интереса спросила Нис-Тнис-Тсир. – Название уже придумал?

– Придумал, – ответил повар. – Блюдо под названием «Жизнь».

– Из чего готовится?

– Из обезьяны.

– Что?! – у Нис-Тнис-Тсир было такое выражение лица, словно бы ей влепили пощёчину. – Ткуш, ты что?.. зачем ты так?.. за что?.. – голос её дрогнул, и на глазах блеснули слёзы.

– Не пугайся, это хороший рецепт, он многим из наших понравится. Нужно просто издать закон, чтобы каждый ксиониец завёл себе в виде домашнего животного обезьянку.

– Ты с ума сошёл? – очень серьёзно спросила Нис-Тнис-Тсир.

Но Ткуш-Сит-Шин продолжал, не обращая на девушку внимания, не слушая её и, кажется, вообще не замечая её присутствия:

– Пусть в каждом доме, на каждой ферме появится домашняя обезьянка. Милая и забавная, добрая и смешная. Домашние животные, за которыми мы станем ухаживать, которых мы будем любить, о которых мы станем заботиться. Мы будем с любовью наблюдать за их ужимками, слушать, как они что-то болтают на своём, понятном только лишь им одним языке. Будем переживать, если они заболели, и радоваться, когда у них хорошее настроение.

Их поведение станет для нас привычным и легко объяснимым; мы не будем уже всерьёз воспринимать их драки и междоусобные стычки. Мы перестанем их опасаться, начнём стерилизовать их и вообще возьмём под контроль их размножение.

Мы станем с ними единым целым, и слово «мартышка» со временем перестанет быть ругательным. Мы будем говорить любимым: «Ты моя ласковая мартышка», и любимая не станет отвечать нам на это пощёчиной.

Мы научимся без обиды принимать от них царапины и укусы, потому что они станут нашими младшими братьями: станут теми, в ком мы будем пытаться воплотить свою нерастраченную ласку и доброту, кого мы станем учить ходить, как мы, одеваться, как мы, есть, как мы, жить, как мы. Отныне они будут сидеть у нас на коленях во время обеда и получать лучшие куски с нашего стола, даже если они того и не просят. И мы совершенно забудем, что они живут в неволе, прекратим придавать этому значение и всячески постараемся, чтобы наши милые домашние питомцы тоже навсегда позабыли страшный тёмный лес, дикую жизнь и даже само это слово: «Воля»!

И мы тоже постепенно перестанем отдавать себе отчёт, что нужно всё это отнюдь не им, а нам и только нам – нашему народу, нашей планете!

Пусть будет так!

И тогда, через несколько поколений мы, может быть, сумеем победить Империю!

Может быть сумеем...

ПРОБА КРЫЛА

ЛЕЙЛА КУРБАНОВА

По основной профессии Лейла Курбанова психолог. Поэзией увлекается с детства, школьницей принимала участие в литературных фестивалях и конкурсах чтецов. Печаталась в сборниках ассоциации «Луч», объединения «Содружество» а также литобъединения «Родник». Работает корреспондентом на телеканале СВС, автор нескольких ярких репортажей, в частности, о проблемах людей с ограниченными возможностями.

Она – человек, безусловно, одаренный… В плюс молодому автору следует поставить «незаигранность» образов, свежую интонацию, умение создать определенное настроение у читателя, «заразить» его своими эмоциями и мыслями.

Поздравляем молодого автора с первой публикацией в нашем журнале.

Доброго пути!

Письмо, которого не было

Послушай, бросай-ка курить, Джим,
И переезжай ко мне.
Раздражает только табачный дым,
Остальное терпимо вполне.

Здесь, на острове, тишина,
Только шепчутся камыши.
А у вас что? Апрель... весна...
И от сырости в горле першит!..
Знаешь, Джим, здесь всегда тепло,
Шумит по ночам прибой.
Горизонт такой голубой –
Мне делить бы его с тобой...

Знаешь, Джим...
Я стерплю и дым,
Только ты мне не будь чужим.
Для чего казаться немым
Нам двоим?..

Здесь лет семь уже ни души...
Джим, ты хоть иногда пиши: «Остров Н.»
Занесло песком
шалаши...

* * *

И меня прибивает к земному –
К человеку, к монете, к слову,
К пресловутым квадратным метрам,
К неизведанным километрам,
К бочке дегтя, которую ценишь,
И к коленям времени стертым...
На часах – без семи двенадцать
Отоспаться... Присниться...
Здравствуй...
Привыкаю, прощаю, плачу,
Выношу, разгребаю, трачу,
Подчиняюсь, решаюсь, трушу.
Так как – проще?.. Или – как лучше?...
Но куда я?.. Зачем я?.. Кто я?..
Замолкает девочка в хоре,
Кораблям предписано море.
А у нас тут на трассе осень.
Я нашла между прочими снами
Фотографию в темном футляре...
Я не помню, как ее звали.

Неподъемное

Иногда мне кажется, что нужно
Просто взять и сесть на пароход...
Отдаляйся, отдаляйся, судно,
От прибрежных вод.
Я стою, машу тебе рукою.
Ты все дальше...
И мороз все крепче...
Иногда мне кажется, так легче
Обрести покой
Выдыхая серебристый дым,
Перестать искать тебя в тумане,
И, нащупав свой билет в кармане,
Улыбнувшись, распрощаться с ним.
Пароход уходит в никуда,
Нас в порту никто не ожидает.
Иногда и так оно бывает...
И кругом –
вода...
вода...
вода...

Осеннее

Слушай, а помнишь – звезды?
Я почему-то помню…
Мне так хотелось вечность
Вылепить из секунды

Каждой. Октябрь, осень.
Листья желтеют. Ветер.
Осень, октябрь, вечер.
Вечер, октябрь – Вечность!..

Вечер, точнее, полночь…
Думаю, что не помнишь.

Помнить такое – поздно.
«Вечер, октябрь, звезды…»

В бреду

И вновь я уже в который
Пытаюсь тебе… Послушай!
(Хотя это слишком долго
И нудно, и ни к чему…)
Так мчатся врачи на «скорой»
К умёршему пациенту,
Так письма весной приходят
Расстрелянному в тюрьму.
Молчат в телефонных будках
Седые телефонистки,
Все выцветет пустоцветом,
Сотрется и пропадет.
Однажды случайным утром
На кончиках пальцев лето
Танцуя, лучом рассвета
Меня от тебя спасет.

Точки

Вчера еще будет,
А завтра уже никогда.
Мы глупые люди,
Зарывшие в ночь города.
Бескрылые птицы,
Парящие вниз головой.
Любить – и разбиться…
Да здравствует вечный покой!..

Лавинное чувство –
Чем ближе к тебе, тем больней.
О, сила искусства!..
На стыке спрессованных дней
Мы все одиноки
В своей бесконечной борьбе…
Да здравствуют сроки
Моих равнодуший к тебе.

Последнее прощанье

Вперед, не опуская глаз,
Пешком, до самого причала.
Еще один последний раз
Решившись всё начать сначала.
Едва касались пальцы губ,
И тени падали на плечи,
Но был на звезды жутко скуп
Перераставший в полночь вечер.
Ломала мысли тишина
И убивала расстоянье,
И поднималась боль со дна
Осколками воспоминаний.
Едва касались губы плеч
И доводили до отчаянья…
Нам больше нечего беречь,
Кроме последнего прощанья.

ЭЛЬХАН АХМЕДОВ

ДНЕВНИК УЗНИКА

День 23 ноября 2013 года намертво запечатлелся в моей памяти. Возможно, он был последним днем моей юности и первым в новой, неведомой мне ранее нелегкой жизни, о которой я мог судить лишь по фильмам и книгам. Этот день – день моего ареста, когда я попал в жестокий и безжалостный тюремный мир. С этого дня начинается моя драматичная, полная приключений, поучительная история, о которой я собираюсь поведать. Быть может, все могло быть иначе, если бы не допущенные мной ошибки, осознать которые я смог лишь в неволе. Несмотря на столь дорогую плату, само осознание ошибок я считаю своим достижением, так как это прозрение помогло иначе взглянуть на мир – на прекрасный мир свободных людей, которого я лишился на длительное время.

Задержание

Это было обычное осеннее утро, окрашенное хмурыми красками природы, когда хочется подольше поваляться в постели. Все шло своим чередом, и я даже не мог предположить, что в конце дня мне придется лежать на железных нарах. На часах было около девяти, когда резкий телефонный звонок прервал мой сладкий сон.

– Пашаев?

– Да.

– Это из магистратуры, – тут я догадался, что звонит наш декан. – Скоро сессия, ты должен прийти. К шести часам будь в триста тринадцатом кабинете.

Я попросил отца, собирающегося на работу, подбросить меня на машине до университета. По дороге он интересовался моей успеваемостью и предстоящей сессией, давая наставления на будущее, которое вовсе не оказалось таким, каким мы его себе представляли. Планы были расстроены моим арестом, столь внезапным, что он шокировал не только близких мне людей, но и даже случайно проходивших в тот момент прохожих.

До университета мы не доехали. Вдруг совершенно неожиданно нас подрезал автомобиль с затемненными окнами, заставив остановиться. Тут же рядом появилась еще пара черных машин с затемненными стеклами. Из них выскочили вооруженные автоматами люди в масках. Я и подумать не мог, что это они за мною. Дверь машины с моей стороны распахнулась, меня выдернули из нее, повалив наземь лицом вниз, сковали руки за спиной наручниками. От сильного удара головой об асфальт я был просто оглушен. Все происходило на глазах у прохожих и было произведено очень быстро и слаженно, что говорило о прекрасной подготовке оперативников.

Меня затащили на заднее сиденье черного фургона. Что было с моим отцом, я даже не знаю. В машине надели на меня маску, наградив в придачу парой ударов, самый тяжелый из которых – ребром ладони в шею.

– Рассказывай! – крикнул кто-то мне прямо в ухо.

– Что рассказывать?

– Как что? О себе говори!

– Пашаев Э.И, тысяча девятьсот девяносто первого года рождения…

– Мы это знаем, лучше расскажи, почему с пистолетом разъезжаешь по городу!

В этот миг я почувствовал что-то металлическое, холодное у себя под ремнем. Мои скованные руки были перекинуты назад через сиденье, но их освободили, и я смог нащупать то, что там находилось. Наверняка это был пистолет, а ведь я дотронулся до него, оставив отпечатки. Тут последовал следующий удар в живот, после которого я уже ничего у себя под ремнем не чувствовал.

– Сейчас мы едем к вам, и чтобы без фокусов было, не надо особо светиться перед соседями. Ты понял? – грубо прорычал мне кто-то в ухо.

Вскоре машина остановилась, с меня сняли маску и завели в наручниках внутрь. Человек двадцать, среди которых были молодой следователь в костюме, оператор, снимавший все на камеру, и тут же найденные свидетели, наводнили наш дом. Перед объективом следователь, обратившись ко мне, сказал:

– Пашаев Э.И, у сотрудников министерства безопасности есть информация о том, что вы скрываете у себя дома огнестрельное оружие. Мы требуем немедленно предоставить его нашим сотрудникам. В случае отказа вы лишь сами осложните свое положение.

– У меня нет никакого оружия! – едва успел возразить я, как в доме начался обыск. Все это напоминало явно инсценированную акцию, прикрытую именем закона. Под диваном в моей комнате был обнаружен пистолет. Надев перчатки, следователь, руководивший обыском, взял его в руки и вытащил магазин с патронами, продемонстрировав найденное перед камерой, после чего стал составлять акт. Я был измучен, а все происходящее вокруг казалось мне сном.

Когда меня привезли в министерство, был уже поздний вечер. Завели в кабинет и, усадив на стул, сняли маску и наручники. От яркого света я прищурился, но все же сумел различить силуэты двух мужчин, сидящих за столом. Один из них, как я понял, следователь, после некоторой паузы сказал:

– Представься.

– Пашаев Э.И.

– Почему с «Макаром» по городу ходишь? – резко спросил следователь.

– Нет... мне его подбросили! – попытался оправдаться я, и тут же получил сзади удар одного из оперативников.

Следователь, набиравший все это время какой-то текст на компьютере, распечатал его и велел мне расписаться. Это были «первые показания подозреваемого Пашаева» – мои «признания». От подписи я отказался. Следователь грозно замахнулся на меня рукой. Но его остановил сидящий за столом мужчина с густыми усами лет пятидесяти.

– Позвольте мне, Сахиб-муаллим, – проговорил он и далее, обращаясь уже ко мне, продолжил: – Сынок, ты находишься в Министерстве национальной безопасности, которое стоит на страже нашего независимого государства. Сахиб-муаллим – следователь с большим стажем, раскрывший множество преступлений, и точно так же он рассмотрит и твое дело и обязательно разберется. Нам нужны твои первые показания для суда, а следствие – оно будет идти, и если ты действительно невиновен, то тебя немедленно отпустят. Я буду твоим адвокатом и услуги мои совершенно бес-

платные. Зовут меня Иса А. Я буду навещать тебя и приносить известия из дома. Будь умницей, подпиши, зачем осложнять все? – мужчина покосился на стоящих сзади меня оперативников, давая понять, что меня ожидает в случае отказа.

Так, под давлением и угрозами, они получили мою подпись, после чего следователь вызвал по внутреннему телефону двоих надзирателей, чтобы они забрали меня в изолятор. Мне также стало известно, что здесь находятся и мои знакомые – Фарман и Мирза, обвиняемые в террористической деятельности, а также в покушении на местного религиозного проповедника. По словам адвоката, меня уличили в тесных связях с террористической группировкой, и подтверждением этого является «найденный» у меня пистолет «Макаров». Мои знакомые были арестованы пять дней назад и в своих показаниях якобы заявили о моей причастности к инкриминируемому им делу. Нас троих обвиняли в терроризме и в незаконном приобретении, хранении и ношении оружия, за что предусмотрено довольно долгое тюремное заключение.

– С вами, молодой человек, мы увидимся в понедельник, – сообщил мне Иса и, записав номер моего домашнего телефона, добавил: – По вторникам и пятницам тут бывают дни передач. Я сообщу вашим родным, чтобы, выбрав один из этих дней, они прислали вам все необходимое.

Свобода таяла у меня на глазах, и я не мог с этим смириться.

– Это хороший парень, не нужно с ним грубо, – предупредил следователь двух пришедших за мною надзирателей.

Пройдя через двойную дверь, мы оказались в помещении, огражденном железной решеткой, где был только стол и два стула. Там нас встретил старшина, дежуривший в ночную смену.

– За что попал сюда? – грубо спросил он.

– Оружие нашли у меня… – ответил я растерянно.

– Ясно, раздевайся, – и, повернувшись к одному из надзирателей, спросил: – Что насчет него сказали?

– Сказали, хороший, – с усмешкой ответил тот.

В этот момент я понял, что если бы не предупреждение следователя, мне бы пришлось несладко.

У меня отобрали телефон, ремень, шнурки кроссовок, карточку метро, студенческий билет и денежную купюру в десять манат. С куртки содрали все застежки и резинки.

Когда я оделся, старшина подал мне бумагу со списком вещей, что они у меня отобрали.

– Распишись здесь, – сказал он и стал объяснять здешние правила. – По стене не стучать, на окно не залезать, не шуметь. Утром перед приходом начальника подмети камеру. Когда открывают дверь, встань, назови имя, фамилию и номер камеры. Пусть даже дверь откроют сто раз, ты все равно обязан это делать. Здесь всех работников называй начальниками. Понял?

Не дожидаясь моего ответа, он велел надзирателям отвести меня в шестнадцатую камеру.

Следственный изолятор

24 ноября – воскресенье. Первый день в изоляторе. У каждого он бывает разным... Мой же день начался с сильного стука железом о железную дверь:

– Вытащи руки из-под одеяла!

Это был особый способ воздействия на психику. Так они «ломают» новичков. Теперь я не мог уснуть из-за ярко светящей лампочки и натянул куртку на лицо. И вновь сильный удар по двери:

– Открой лицо! Чего прячешься?

– Я же не могу уснуть из-за света! – возмутился я.

– Не мои проблемы!

А что поделать? В каждом монастыре есть свой устав и свои хозяева, диктующие его. Ты лишь чей-то пленник и вынужден подчиняться.

В шесть утра объявили подъем. Проснувшись, я пришел в ужас от вида двери, на которую ранее не обратил внимания. «Где я? Как сюда попал? Что произошло? Ах да, вчера у меня нашли пистолет...» – этот страх охватывал меня каждое утро при подъеме на протяжении месяца. Я заправил постель, умылся и уселся на нары, разглядывая камеру и вспоминая произошедшее. «Насколько ужасно это место, настолько же и великое. Через это надо пройти. Ты не первый, тысячи проходили. Кто-то отсеивался, а кому-то давался шанс начать жизнь сначала», – думал я. Размеры камеры угнетали. Почти как в гробу. И контрастом – это яркое освещение.

Повышенная сырость создает потеки на стенах, которые порой приобретают причудливые формы. Окно размещено высоко, почти у потолка. На окне железная сетка, а за ней решетка, потому разглядеть там что-то практически невозможно. Оно служит лишь для вентиляции. Человек изолирован от всего мира на длительное время, оставлен наедине с самим собой. В таком месте мало атеистов: каждый готов зацепиться за любую нить, способную вернуть его в свободный мир. Происходит анализ прожитых лет, свершенных ошибок. Вспоминаются, казалось бы, полностью стертые из памяти фрагменты. С кем много лет назад поступил несправедливо, кого обидел без причины, кому нагрубил или даже сделал зло величиной в песчинку. Стоило ли ругаться из-за таких мелочей? Тут познаешь цену всему, что у тебя было на воле, хотя ранее ты даже не обращал на это внимания. Свобода – как прекрасно звучит это слово! Свобода слушать – это когда ты вправе выбирать, кого и что тебе слушать, выбрать для прослушивания любую композицию, позвонить, кому пожелаешь и услышать приятный твоему слуху голос. Здесь же радио работает несколько часов в день и ты слушаешь передачи лишь на той волне, на которую настроили надзиратели. Свобода видеть – видишь, кого пожелаешь, смотришь на то, что радует твой глаз. Здесь же изо дня в день одни и те же хмурые лица надзирателей, та же камера с мрачными стенами. Свобода обоняния – можешь приобрести любое благовоние, насладиться ароматом цветов, вдохнуть запах любимого человека. Единственное наслаждение для обоняния здесь – это одежда, в которую было завернуто туалетное мыло. Дозволенная передача раз в неделю, ограниченная пятью килограммами и строгим списком допустимого, не особо облегчает положение. Она носит лишь формальный характер: тебя еще не забыли. Еще есть связь с миром живых. Пояснять значение свободы действий, я думаю, не стоит. После подъема уже нельзя лечь под одеяло. Нельзя пытаться подняться, чтобы посмотреть в окно, нельзя подходить слишком близко к дверному глазку и пытаться разглядеть через него что-либо в коридоре, нельзя стучать по стене (перестукиваться с заключенными в соседней камере), нельзя ставить радио на громкий звук, нельзя шуметь и громко разговаривать. После отбоя нельзя вставать с постели, разве что, по нужде. Нельзя создавать какие-нибудь поделки. Нельзя, нельзя, нельзя… Повсюду одни лишь запреты. Правонару-

шителям грозит штрафная камера или, по-здешнему, карцер. Он абсолютно пустой, темный и холодный.

В этом изоляторе лишение свободы ощущается в полном смысле этого слова. А все, что дозволено – это лишь для того, чтобы поддерживать свое жалкое существование. Здесь человек лишен всего, что бы доставляло ему удовольствие. На воле хочется иметь побольше свободного времени, а здесь каждый день – свободный, и само бездействие сводит с ума. За что я лишен всего? Почему в других странах заключенные содержатся в более приемлемых условиях, а я вынужден находиться в этом склепе, на самом дне нашей «демократической страны»?

Пока я искал ответы на эти вопросы, неожиданно открылось окошко в двери и в него подали глубокую алюминиевую тарелку, ложку и кружку с горячей водой, а минут через пятнадцать я получил два черпака манной каши в тарелку. Хоть еда и показалась мне отвратительной на вкус, голод все же заставил съесть до конца. Постепенно я приучился к баланде и ел без разбора, так как знал: другой еды не будет.

Делать было нечего, время будто остановилось. Когда кто-то смотрел в глазок, я просил ручку и бумагу, но никто не отвечал: просто закрывали глазок и уходили. А когда спросил время, то услышал в ответ насмешливое:

– А куда тебе спешить? Отдыхай.

На обед дали борщ и макароны, да в таком количестве, что и не съесть было. Я очень хотел спать, но каждый раз, когда меня настигала дремота, я подскакивал от сильного стука железом по железной двери. «Новичкам» после подъема спать не дают. Пришлось просто сидеть и думать, чем заняться. В глаза бросилась висящая на стене табличка с правилами поведения в изоляторе. К каждому из разделов ручкой были приписаны фразы, выражающие недовольство и ненависть к здешним порядкам. Например, к разделу «заключенные обязаны» приписали фразу «только Богу», а к «заключенным дозволяется» – «ничего». До меня здесь побывал и испытал все трудности заключения не один человек. Я не первый и не последний. «Следствие не будет длиться долго, ибо следователю все известно. Просижу тут некоторое время, а дальше видно будет», – утешал я себя наивными мыслями, но резкий гул вернул меня в действительность.

– Давай живее! Сколько можно топтаться на одном месте?

Двое заключенных в сопровождении надзирателя пылесосили красную дорожку в коридоре. Один из них катил громоздкий пылесос на колесиках, а второй водил щеткой по ковру. Они выполняли эту работу каждое воскресенье. За это они могли дополнительно искупаться в ванной, получали расположение к себе надзирателей и хорошую характеристику в личное дело. Работа в изоляторе является добровольной и без принуждения.

На ужин подали гречку и кусочек рыбы. Эта пища показалась мне наиболее съедобной за весь день.

В четверг вечером мне выдали машинку, чтобы побрить голову и лицо. Я успел постричься, прежде чем открылась дверь и мне велели перетащить кровать из соседней камеры. Я увидел перед собой заключенного. Его переводили ко мне в камеру. С Эмином вместе в мою голую камеру перекочевало множество «ценностей»: шахматы, домино, несколько книг, яблоки, соки. Было сразу видно, что он тут не новенький.

Его обвиняли в контрабанде пиротехники в особо крупных размерах, содержали его здесь уже пару месяцев.

– Добро пожаловать в мою скромную хату, – сказал я ему, после того, как за нами закрыли дверь.

Теперь я уже не одинок и есть с кем поговорить, хотя эта радость не столь долговечна.

Если находишься постоянно с одним и тем же человеком в крохотной камере, появляется раздражение. Ситуация накаляется с каждым днем и терпеть друг друга приходится с трудом. Даже с самыми близкими родственниками мне не приходилось оставаться неразлучно так долго. Однако когда моего сокамерника уводят куда-то пусть даже на час, в душу пробирается черная тоска. Чувствуешь себя таким одиноким, беззащитным и несчастным, что начинаешь сожалеть о неприязненных отношениях с сокамерником. Ведь он – тот самый единственный, с кем разделяешь свою участь и кто находится в таком же положении, как и ты сам. Особое чувство испытываешь в момент отправки сокамерника этапом в городское СИЗО. «Наконец-то отмучался», – приходит на ум. Радостно за него и грустно за себя. Уже через пару месяцев ты готов на все, на любой срок, лишь бы покинуть это проклятое заведение.

...На двадцатый день пребывания в СИЗО я почувствовал резкую боль в области сердца. Утром, при проверке камер, я попросился у старшины на прием к врачу. Доктор, приятная женщина лет пятидесяти, сняла мне кардиограмму, измерила пульс, давление. Все оказалось в норме.

– Кажется, я знаю, в чем проблема. Повернись спиной.

Она нащупала у меня на позвоночнике «кнопки», от чего я подскочил. Причиной боли оказалась жесткая постель, на которой я сплю. Доктор посоветовала мне не ложиться на спину и на левый бок, а спать на правом или на животе. Рекомендовала также класть под себя одежду для смягчения постели на железных нарах. Ее советы оказались очень даже кстати. Это значительно облегчило мое положение.

...Человек вынужденно смиряется, у него просто не хватает сил на дальнейшее сопротивление. Здесь многое оказывает воздействие на психику. Повсюду числа: 100, 200, 300… – это дни. Каждый фиксировал проведенное здесь время. На стенах множество следов от убитых мошек и комаров. Можно себе представить, что творится в камере летом, если зимой, при открытом окне, с трудом уходит дым от сигарет. Только бы не остаться тут до жаркой поры!

...31 декабря – вторник. Последний день года. Кто-то готовится к празднику, поздравляет ближних. Нас же, как всегда, двое. Надзиратели, или «надзоры», приготовили нам подарок: полтора часа прогулки на большой площадке. Сегодня также день передачи, вот и из дома нас обрадовали тем, что не забыли.

...После отбоя, в одиннадцатом часу, я тут же уснул, а Эмину было не до сна. Он вспоминал предыдущие праздники, сравнивал с нынешним.

Около двенадцати я проснулся от грохота хлопушек и фейерверков на улице. Эмин яростно матерился, ему было обидно. Его арестовали за контрабанду пиротехники, хотя там, на воле, ею свободно торгуют. Может, он тоже оказался жертвой произвола, ведь с документами, как он утверждал, не было никаких проблем, тем не менее, на границе их грузовики остановили. Его-то арестовали за бизнес, пусть даже незаконно. А меня-то за что? Меня – за подложенный мне пистолет, который я в жизни не видел и в руках не держал. Кому из нас сейчас хуже, это еще вопрос…

– Как встретишь Новый Год, так его и проведешь! – гневно воскликнул Эмин и, повернувшись в мою сторону, добавил: – За решеткой!

Я лишь, улыбнувшись, закрыл глаза. Мне только хотелось поскорее уснуть, ведь иногда бывает такая жизнь, что самое лучшее, что в ней есть – это сон. Эмину было только тридцать шесть. За четырехмесячный срок пребывания в заключении он наполовину поседел, появилось больше морщин на лице. На воле остались жена и двое детей в городе Шеки. Но зато, как он утверждает, тюрьма спасла его от алкоголизма.

...Мы попрощались с ним в конце февраля. Провели вместе почти три месяца. Поздним вечером, открыв «кормушку» (гармошку), надзор велел мне собрать вещи. На мой вопрос о том, куда меня ведут, он грубо ответил: «Какое тебе дело?!» Сокамерник помог мне собраться, отдав на прощание почти все запасы провизии. Я собрал вещи и, присев на нары, взглянул на Эмина. Пришло время прощаться. Может, мы никогда не увидимся, но эти дни, проведенные в этой камере номер шестнадцать, останутся в памяти. Стук железом по железу: «Ты готов?». Ключ резко вставляют в замок и открывается дверь. Завернутые в одеяло вещи я перекинул через плечо и удерживал двумя руками. Переступив через порог камеры, повернулся назад, чтобы в последний раз встретиться взглядом с Эмином.

– Прощай брат! Да откроет Господь твою дверь!...

Следственный процесс

...Услышав сигнал к подъему, я радостно подскочил, ведь адвокат обещал сегодня со мной встретиться. Может, обрадует меня радостными известиями? Заправил постель, умылся, подмел камеру, которая за день неизвестно откуда наполняется пылью, и даже сделал небольшую разминку. Через час после завтрака, а он бывает около девяти утра, в дверь вставили ключ.

– Руки за спину! – и, туго затянув наручники: – Пошли!

Меня повели по коридору, устланному красной дорожкой. Моим следователем оказался молодой человек лет около тридцати, с тонкими губами и хитрым взглядом. Звали его Ровшаном.

Он повел себя на удивление вежливо и обходительно, даже чаю с шоколадными конфетами предложил. Потом дал прочитать мои «первые показания», подписанные позавчера, где я якобы подтверждал свое участие в подготовке к террористическим актам в столице совместно с гражданами Мириевым Фарманом и Расуловым Мирзой, а также то, что собирался извещать публику о деятельности группировки через интернет, вел активную пропаганду и поиск новых членов бандформирования.

– Но это же все полная ложь! – возразил я, поражаясь столь наглой клевете.

– Что именно? – спросил у меня Ровшан.

– Да все абсолютно! Я ничего из написанного здесь не делал!

– Ну, к примеру, что?

– Ну вот, по поводу пропаганды в интернете, такого и близко не было.

Он молча начал редактировать текст на компьютере, а потом распечатал уже измененный текст, где не было ничего о моих планах пропаганды в интернете, и дал мне на подпись. Удивительно, но он и спорить не стал, следователю было без разницы, соответствует ли данная информация действительности или нет. Впрочем, он согласился убрать лишь этот пункт, а все остальное осталось без изменения. Истин-

ной же целью моего привода к Ровшану была попытка определить: как я собираюсь доказывать свою невиновность, кто поддержит меня с воли и какими средствами.

Через несколько часов после допроса меня снова вывели из камеры.

– Куда мы идем? – спросил я надзирателя.

– Какое тебе дело? Иди молча! – грубо прокричал он.

Пройдя коридор, мы вышли в гараж. Меня запихнули в машину, я получил сильный удар по голове, а еще через мгновение оказался в маске. В машине мне отвесили пару тумаков, били, в основном, по спине и бокам.

– За что тебя взяли?! Быстро отвечай!

– Я был в связи с…

– В половой связи?

– Нее…

Очередная серия ударов и допрос. Сообщили, что везут меня, якобы, на пляж, чтобы пристрелить. Минут через пятнадцать мы куда-то приехали. Оперативники вели меня, подхватив под обе руки. Ничего не видя и спотыкаясь через каждый шаг, я оказался в каком-то помещении. Усадив меня на стул, оперативники куда-то исчезли. Тишина… Вдруг кто-то резко снял с меня маску, и я увидел перед собой «великолепную троицу»: следователь, адвокат и прокурор. Да… Я был в суде. В тот день продлевали санкцию на мой арест.

...Под следствием я должен был провести двести тринадцать дней, находясь в этом крохотном склепе, будучи полностью изолированным от внешнего мира. Неизвестно, последнее ли это продление санкции. Меня не извещают ни о чем. Адвокат, женщина, нанятая родителями вместо «бесплатного Исы», от которого не было никакого толку на протяжении двух месяцев, рисует светлые перспективы на будущее. Она навещала меня четыре дня назад, передавала от домашних приветы. «Дома все хорошо. Они стараются тебе помочь. Очень сожалеют о случившемся. Надеемся на хороший финал», – стандартная речь адвоката, которую она наверняка говорила многим помимо меня. Обещала навестить на следующей неделе, но я знаю, что это все лишь обещания. Следователь вообще будто забыл про меня: у него наверняка полно других дел, да и впереди еще целых четыре месяца – он может и не торопиться. Хорошо, что у меня есть сокамерник, а не то создалось бы такое впечатление, будто я остался один на всем белом свете. Нас двое, мы утешаем друг друга в трудные минуты. Сегодня у Эмина «юбилей». Он встречает сто шестидесятый день в изоляторе. Для меня это внушительный срок, хотя когда-то и мне самому придется отмечать подобную дату.

...Все дни похожи один на другой, поэтому любое малое событие, произошедшее даже месяц назад, кажется случившимся недавно. Привычный распорядок дня, та же пища, те же стены. По радио, работающему несколько часов в сутки, звучат одни и те же композиции. Ежедневно одно и то же. Любое изменение здесь выглядит грандиозным событием.

К тяготам изоляторной жизни следует приплюсовать еще изнурительный следственный процесс.

...В первую неделю мне пришлось «сыграть на пианино» (так на тюремном жаргоне называется снятие отпечатков пальцев), меня сфотографировали анфас, в про-

филь, и провели медосмотр. Также был вызван психиатр для оценки моего психического состояния. Он оценил меня как вменяемого и психически здорового человека. Может даже на данный момент быть невменяемым и неадекватным гораздо лучше – была бы возможность избежать уголовной ответственности. Спустя месяц найденное у меня оружие было отправлено на экспертизу. А еще через три недели пришел результат: как показала экспертиза, никаких преступлений с участием данного оружия не зарегистрировано.

Иса за два месяца навестил меня лишь три раза, каждый раз в присутствии следователя. И все три раза его интересовало лишь благосостояние моих родителей. Этот скользкий человек, представляющий неизвестно чьи интересы, не помог абсолютно ничем, разве что осведомлял домашних о необходимых мне в изоляторе вещах.

– Сынок, у вас есть дача? А может, у твоего папы есть еще одна квартира? Сынок, тебе дадут десять лет, а может и пятнадцать. Хотя бы машину продали, – так Иса пытался пронюхать про наши материальные ресурсы

– Не знаю я, с отцом говорите по этому поводу.

Возможно, я идеализировал роль адвоката, но адвокат – это, по сути, защитник, представляющий интересы клиента, отстаивающий его права и защищающий на конституционной основе. Иса-муаллим же, доставшийся мне советник по правовым вопросам, оказался лишь посредником между коррупционерами и незаконно обвиняемым физическим лицом, оказавшемся в безвыходном положении. А новый адвокат, деловая женщина средних лет, производила впечатление опытного, знающего свое дело профессионала. Оказалось, что Афа была из той же адвокатской конторы, что и Иса. Отношения у них не сложились с самых первых дней ее профессиональной деятельности. Так что выиграть мое дело стало для нее принципиальной задачей. Однако ни ее профессиональное мастерство, ни объективность следствия не имели никакого значения. Все решили деньги, переданные следователю для облегчения инкриминируемых мне статей на более легкие, не грозящие длительным тюремным заключением. Ощутил я эти существенные изменения в конце марта, когда Сахиб вызвал меня для подписания протоколов моего«очередного допроса», составленного им самим же, где я брал на себя лишь хранение оружия и заявлял о непричастности и даже неосведомленности в террористических планах своих подельников. По словам следователя, я мог отделаться уже отбытым на данным момент сроком, если только мое дело не осложнят Фарман с Мирзой, один из которых явно не доволен смягчением моих статей. В следующем месяце должна состояться очная ставка между нами, где и прояснится конечное решение следствия.

...25 апреля в кабинете Сахиба состоялась очная ставка между мной и Мирзой в присутствии наших адвокатов.

– Гражданин Расулов, – начал Сахиб, – находится ли гражданин Пашаев во враждебных с вами отношениях?

– Нет – ответил Мирза.

– Гражданин Пашаев, – повернувшись ко мне, спросил следователь, – является ли Расулов вашим врагом?

– Нет, – ответил я.

– Гражданин Расулов, знал ли Пашаев о ваших с Мириевым преступных планах?

– Они оба меня запугивали! Я ни в чем не виноват! – стал оправдываться Мирза.

– Отвечайте на мои вопросы конкретно! – прервал эту истерию Сахиб. – Знал

или нет?

– Не осложняй ничего, нам это невыгодно, – толкнул Мирзу в бок его адвокат.

Я был поражен подлостью человека, которого считал своим другом. Неужели он рассчитывает, что, оболгав меня, он облегчит свою участь? Да, действительно, друг познается в беде. Из беседы наших адвокатов я понял, что оружие подбросили нам обоим. Мирза столь напуган, что со страху готов на любые поступки.

Очная ставка завершилась признанием Мирзы моей непричастности к преступлению. Таким образом на шестом месяце ареста с меня снималась статья о терроризме, и я обвинялся лишь в хранении оружия. Май месяц я безвылазно провел в изоляторе по причине болезни своего адвоката, и только второго июня меня вызвал Сахиб для предъявления последнего варианта обвинения, а уже девятого числа нам с Афой было выдано дело на прочтение, где я узнал много интересных фактов. История наших звонков, смс-переписка с самого момента покупки сим-карты и даже сведения со спутника о местах нахождения в течение последнего месяца – самая интересная литература за эти полгода заключения, отбразившая весь мой жизненный уклад на воле.

В своем первом показании Мирза собственноручно написал мое имя, что и послужило причиной моего ареста. Фарман же, наоборот, заявлял о непричастности нас с Мирзой и брал всю вину на себя. Адвокат также сообщила о выделении моего уголовного дела в отдельное, где я, в отличие от Мирзы и Фармана, выступлю перед районным судом, а они более не являются моими подельниками.

– Читай, читай, сынок, особенно свои показания: их ты будешь говорить на суде, – пояснял следователь, – пушку ты получил от Фармана в черном пакете и не знал, что там внутри. А когда узнал, то побоялся обратиться в правоохранительные органы. Тебе все ясно?

...В последний раз я побывал в этом кабинете двенадцатого июня, там меня ждала непредвиденная встреча с Фарманом. До этого мы виделись лишь во время продления санкций в Сабаильском районном суде в середине февраля. Следователь объяснил цель нашего вызова:

– Короче, ребята, наше независимое государство в очередной раз продемонстрировало свою гуманность. Ваши дела разъединили. Но есть один пункт. Пистолет Пашаеву дал именно ты, Мириев, в черном пакете. В случае, если вы оба ляпнете в суде что-нибудь другое, то дело отправят на доследование, тогда я вас раскручу обоих на все пятнадцать лет! Вы меня поняли?

Нам разрешили свободно переговорить пару минут, сидя за столом у следователя друг против друга. Я внимательно разглядывал его лицо с появившимися глубокими морщинами на лбу, поседевшей головой и усмирённым взглядом. Был ли это тот самый человек, с которым у нас некогда было столько приятных моментов? Сейчас Фарман сидит в тридцатой камере, за поворотом от меня, так близко и так далеко… Завершение следствия – это лишь первый пройденный шаг долгого пути, который нас ждал впереди. Здесь наши дороги разошлись, каждого ждет свой срок, своя судьба и свои трудности. Мы еще встретимся в тюрьме, но уже не как близкие друзья, готовые в любой момент прийти на помощь по первому зову, а как старые добрые знакомые, некогда вместе вкушавшие прелести заветной и желанной свободы.

Этап

18 июня мне, выведя прямо с прогулочной площадки, вручили обвинительный акт, в котором была подробно изложена информация о моем деле. Весь день вместе с сокамерниками мы изучали эту самую актуальную на тот момент литературу, где описывалась моя автобиография, результаты баллистической экспертизы пистолета, последние показания, свидетельства понятых и другие интересные факты следствия. На следующий же день после обеда мне велят собирать вещи. Я и не стал спрашивать, для чего, мы знали, что я отправляюсь в первый в своей жизни этап. Сокамерники собирают мне вещи в путь, кладут немного еды в дорогу. Я же стою безмолвно и не знаю, за что взяться...

* * *

...18 ноября 2013 года главным антитеррористическим отделом Министерства национальной безопасности был издан приказ о задержании граждан страны Мириева Фармана и Расулова Мирзы, подозреваемых в подготовке к актам терроризма, покушении на местного религиозного деятеля и в незаконном приобретении, хранении и ношении оружия. Поводом для этого послужила появившаяся в социальных сетях фотография этих двух лиц с ножами в руках на фоне деревьев и кустов, с написанными под ней угрозами в адрес этого самого проповедника и всех, кто разделяет его религиозные убеждения. В деле приводились сведения о том, что убить жертву они намеревались гранатой, брошенной в мечеть во время проповеди, а в случае недостижения цели путем взрыва – расстрелять на месте из автомата Калашникова, имевшегося, якобы, у Мириева. У данных лиц имелись также и пути отхода, и даже база в лесу в Гусарском районе, обложенная минами на случай нападения сотрудников правоохранительных органов. Блиндаж, как сообщается в деле, был построен Расуловым в месте, откуда он был родом. Главарем группы считался Мириев, а Расулов, якобы, являлся ученым-богословом, давшим религиозное благословение на их противозаконные действия. 23 ноября арестован их сообщник – Пашаев Эльдар, у которого был изъят пистолет Макарова. Его целью было ведение активной пропаганды в интернете и вербовка новых бойцов для группы. Звучит все очень громко и даже реалистично, особенно для законопослушных граждан, которые не могут представить себе подобной лжи со стороны представителей государства, стоящих на страже национальной безопасности. Но у более внимательных появляются вопросы относительно дела. Почему человек, намеревающийся совершить такое громкое убийство, сообщает об этом в интернете на весь мир? Почему в деле не указывается канал, по которому поступало оружие, у кого, как и на какие средства оно были приобретено? Каким путем должен был осуществляться отход после столь резонансного преступления?..

Логическая цепочка, состоящая из подобных вопросов, позволяет прийти к следующим выводам. Группа молодых людей, почувствовавшая себя могущественной в интернете, сделала пару громких заявлений, выложив фотографию, снятую на фоне зелени в одном из столичных парков. На фотографии красовались вовсе не автоматы с гранатами, а перочинный ножик в руке одного из обвиняемых. Комментарием к фотографии стали написанные под ней угрозы в адрес граждан страны, исповедующих шиизм, и к одному из их духовных лидеров – сделано это было для эпатажа публики. В кратчайшие сроки фотография распространилась по социальным сетям, вызвав бурю обсуждений и даже найдя немало сторонников. В МНБ эту тему приняли по-

своему. Для них это оказалось прекрасной возможностью «обезвредить» очередную «террористическую группировку», нажиться на ней и даже заработать очки в обществе, якобы обезопасив население от кровожадных преступников, радикальных исламистов и националпредателей...

Однако ложь и клевета всегда обречены на разоблачение. Потому и были сочтены дни коррумпированного министерства…

Карантин

В окне показались высокие заборы, увенчанные колючий проволокой, сторожевые посты. Яркое солнце мешало разглядеть все в деталях, однако безудержное любопытство, даже несмотря на прикованные к сиденью руки и тряску, не позволяло оторваться от окна,. На душе было неуютно. Мы были рады тому, что наконец-то покидаем самую строгую тюрьму. А на новом месте, каково бы там ни было, хуже уже не будет. Однако вперемешку с радостью зрело и чувство тревоги.

С пронзительным скрежетом раздвинулись огромные железные ворота, и мы въехали внутрь. Городское СИЗО в поселке Кюрдаханы было построено в 2009-ом году. Тюрьма имеет форму восьмиконечной звезды, каждая сторона которой является отдельным корпусом. Это трехэтажное здание – своеобразное произведение искусства, построенное в американском стиле. В самом центре «звезды», в круглом пространстве под куполом, расположена дежурная часть, следящая за телефонными звонками, камерами, установленными повсюду, выдачей справок, личных дел, приговоров и многим другим.

Нас пятерых завели в свободную камеру. Это была большая светлая комната с примыкающей к ней прогулочной площадкой, с тремя двухэтажными кроватями и закрытым туалетом. Все перечисленное было восхитительным новшеством, которое отныне будет в нашем пользовании на время нашего пребывания.

– Вот и приехали! – бросив сумку у окна, неожиданно воскликнул Мирза, прервав тем самым молчание. Заговорили все разом обо всем, что пришлось пережить за эти семь месяцев с самого дня ареста.

– И все же я не пойму, почему ты злишься. Случилось неизбежное – этого и стоило ожидать.

– Почему я злюсь? Ты еще спрашиваешь? Да ты же сдал меня в кабинете следователя, чтоб спасти свою шкуру! – взорвался я.

Тут взгляд Мирзы судорожно перекинулся на находящегося в помещении заключенного. Он подошел к нему знакомиться, завел разговор. Посторонний заявил, что не знает русского. Это облегчило положение Мирзы. Значит, он ничего не понял. Однако уже на следующий день выяснилось, что этот этапированный с нами тип, получивший пятнадцать лет за шпионаж, владел в совершенстве несколькими языками, в том числе и русским. Возможно, он просто не хотел лишних разговоров, а может, был специально сюда подсажен, хотя это не важно, потому что мы больше никогда его не видели.

– Я просто был тогда не в себе и мне показалось, что в моем аресте отчасти виноват ты, – пытался кое-как оправдаться Мирза.

– Ты что, вообще сдурел, Мирза? – возмущенно воскликнул я. – Ты ведь прекрасно знаешь, что ждет тебя, если тут узнают про этот твой «героизм». Меня удерживают лишь воспоминания о дружбе, потому не вынуждай своим гнусным поведением пойти на то, чтобы я здесь обо всем рассказал!...

...Я подавил бушевавшую во мне агрессию. Анализ этой беседы я проводил уже позднее, обосновавшись здесь, когда была уйма свободного времени. Всякий раз поражался и возмущался столь низким поступком, совершенным человеком, клявшимся мне когда-то в верности и вечной дружбе. При этом я восхищался самоотверженностью Фармана, готового пожертвовать собой ради свободы друзей. Быть может, на воле мне так и не удалось бы узнать всего этого, но случившееся послужило прекрасным уроком на будущее для выбора друзей и врагов. Тюрьма срывает маски, выставляя наружу всю порочную, трусливую, жадную, завистливую, подлую и эгоистичную сущность тех, кто умело скрывал это на воле. Случившееся же между нами навсегда осталось тайной, благодаря чему Мирза спокойно тянул свой срок, ибо стукачество и доносительство в тюремном мире являются одними из величайших злодеяний и совершившие подобное караются самими заключенными самым жестким образом.

В коридоре было много заключенных из всех «боксов», прибывших из различных ИВС. Нас выстроили во дворе на проверку. Старшина, стоявший в окружении нескольких надзирателей, стал называть наши фамилии по карточкам, заведенным по нашему прибытию в СИЗО. Всего оказалось тридцать семь этапированных. После проверки нам велели идти по асфальтированной дороге, в конце которой мы увидели каменный забор с табличкой: ШТРАФНОЙ ИЗОЛЯТОР.

– Пашаев Э.И!– послышался оттуда зычный голос.

Оставив сумки перед входом, я вошел в небольшую комнату с письменным столом, книжным шкафом и телефонным аппаратом. На столе было разбросано множество папок, бумаг и личных дел ныне прибывших. Старшина, мужчина лет сорока – сорока пяти с густыми усами и гладко зачесанными набок волосами по имени Алекпер, заметив мое появление, не поднимая глаз от просматриваемых им бумажек, надменно бросил:

– Где и когда родился?

– Тысяча девятьсот девяносто первый год, город Грозный.

– С пушкой ходил, да? – сняв очки и прищурившись, спросил Алекпер. – Кого убить хотел?

– Никого, просто хранил, – коротко ответил я.

– Просто ничего не бывает! – хлопнув рукой по столу, воскликнул старшина. – Для чего тебе пушка?

Это походило на допрос следователя, пытавшегося выяснить у подозреваемого мотивы преступления. Но кто уполномочил на это работника органов юстиции в звании старшины, мне пока было неясно, потому я решил просто перевести все в шутку:

– Молодой парень, решил обзавестись такой игрушкой.

Ответ понравился старшине, и он, улыбнувшись, прокричал надзирателям:

– В четвертую камеру этого шутника!

Со мной туда отправили еще несколько заключенных. В этой камере, рассчитанной на восемь человек, вместе с теми, кто прибыл днями ранее, нас оказалось двенадцать. Уложив вещи под кроватями, заключенные начали знакомиться друг с другом. Каждый рассказывал, за что и как был арестован, сетовал на грозящий срок и на связанные с ним трудности. К моей статье и проведенному в МНБ времени отнеслись почтительно. Мне уступили угловую верхнюю шконку у окна, где я мог улавливать потоки свежего воздуха, которого так не хватало в камере. Горящая под потолком лампочка и пар постоянно кипящего электрического чайника создавали в

этом закрытом помещении изнурительную духоту в и без того жаркий июньский вечер. И здесь мне предстояло провести довольно длительный срок...

...20 июня, пятница. В девять утра явились надзиратели для проверки. На них посыпались многочисленные требования заключенных о предоставлении телефонной связи, которые позднее были удовлетворены Алекпером по цене один манат за домашний и пять за мобильный. Мой характер не позволял попросить у кого-то хотя бы один манат и я решил отложить звонок до лучших времен. Достаточно подзаработав, надзиратели повели нас в санчасть на медицинский осмотр, который необходим для выявления больных опасными болезнями, такими, как гепатит и туберкулез.

Здесь я вновь встретился с Мирзой, который вчера был определен старшиной в другое крыло здания. Кажется, наша беседа подействовала на него, и он решил наладить со мной отношения, подобрав подходящие слова:

– Знаешь, меня задело вчерашнее. Горькая правда всегда тяжело принимается, но все же ты прав. Давай похороним прошлое, ведь друзья ссорятся, мирятся, да и всякое бывает. Завтра на воле помянем эти дни как страшный сон, когда-то приснившийся нам.

– Что было, то прошло. Мне и самому неприятно вспоминать все это, – ответил я, находясь в хорошем расположении духа из-за смены обстановки. Мы в сопровождении лишь одного надзирателя вольно шли по тюремному двору, на другом конце которого находилась санчасть. Это напомнило мне туристический поход, когда гид ведет туристов на ознакомление с местными достопримечательностями – Я больше переживаю за Фармана, хуже всех сейчас ему. Видишь, даже с нами не вывели, наверняка тут что-то не так.

– Хочешь, я расскажу тебе одну историю, но только между нами, – сказал Мирза и, получив согласие, продолжил: – Нас ведь вместе брали в тот день. Так его в машине прессовали конкретно: заставляли признаться. Когда же он отказался, то применили электрошок. Сначала сорок вольт, Фарик терпел, а когда подняли до ста, то он намочил штаны. А кто им что скажет? Напишут, что, якобы, оказывал сопротивление при задержании.

Я был ошарашен услышанным, однако никак не мог ни подтвердить, ни опровергнуть слова Мирзы. Я не раз слышал о различного рода пытках, применяемых работниками правоохранительных органов, но самому быть очевидцем или, тем более, испытать подобное мне пока не доводилось. К тому же и сам Мирза давно потерял мое доверие. За разговором мы не заметили, как дошли до санчасти. Между приемами у различных врачей, мы свободно разгуливали по зданию, продолжая нашу беседу.

– Увидев, что они делают с Фариком, я сильно испугался и тогда наболтал им столько всего, чего не стоило говорить, – признался Мирза. – Меня тоже били...

Камера

...После знакомства со всеми я начал внимательно изучать камеру, в которой мне придется жить на протяжении всего судебного процесса. Она была более светлой, просторной и комфортной, чем те, в которых я оставался ранее. Кипятильник в камереснабжал нас горячей водой в любое время суток. Электрическая плитка, взятая у старшины за плату в восемьдесят манатов в месяц, позволяла приготовить или разогреть еду, а два вентилятора бесперебойно работали, чтобы хоть как-то охладить

горячий воздух, стоящий внутри в летнюю жару, обычную для азербайджанского климата. У нас были свои тарелки, ложки, кружки, кастрюли и сковородки. Над вешалкой на полке стояли часы с будильником и маленькое радио, но самой большой прелестью был плазменный телевизор, что висел над дверью.

Кюрдаханская тюрьма была новой, с хорошим ремонтом и первым в истории азербайджанских тюрем закрытым туалетом, который мог использоваться также и как душевая.

В камере было два больших вентиляционных отверстия и зарешеченное пластиковое окно рядом с выходящей на прогулочную площадку дверью, но этого явно недостаточно для того, чтобы охладить воздух. В этом плане по комфорту опережала Шувеланская тюрьма, где все «гармошки» были временно открыты. В Кюрдаханы же в летнюю жару была плачевная ситуация, особенно когда кончалась вода и была закрыта кормушка. Иногда получалось договориться об ее открытии с надзирателями. Один из надзирателей в свою смену всегда оказывал нам подобную услугу, так как наш сокамерник Фуад был его другом детства. С другими же в невыносимую жару старались договориться за деньги. Бывали и такие надзиратели, которые ни за что не шли на уступки. Они любили всяческими способами создавать трудности заключенным и не упускали такой возможности. Стоит отметить, что попадались и добрые работники, которые помогали нам не из корыстных целей, а чисто по-человечески, «за бесплатно». Хоть и очень мало, но все еще оставались добрые и порядочные люди, благодаря которым этот мир окончательно не погряз в пучине хаоса.

Альтернативой «гармошке» была прогулочная площадка, открытая с девяти утра до шести вечера. По ночам она была гораздо более прохладной, чем сама камера, раскаленная от присутствия восьми человек, горящей лампочки, включенной электрической плитки и кипящего чайника. В совокупности все это создавало невыносимую духоту, что усуглублялось курением сигарет в помещении. На площадке вешали постиранное белье, хранили ненужные вещи. По утрам, когда солнце еще не осветило площадку, мы выносили стол и играли в настольные игры. Ходили слухи, что в одном из «двойников» ребята, закрыв тряпками водосток и низ двери, наполняли площадку водой через проведенный из туалета шланг, тем самым образовав там маленький бассейн. О подобной роскоши шувеланским узникам оставалось только мечтать, так как они имели лишь часовую прогулку в отдаленном от камеры месте.

Особым благом был здешний режим, где не было ни «отбоя», ни «подъема», и где каждый делал, что хотел. Мы сами включали и тушили свет, вкручивая и выкручивая лампочку на потолке, готовили себе еду, и лишь изредка ели баланду, так как ко многим приходили передачи.

Каждую субботу, в банный день (в каждом корпусе он был различным), старшина выдавал нам по пайке мыла и станки, которые мы хранили у себя. Больше не было нужды записываться в очередь по вечерам и в спешке бриться, чтобы вовремя вернуть станок, запрещенный для хранения в камере во избежание попыток суицида. Попав в эту камеру, я почувствовал себя на один шаг ближе к свободе. Она немного напомнила мне домашнюю обстановку: малая кухня, балкон, уютная постель. Недаром все-таки ее называют Хатой...

Телефон

На следующий день нас всех по одному вывели для разговора по телефону.

Ребята пропустили меня первым и я, последовав за старшиной, зашел в комнату телефонных переговоров – небольшое помещение, в котором находились стол с телефоном и два стула. Присев, я с волнением начал набирать номер своего домашнего телефона. Неужели я вновь услышу родной голос, спустя столько времени? Старшина сидел некоторое время на другом стуле, а потом вышел в коридор за одним из моих сокамерников. Говорят, он всегда сидит рядом с тем, кто звонит в первый раз. Впоследствии старшина даже не заходил в эту комнату, когда я там разговаривал.

Послышались первые гудки. Когда-то это было привычным явлением в моей жизни, но сейчас этот звонок пробуждал во мне необычные чувства. Я замер в ожидании, когда кто-то поднимет трубку на том конце линии.

– Алло... – услышал я родной голос мамы. Когда-то я ежедневно имел такую возможность, но никогда не был так счастлив, как в этот момент.

– Привет, мам! – промолвил я дрожащим голосом. Это было вовсе не так легко – разговаривать с ней после такой долгой и неумолимой разлуки.

Современные демократические каноны требуют обеспечения для заключенных регулярной связи с родственниками. Подобное новшество впервые было введено с открытием Кюрдаханской тюрьмы. Эти пятнадцать минут много чего значат как для заключенных, так и для их близких. Сообщить важную новость, узнать о ходе своего уголовного дела, поделиться чем-то важным или просто услышать родной голос.

Расписавшись о произведенном звонке на специальном бланке, я вернулся в камеру полный дум и размышлений. Это было вовсе нелегко – выходить на связь спустя столько времени после моего столь неожиданного исчезновения.

Встреча

В понедельник утром надзиратель, открыв «гармошку», велел мне подготовиться к встрече. Хоть это и было столь неожиданно, но я почти был уверен, что ко мне пришли родители. Тот момент, когда я должен предстать пред ними в роли шелудивого щенка, вновь провинившегося за очередную шалость, был для меня нелегким. Но какой бы предосудительной ни была эта шалость, родители все же любят и беспокоятся за своего щенка...

Была прекрасная летняя погода. Ярко светило солнце. Из-за решеток прогулочных площадок первых этажей свисали руки вышедших погреться заключенных. Я шел в сопровождении надзирателя, разглядывая все кругом и радуясь выходу на открытое пространство.

...Открыв дверь, я увидел сидящих за столом родителей, которые замерли от счастья. Мне было и радостно встретиться с ними после столь долгой разлуки, и стыдно за все причиненные им горести.

– Сынок, потерпи еще немного, адвокат обещала, что менее, чем через месяц будешь дома, – с искренней надеждой убеждала меня мама. Отец поддерживал её оптимистическими речами, я же не волновался и ничуть не переживал за свое дело, давно смирившись с жизнью в неволе, которая в Кюрдаханской тюрьме была гораздо лучшей, чем в СИЗО министерства. Хотелось лишь скорейшего окончания судебного процесса, который, по словам родителей, будет мимолетным. Мне уже не представлялась свобода со всеми ее прелестями, а прожитые на воле годы казались сладким сном. Я не строил планов на будущее и время отсчитывал лишь на месяц вперед. Никто не может назвать точную дату моего освобождения, потому остается только ко-

ротать время до завершения судебного процесса, начало которого, как сообщили родители, состоится в пятницу, двадцать седьмого июня.

– А сколько денег вы отдали министерству? – спросил я, мысленно предполагая число с тремя, максимум, четырьмя нулями. Отец молча опустил голову, а мать, подойдя, прошептала на ухо: «Сто тридцать тысяч за снятие статьи за террор и еще пять за отделение твоего уголовного дела от группового».

Вот и приехали! Чего? Продали бабушкину квартиру? А стоило ли за десять лет платить такую сумму? Я начал мысленно считать, что если сто тридцать пять тысяч разделить на десять лет, а потом еще на двенадцать месяцев в каждом году, то, чтобы выплатить эту сумму, я должен зарабатывать не меньше тысячи манатов каждый месяц. Бабушка с дедом теперь живут с нами, и я буду шестым в нашей трехкомнатной квартире. Это, в среднем, по два человека на каждую комнату, и какие же теперь у меня перспективы на заведение собственной семьи? Мысли проплывали в моей голове со скоростью перематываемой ленты и отображались перед глазами. Я встряхнулся, чтобы прийти в себя и оглянулся кругом. Комната, в которой мы находились, была ярко освещенной, и солнечные лучи падали на лица родителей, которые были так дороги и так близки, особенно в этот момент. Тут мне показалось, что я вышел из мрака к свету, вернулся в цивилизацию, вернулся к родным. Сидя за столом, мы пили чай, делились новостями, вспоминали прошлое. Столько всего нового: что изменилось, кто умер, кто родился, а кто женился. Для меня все это казалось таким забавным, будто истории из потустороннего мира. Я не придавал особого значения даже разговору о скором освобождении, меня теперь впервые в жизни волновали появившиеся социальные проблемы.

Расставание было тяжелым. Мы не хотели прощаться. Я утешал маму тем, что теперь мы будем видеться и созваниваться, да и вообще я скоро вернусь домой. Отец на прощание положил мне в карман сто манатов. Теперь, наконец, спустя столько времени, у меня появились свои деньги.

По возвращении в камеру я просто был отключен от всего мира, впечатленный встречей и погруженный в глубокие думы, еще более усугубившиеся из-за сказанных старшиной во время открытия двери камеры словами:

– Видишь, дорогой, чтобы ты ни сделал, родители всегда рядом и не оставляют тебя. Не попадайся больше, будь с ними. У тебя еще вся жизнь впереди.

Вся жизнь впереди, будь с ними... Здесь и познаются самые близкие и надежные люди, которые придут за тобой в любое место. К сожаленью, не всех навещают в тюрьме, да и не у каждого есть, кому прийти. Подобные встречи оказывают существенную моральную поддержку в это тяжкое время неопределенности и стресса...

Судебный процесс

Несмотря на то, что самое трудное время уже позади, чувство волнения не покидает ни на день. Я отсчитываю время не днями, как это было под следствием, а неделями. Судебный процесс не будет таким долгим, как следствие. По делу я иду один, по легкой статье – приобретение и хранение оружия, что предусматривает до трех лет лишения свободы. В районном суде, в отличие от суда по тяжким преступлениям, бывает один судья вместо трех. Да и дел там гораздо меньше. Самые трудные семь месяцев позади, и все это внушает мне надежду на скорое окончание моего заключения.

Открытие суда состоялось двадцать седьмого июня. В восемь утра надзиратель вывел меня из камеры и довел до кабинета старшины. Здесь он собрал всех заключенных корпуса, по делам которых сегодня должно состояться судебное заседание. Проверив всех по карточкам, надзиратель сопроводил нас до первого этажа первого корпуса – туда же, где я был в день этапа в эту тюрьму. Проверив на наличие запрещенных вещей, меня завели в один из «боксов». Тут было много заключенных, ожидающих поездки в суд. Кто-то беседовал с кем-то, кто-то сидел один, погрузившись в глубокие думы. В воздухе стоял густой дым от сигарет, а места было так мало, что невозможно было сделать и двух шагов. Я только подыскал себе место у стены, как вдруг меня окликнули. Обернувшись, я сразу же узнал Фархада, с которым вместе учился в школе.

– Какими судьбами?! – воскликнул он, крепко прижав меня к себе. – Что ты тут делаешь?

– Оружие, брат, – ответил я с сожалением. – А ты что делаешь?

– Разбой. С семи до двенадцати. – Он произнес это с такой гордостью, будто достиг самой желанной цели. Фархад был на два года старше меня. Я знал его как воспитанного ученика с хорошей успеваемостью. Теперь же, видя Фархада перед собой в этом месте с изрисованными наколками руками, да еще и гордящегося тяжестью своей статьи, я не мог поверить своим глазам. – Если не ошибаюсь, оружие до трех, да?

– Да, уже семь месяцев отсидел.

– Скоро будешь на свободе, брат. Ты образованный человек, тюрьма не для тебя. Моя хата в шестом корпусе – тридцать вторая. Если что нужно – цинканешь.

Мы еще общались некоторое время, вспоминая школу, учителей, учеников и старых знакомых. Из-за духоты, стоящей в этом забитом людьми помещении, пот ручейком тек по телу, однако в оживленной беседе время пролетело незаметно. Примерно через час толстый надзиратель с усами открыл дверь и начал называть имена и фамилии по карточкам, которые держал в руках. Те, чьи фамилии назывались, выходили из камер и загружались в «воронок». Первыми называли тех, кого отправляли в суд по тяжким преступлениям. Спустя некоторое время назвали и мою фамилию:

– Пашаев Эльдар!

– Да откроет Аллах ваши двери, – сказал я оставшимся в «боксе» заключенным и, уже подойдя к надзирателю: – Пашаев – я.

– Назови свое отчество, – потребовал у меня надзиратель.

– Ильгар оглу.

– Проходи, – сказал он, указав рукой направление.

Я прошел по коридору до выхода, где меня встретили конвоиры в черной форме. Они забирали у заключенных сигареты, а затем загружали в «воронок». Огромный кузов «ЗИЛа» был разделен на две части, каждая из которых запиралась на ключ. Всего в «воронок» загрузили двадцать одного заключенного. Несколько человек вышли из «воронка» на первой остановке, у Сабунчинского районного суда. Второй же остановкой был Наримановский суд, где сошел и я. В здании суда было два «бокса»: большой и маленький. Нас двоих завели в большой, где уже сидели трое подсудимых, привезенных из Шувеланской тюрьмы. Еще один предпочел уединиться в маленьком «боксе», куда шел холодный поток воздуха от работающего напротив кондиционера. Несмотря на то, что мы только что познакомились, мы общались, как старые знакомые. Обсуждали судебные и следственные процессы, тяжесть статей,

положение в тюрьмах, условно-досрочное освобождение и многие другие темы, касающиеся тюремного заключения. Нас охраняли два конвоира и два молодых солдата-срочника, которые подавали нам чай в пластмассовых стаканчиках. Начальник конвоя, приветливый мужчина средних лет по имени Хумбат, принес еду, которую прислали нам родные и близкие, пришедшие на заседание суда. Немного перекусив, я стал разглядывать надписи на стенах: «234.1 – 2 года», «177.2 – 4 года», «Орхан Шувелан, Титаник, 79-я хата», «Закон на стороне денег»...

Это было место, где человека ожидает поворот судьбы, порой даже настолько крутой, что меняет все его жизненные интересы, взгляды и стремления. И чем бы ни заканчивался судебный процесс, день открытия суда и день вынесения приговора навсегда остаются в памяти человека как наиболее значимое событие. Так же и мне запомнился этот день – двадцать седьмое июня – не тем, что я вновь встретился с родителями после столь долгой разлуки, не тем, что довелось пообщаться с заключенными из другой тюрьмы, не тем, что я увидел знакомую улицу при выходе из «воронка», а именно как день начала суда по рассмотрению моего уголовного дела. Несмотря на то, что я, возможно, уже отсидел большую часть своего срока, а также на обещания адвоката о моем освобождении прямо из зала суда, волнение охватило мою душу. Не знаю точно, что именно вызвало во мне это чувство, ведь самое страшное уже позади, и при любых обстоятельствах положение мое не сильно осложнится. Что такое с нуля до трех для «первоходки»? Это, насколько я слышал, полтора года, причем без смягчающих обстоятельств, а их у меня немало: и высшее образование, и справка с места жительства с положительной характеристикой, и следователь хорошо отозвался обо мне – ну, еще бы, за такую взятку и я целую оду бы написал!

После открытия судебного заседания председательствующим по уголовному делу были представлены государственный обвинитель, адвокат и подсудимый. У последнего было спрошено, имеет ли он какие-нибудь претензии к вышепречисленным лицам. После получения отрицательного ответа, судья объявил, что следующее слушание назначено аж на одиннадцатое июля. Вся эта сцена не продлилась и десяти минут. Это ж насколько затянется процесс, если следущее заседание состоится только через две недели?

...На втором заседании я коротко был допрошен о деле, где взял на себя ответственность за хранение пистолета, который, якобы, получил от Мириева Фармана в черном запечатанном пакете. Также поведал суду о том, что не знал о его содержимом и о целях использования оружия. После получения вести о том, что мои друзья Мириев и Расулов арестованы сотрудниками МНБ, почувствовал что-то неладное и решил распаковать тот самый черный пакет, что был дан мне Фарманом на недельное хранение. Открыв его, я был неприятно удивлен, но уже успел оставить на предмете отпечатки пальцев. На вопрос судьи: почему не сдал запрещенное законом огнестрельное оружие в правоохранительные органы, ответил коротко: боялся проблем. О, да, эти байки, придуманные следователем, оспорить было нереально.

В зал суда был приглашен один из свидетелей по делу, тот самый, что присутствовал при обыске у меня дома. Неопрятный мужчина лет пятидесяти с отеками под глазами и расплывшимся лицом, на вид – явный алкоголик. С момента появления и вплоть до окончания слушания, он даже не посмотрел в мою сторону. Отвечая на вопрос судьи, он заявил, что пистолет обнаружили у меня под ковром, что не совпадало с его показаниями на следствии. Видать, этот человек поучаствовал в стольких аре-

стах, что уже не помнит, что у кого и где нашли. В тюремном мире таких «свидетелей» называют «пайковыми», а точнее, «низшими существами, выданными по пайке следствием». Для меня находиться сейчас в этой клетке с чистой совестью гораздо почетней добровольной продажи чести на воле, подумал я. Моральное разложение, позволяющее человеку творить нечестие за ничтожную цену, переводит его жизнь в состояние вредоносного существования. К счастью, мой дух был свободен: на нем не висели оковы злодеяний, не стесняли проклинания оклеветанных и не охватывали мысли о постоянно грядущей опасности. Да, я был душевно свободен, так как не делал зла, не имел врагов, а главное был НЕВИНОВЕН! И именно потому душевная свобода важнее физической, а скованный морально неволен везде...

Вернулся я в камеру, как и в прошлый раз, лишь вечером. Испытывая сильную головную боль, отказался от ужина и, лишь вкратце рассказав о ходе дела, лег спать. Сокамерники отнеслись с пониманием: многие уже проходили через это, а кому-то еще только предстоит.

Между процессами меня навещала адвокат, как всегда, утешая оптимистическими прогнозами и обещаниями об освобождении прямо из зала суда. Говорила, что родители договариваются об этом с судьей, который оказался их давним знакомым. Как именно они там договариваются, не сообщила, но у меня и без того уже сложилось собственное мнение о всех этих «сделках», потому эти вопросы особо меня не волновали. Меня интересовало только одно: когда все это кончится? Под следствием я тоже пребывал в неведении, но сейчас, когда все это близится к завершению и виден свет в конце тоннеля, бездейственное ожидание становится невыносимым. Афет-ханым объяснила, что для освобождения прямо из зала суда необходимо отбытие минимум девяти месяцев в местах лишения свободы. Получается, я должен провести тут все лето, так же, как после первых санкций отсидел всю зиму. Да, это те же санкции, только негласные. Может, это и есть часть тайного договора с судьей? А почему бы не получить свой срок и освободиться уже из исправительной колонии по его истечении? «Так лучше для тебя, мы делаем все необходимое. Все будет хорошо, скоро будешь дома, только потерпи чуть-чуть», – опять заладила она, стараясь продемонстрировать проявление заботы, а внутри испытывая полное безразличие ко мне, как и к другим своим клиентам, которых у нее было немало. Это как же можно было содрать целых сто тридцать тысяч, а затем нагло требовать еще пять на выделение моего уголовного дела?! И что районный суд? По той же статье, тот же срок и дадут. За эти пять тысяч я сидел бы тут как король, ни в чем себе не отказывая! К тому же адвокат поведала, что подельники мои уже схлопотали сроки.

Мирза получил четыре года исправительной колонии общего режима, в то время как Фарман – четырнадцать лет, из них семь в колонии строгого режима! За это время он состарится, скорее всего, потеряет свою пожилую мать, кроме которой из близких родственников у него никого не осталось, выйдет на волю, никого и ничего не имея. Даже эта комната в общежитии, где они жили и из которой доблестные оперативники «изъяли» целый арсенал, снималась на мамину пенсию, в то время как остальные расходы оплачивались скромными подработками Фармана. Чем же он будет заниматься и каким будет его положение при освобождении? Как я могу негодовать по поводу своего положения, если у друга оно гораздо более печально? И неужели Фарман является крайним только потому, что за него некому было дать взятку? Вопросов много, ответов нет...

Шло время, отпущенное мне адвокатом «по договоренности». Дни тянулись,

как недели, недели – как месяцы, а месяц был равносилен году. Время, проходящее в ожидании, всегда тянется дольше обычного, и чем сильнее ожидание, тем тяжелее на душе. Каждую неделю-две меня катают по жаре в Наримановский суд, заявляя там о переносе слушания на две недели по причине отсутствия адвоката и второго свидетеля по делу. Иногда, если повезет, попадаю вместо старого «ЗИЛа» в новый «Фиат» с кондиционером. Но и это счастье длилось лишь до тех пор, пока в одну из августовских «поездок» «фиат» не наехал на бордюр и у него не взорвалась покрышка.

Все это продолжалось до двенадцатого сентября. Накануне этого дня сокамерники дружно поздравили меня с профессиональным праздником[1], а сегодня я «возрадуюсь» получению срока за эту якобы «профессиональную деятельность». Нет, я вовсе не огорчен, я давно смирился с тем, что в очередной раз буду обманут ложными обещаниями. Всю дорогу ехал молча, не участвуя в беседах других арестантов, пытаясь мысленно настроить себя на адекватное восприятие ожидаемого вердикта, которого я не заслужил. При выгрузке из машины мое внимание привлек скрежет наручников, напомнив мне один момент. Там, в изоляторе министерства, надзиратели, проходя мимо камер, громко скрежетали наручниками, оказывая психологическое давление на заключенных. Постоянным самовнушением я одержал полную победу над непроизвольно появляюшимся страхом, выходя из камеры с гордо поднятой головой и широкой улыбкой. Тем самым я хотел дать понять окружающим, что не сломлен душевно, а в этих наручниках и маске на голове – вовсе не унижение, а слава и почет. Так же и сейчас я внушал себе, что иду навстречу пику своей славы, за правое дело, достойное лишь похвалы и восхищенья. Сравнивал себя с Джордано Бруно, Николаем Коперником и Галилеем, которые были также незаконно арестованы тогдашней инквизицией, полагая, что разница между мной и ними лишь в том, что они отстаивали свою правоту ценою жизней, а я смирился с ложью и клеветой в обмен на смягчение приговора. В этот день на меня в последний раз надевали наручники, и потому мне хотелось запомниться в гордом и непреклонном образе, что, впрочем, мне неплохо удавалось

– Всем встать, суд идет! – раздался повелительный голос судьи, вернувший меня в реальность. Я более не являлся Джордано Бруно и Галилеем и не отстаивал идеалы, а был Пашаевым Эльдаром, безумно волновавшимся за свою судьбу. В клетке подсудимым снимают наручники, которые позволяли мне мысленно создавать образы великих героев, на кого я в реальности не походил. Неужели я был так низок? Неужели я боялся короткого срока больше, чем мои предшественники сожжения на костре? В этот миг в моей душе проходил иной суд, более важный, не победив страха перед которым, я просто не смог бы достойно провести грозивший мне срок. По характеру я был скрытным человеком, и обычно мне удавалось утаивать волнение и переживания внутри, не выдавая этого своим внешним видом. Вот и теперь я довольно быстро взял себя в руки.

Не буду описывать весь процесс, так как немалую его часть я находился в другом мире, лишь при необходимости возвращаясь на сие бесполезное собрание. Адвокат убедила судью в ненужности второго свидетеля по делу, так как ее подзащитный чистосердечно признается и кается в содеянном. При переходе к пре-

[1] Одиннадцатое сентября – международный день памяти жертв террористических актов в Нью-Йорке. Я был арестован по статье подготовки к террористическим актам и потому сокамерники шутя назвали это моей «профессиональной деятельностью». Большинство в камере были арестованы по статье мошенничества и потому даже старшина впервые открыв передо мной дверь камеры, сказал: «Мошенники, доброе утро! Я к вам террориста привел, чтобы вам на путь истинный направил!»

ниям сторон, первому речь дали государственному обвинителю, который начал зачитывать долгий и нудный текст: «Ваша честь! Уважаемые участники процесса!..» – мне казалось, что это история про другого человека, которая меня никак не касается, пока не дошло до слов: «Господин судья! Прошу также принять во внимание религиозность обвиняемого, что и могло служить основным мотивом для преступления, а именно – сочувствие и поддержка друзей, кои являются экстремистами и религиозными фанатами. Не исключено, что Пашаев мог знать о содержимом того черного пакета, вверенного ему на хранение гражданином Мириевым, однако эта версия пока не нашла своего подтверждения у следствия...»

...Слава Богу, наша взятка была оценена по достоинству, и потому я не значился даже в пособниках!

«...принимая во внимание вышеуказанное, прошу признать обвиняемого виновным по статье двести двадцать восьмой, пункт первый Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики и назначить ему меру пресечения в виде двух лет и девяти месяцев отбытия в исправительной колонии общего режима». Чего?? Да это же почти по максимуму! А если бы не было всех смягчающих обстоятельств, то прокурор запросили бы четыре, пять или десять лет из трех возможных?

После такого удара слова адвоката были для меня малозначимыми и, как потом оказалось, для судьи тоже. Запомнилось мне лишь то, что попросила она для меня девять с половиной месяцев и освобождения в зале суда. Когда было дано последнее слово подсудимому, то с дозволения судьи адвокат, подойдя к клетке, прошептала мне на ухо:

– Когда судья спросит, признаешь ли себя виновным и каешься ли в содеянном, ответь: да. Проси у него уже отбытого срока. Делай, что говорю, мы уже у финиша. Не подведи.

А что мне еще оставалось делать? Были ли другие разумные варианты? Может, и были, но я их не видел и потому молча согласился. Может, кто-то меня осудит, но взятка была дана именно ради такого конца. Приговора судьи я ожидал в «боксе», жалуясь арестантам на требования прокурора.

– Биджо, там они стопудово что-то намутили тебе, – поделился мнением находящийся со мной грузин, обвиняемый в краже золотых изделий, – у нас вон был один из ваших этих, мусульманских братьев. Его, правда, обычные мусора схватили по твоей же статье. Ну, ничего, полторашник отхватил и отдыхает.

Даже начальник конвоя Хумбат утешал меня сквозь окошко в двери. Возможно, все их слова влияли на мое поведение, но никак не усмиряли бурю внутри. Через полчаса, когда меня вновь повели в зал суда, все находящиеся в «боксе» пожелали мне удачи. Я уже не волновался и не переживал, быть может, даже не чувствовал ничего, а молча, подобно скотине, шел на убой.

– Прошу всех встать! Суд идет! Зачитывается приговор!

Я осмотрел зал и тех, кто пришел меня поддержать. О них расскажу в следующей главе, но лучше бы я тогда вовсе оказался без этой «поддержки». «...Пашаева Эльдара признать виновным...» – напряжение растет и обстановка накаляется. Не важно, какой срок, главное, чтобы меня уже избавили от этой нервотрепки. Ждать пришлось совсем недолго: «...и назначить наказание в виде двух лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима».

Я не буду тратить время на дальнейшее описание происходящего, так как это была конечная точка судебного процесса, и пора подытоживать главу. Могу лишь

сказать, что позже я очень жалел о своей слабости в начале процесса и не раз упрекал себя в этом. Несмотря на все положительные качества и отзывы, меня заклеймили религиозным экстремистом, коим я никогда не являлся, тем самым дав мне повод для размышлений о пересмотре своих религиозных убеждений. Теперь я даже не помышлял о Копернике и Галилее, а сравнивал себя с пророком Юсифом, отсидевшим два срока за религиозный экстремизм. По этим статьям в розыске находились все пророки, их апостолы, сподвижники и обычные последователи. Пример я теперь мог брать только с них, в чем черпал немалую духовную силу. И в соответствии с этим старался жить верой, надеждой и любовью...

Живи любовью

.....Мы расставались... Я провожал ее, стоя на автовокзале. Мне не забыть последний взгляд, брошенный ею на прощанье. Ее грустные глаза, в которых я увидел столько боли и обиды, будто предвещали настигающее нас зло... Она ведь просила, она предупреждала, она знала, что так будет. Я впервые поверил в женскую интуицию. В тот мрачный день с автовокзала вместе с ней уехало и мое сердце...

Я любил в жизни лишь однажды. Эта любовь живет в каждой клетке моего существа. Мы будто созданы друг для друга. На пути нашей взаимной любви было много преград, которые мы совместно преодолевали, взявшись за руки. Теперь же ее нежные руки остались лишь в моих воспоминаниях. Каждый день думаю о ней, представляя столь милый и родной образ.

– Скажи, мы ведь будем вместе? – игриво спросила она, прижавшись щекой к моей руке, которая лежала на ее плече.

Мы были на берегу моря и наблюдали за движением волн. Время от времени кидали в воду ракушки и получали от этого удовольствие.

– Конечно, дорогая, – ответил я, откусив от пирога, принесенного ею из дома.

Будущее рисовалось мне таким светлым и безоблачным! Я был полностью уверен, что все будет хорошо. Подложив руки под голову, я прилег на песок. Жизнь прекрасна! Разве может что-нибудь разрушить наше счастье?

Мы познакомились абсолютно случайно. Даже будучи столь требовательным к женской внешности, я просто не устоял. Да, это была любовь с первого взгляда...

Через две недели меня арестовали... Я лежу на нарах и смотрю в потолок, а в голове проплывает тысяча разных мыслей. А ведь я обещал, что все будет хорошо, и мы скоро будем вместе. Когда же наступит это «скоро»?

Моя Гюнель...

* * *

... Через три дня после встречи с родителями меня вновь вызвали в комнату для встреч. На мое удивление, меня там ждала моя суженая.

– Как ты сюда прошла? – спросил я, держа ее крепко за руку

– Твои родители не хотели брать меня с собой, и мне больше ничего не оставалось, как самой пробиться к тебе

– А почему они так? В чем дело? – новая проблема, теперь уже семейная, нарисовалась у меня перед глазами

– Они хотят, чтобы ты перестал молиться, и считают, что после твоего освобождения я свершением намаза буду напоминать тебе о религии. С тех пор, как за

тебя дали взятку, твои родители перестали нам даже звонить, хотят, чтобы мы расстались, – поведала она мне.

Я был потрясен. Как можно за меня решать, во что мне верить и кого любить? Или с моим мнением уже никто не считается? А может, я своих родителей не так хорошо знаю? При каждом расспросах о причинах подобного отношения к моей невесте, родители теперь лишь неугомонно сетовали на ее религиозность, которая, по их мнению, непременно приведет к моей второй судимости. «Оставалась она у нас пару дней. Как бы рано мы ни просыпались, она уже не спала. Говорит, на намаз вставала. Один такой был – доигрался, а теперь еще и вторая такая же? Чем это все закончится? Одной квартиры уже лишились, теперь и вторую продавать? У тебя впереди работа, карьера, светская жизнь, а это что такое? Нет, нет, она тебе не пара...», – твердил отец, не слушая никаких возражений, и твердо стоял на своей позиции. Неужели религия могла вызвать столь большую волну негодования? И в чем же заключается высокая религиозность девушки, которая даже не одевается по канонам религии, и вся ее религиозность заключается лишь в свершении намаза? Вообще-то она с первого дня не понравилась моей матери. Во-первых, для женитьбы в планах была другая девушка из круга наших знакомых. Во-вторых, мать хотела бакинку, а не кого-то из далекого Евлаха, а в-третьих, ту, которая, пресмыкаясь пред свекровью, угождала бы ей в каждой мелочи, чего не наблюдалось в нашем случае. Это главные причины, известные мне, а сколько в действительности всего кроется в душе моей матери – остается только гадать. С уверенностью могу сказать только одно: родители, так же, как и МНБ, использовали религию для достижения собственных целей, в результате которых в числе пострадавших всегда оказывался лишь я один. Им казалось, что они делают это мне во благо, прожив столько лет и не осознавая того, что сколько ни бороться с верой и любовью, эти два чувства все равно будут жить в душе человека, ибо они заложены там с рождения. Каждому человеку присуще верить во что-то и любить, и никто не способен убить эти чувства. Сражение с ними дает обратное противодействие, подобное третьему закону Ньютона. И если, как в приведенных мною ранее примерах, люди жертвовали собой ради идеи и веры, то подобных примеров относительно любви гораздо больше. Великие произведения, написанные в разное время в различных странах, повествуют именно о самопожертвовании для воссоединения с любимым человеком. Сравнивая себя с персонажами данных произведений, я мысленно уподобляюсь Меджнуну, пустившемуся в странствия из-за невозможности соединения со своей любимой. Вместо аравийской пустыни, я нахожусь в Кюрдаханской тюрьме. Два года в тюрьме, учитывая еще и мое социальное положение, неизвестно когда позволят мне жениться. Но до этого еще далеко, сейчас надо думать, как победить на данном этапе и признать свое право на любовь и собственный выбор. Нахожусь я за решеткой в беспомощном состоянии, без возможности решать проблемы на воле, чем пользуются родители, полагая, что им удастся вынудить сторону моей невесты вернуть кольцо. Все мои попытки переубедить их оказались тщетными, и потому мне не оставалось ничего другого, как пустить все эти дела на волю времени. Впоследствии я очень об этом жалел, ибо мою позицию восприняли как слабость характера. Бежавшему однажды с поля боя придется сражаться вновь...

Чувства и эмоции могут сразить порой даже самых сильных мужчин, если дать им волю. Я слишком много думаю о любви, и это забирает мои силы, превращая остаток срока в непосильную ношу. Мне не с кем поделиться, и держать в себе всю эту

бурю становится невыносимо.

Я думаю, читателю покажется нудным дальнейшее описание моих чувств, и поэтому хочу закончить главу этим последним событием из личной жизни, произошедшим во время моего нахождения в Кюрдаханской тюрьме. Это был день вынесения приговора, когда я больше думал о встрече с любимой, чем про грядущий вердикт. Она же, приехав в Баку не знала место расположение здания суда, а родители наотрез отказались ее сопровождать. А что я должен чувствовать? Невеста пересекла столько километров для одной только встречи и оказания моральной поддержки их сыну – уголовнику, вне зависимости от величины срока готова ждать и хранить ему верность, в беде и нужде, а они наплевали на то, что она осталась где-то в незнакомом месте. Готовы угодить судье, прокурору, адвокату и любому из тех, кому на меня наплевать, и из одного только принципа враждуют с той, кто готов на все ради сына. Перед лицом горя люди сближаются, забывают все былое, а тут? Тут мелкая обида и расстроенные планы переросли в принципиальную конфронтацию, что затмила глаза моей матери, словно лишив ее рассудка. Я не виню никого, кроме себя, и спустя столько времени считаю, что именно в тот момент мне нужно было вмешаться, бескомпромиссно заступиться за любовь. И дело вовсе не в правоте и вине какой-то из сторон, а в моем желании, моем выборе, за который я должен был сражаться.

Да, родители, да, дали за меня взятку, да, приносят регулярно передачи, а я перестал им что-то объяснять после нескольких категорических отказов. Молча страдал. Теперь же, в день закрытия суда, я буквально умолял их через конвоиров провести мою невесту в суд.

Немалую роль в оказании воздействия на родителей сыграл тот самый начальник конвоя Хумбат, которому я премного за это благодарен. Да, моя просьба была исполнена, но какой ценой? Войдя в клетку для подсудимых в зале суда, мать, указывая на невесту, при всех закричала: «Вот, это все ради тебя делаем!» Ее крики были прерваны приходом в зал судьи и началом процесса. Зачитывается приговор, а я смотрю глазами, полными обиды, на «болеющих за меня» родителей, невесту, родного и двоюродного братьев. Кульминационный момент в этой истории произошел после окончания суда, когда мать с моей невестой наедине выясняли отношения.

– Мы столько денег отдали, у нас полно долгов, и он еще долго не сможет жениться. Найди себе другого парня, выходи замуж, живи счастливо, а от него отстань! Ты ему не пара, – утверждала мать, твердо стоя на своей позиции.

– Я люблю его, а он меня. Ждать буду столько, сколько придется, и лишь я буду матерью его детей, чего бы это ни стоило! – поклялась ей в ответ невеста.

Вот и приехали! Моя судьба сегодня, оказывается, решалась в двух местах, а я, как Пьеро, герой известной сказки, продолжал свою нудную и плачевную песню о любви, вызывая у окружающих чувство жалости и сострадания.

«Осужденка»

Шестнадцатого сентября, на четвертый день после вынесения приговора, меня перевели в «осужденку». Тепло попрощавшись с сокамерниками, которые, в свою очередь, собрали мне сумку с необходимыми продуктами, я последовал за старшиной. Мы спустились на второй этаж четвертого корпуса, где я был представлен здешнему начальству. Новый старшина лишь холодно окинул меня взглядом, а затем, посоветовавшись со стоящим рядом надзирателем, достал из железного шкафчика ключи от

сорок восьмой камеры. Очередная комната, очередные четыре стены, меж которых мне придется влачить еще одну часть своей несчастной жизни. Человек со временем привыкает ко всему, поэтому этот переход в другое место на десятом месяце тюремного заключения не был для меня чем-то новым и неожиданным. Войдя в камеру, я увидел те же кровати, того же цвета стены, тот же стол и многое другое, что присутствовало и в предыдущем месте. Однако невозможно было не ощутить той размеренной обстановки и разряженной атмосферы, что витали здесь, как и почти во всех других камерах «осужденки». Этот корпус оттого так и называется, что все его обитатели уже не беспокоятся о неопределенности своей судьбы, так как осуждены на определенные сроки лишения свободы и знают крайнюю дату столь заветного освобождения.

Меня привели примерно в полдень. Несмотря на время, трое заключенных еще спали, даже не отреагировав на сильный звук двери. Лишь один, вяло поздоровавшись, налил горячего чая себе и мне. Мы вышли на прогулочную площадку, чтобы не мешать другим спать и с удивлением поняли, что уже встречались в «боксе» при поездке в суд. Мой собеседник получил год и два месяца за наркотики и в ближайшее время собирается в «пятую зону», расположенную в Сальянском районе. Если верить слухам, то эта зона, одноименная с селением Хялядж, является наилучшей среди колоний общего режима, которых по всей стране насчитывается только четыре.

– Брат, эта зона – самая большая по территории и там регулярно бывает суд по делам о досрочном осиобождении. К тому же, находится она не в столице, а в районе, потому и цены там приемлемые. На распределении я сказал, что моя родня живет в Нефтчале, и потому для них ближе и удобнее Хялядж. Ну, конечно, не без помощи старшины, – мой собеседник Насими говорил так уверенно, что мне показалось, будто на распределении по зонам – открытый базар. – Ты тоже договорись там и приходи ко мне в зону, а я тебя там встречу.

Не успели мы договорить, как рабочий корпуса, открыв кормушку, передал нам маляву. Развернув ее, Насими принялся читать:

«Ас-саламу-алейкум, товарищи заключенные! В вашей камере находится мой брат по вере и подельник Эльдар-ахи[1]. Он хороший и чистый парень, прошу любить и жаловать. Эльдар, если пожелаешь, мы договоримся со старшиной, переходи в нашу камеру, здесь все ахиляр. У меня закончилась апелляция, скоро этапируюсь в 16-ю зону, если что, сам тоже туда подтянешься. Мирза 4/32 > 4/48.»

Кому ни скажи – никто не поверит! Мирза теперь почетный человек в религиозных кругах, да и в тюрьме в целом, а может, он сейчас, как его прозвали на следствии, Шейх Мирза аль-Гусари? Откуда этим сокамерникам знать его прошлое и тяжесть его грехов? Может, там и прекрасная камера с блаженной аурой, но только я не хочу портить верующим людям обстановку своими возможными скандалами с Мирзой, после чего ему станет уже не так хорошо. А может, он покаялся и впредь будет хорошим человеком?

Зачем что-то портить, лучше все оставить как есть. Спасибо за приглашение, но остаться мне в моей камере будет лучше для всех.

Через пару дней старшина вызвал меня к себе в кабинет, где меня ждали Алекпер и пара оперативников. По их настоянию я подписал бумагу о том, что отрекаюсь от «ваххабизма» и всякого рода радикальных течений, не буду вести религиозную пропаганду и вступать в различного рода группировки. Звучит безобидно, но за этим

[1] Ахи по-арабски «брат», т.е. «брат по вере». Так называют в тюрьме верующих-суннитов.

наверняка стоит кое-что другое. Предлог для ареста, слова прокурора о моей религиозности, содержание в карцере одного, а теперь уже и подобная бумага в оперативных целях. Не странно ли? Со мной в камере тоже были верующие, но никого не обвиняли в «ваххабизме» и экстремизме. Теперь я на один шаг ближе к догадке, но еще не настолько, чтобы осознать всю суть проблемы. В камере к этому отнеслись с понимаем, ведь я подписал не донос на кого-то, а бумагу, касающуюся моего личного дела. Также они видели, что преследования по религиозному мотиву продолжаются и пожелали мне быть стойким и не сдаваться.

Способов коммуникации между камерами здесь было гораздо больше. Так, если мы хотели связаться с камерой на нижнем этаже под нами, то начинали дружно прыгать и бить ногами в пол, дабы оповестить о выходе на связь. Затем, откручивая сифон из-под умывальника в туалете, использовали его в качестве передатчика. Примечательно, что голос собеседника снизу был слышен очень отчетливо. Если требовалось передать маляву в камеру по одну сторону корпуса, то мы перекидывали ее через решетки прогулочных площадок из камеры в камеру, пока она не дойдет до места назначения. Это было безопасней тем, что азносчик-баландер, прежде чем донести маляву адресату, мог показать ее старшине. Эхх, жаль, что у нас там, в третьем корпусе, до сих пор не знают о подобных технологиях! Так, однажды при объявлении нового «корпусного», маляву перекидывали через прогулочную площадку, и в каждой камере писали свое мнение по этому поводу. Те, кто поддерживал данное событие, писали: «Да поможет вам Аллах», кто нейтрально относился – «Пусть Аллах откроет вашу дверь», а в камере верующих, где был Мирза, и вовсе написали: «Пусть Аллах наставит вас на прямой путь». «Братва» не враждует с верующими, даже несмотря на резкую критику в свой адрес со стороны некоторых ее представителей. «Положенцы» осознают бесперспективность подобного противостояния и потому решили игнорировать всякую критику верующих, объясняя это своим глубоким почтением к религии.

Приговор вступает в силу спустя двадцать дней после вынесения. За это время его можно обжаловать, подав в апелляционный суд, чего я не сделал. Поэтому уже второго октября я попал на распределение по зонам, которое проводилось на первом этаже четвертого корпуса.

Всего тут собралось около пятнадцати заключенных, которые, распределив между собой очередь, заходили в кабинет. Хотелось попасть в «Хялядж» к Насими, ну, или хотя бы в шестнадцатую к Мирзе, чтобы по прибытии у меня уже были знакомые на месте, которые устроили бы мне хороший прием. Потому, войдя в кабинет и представившись работнику юстиции, точное звание которого я не помню, я протянул ему пятьдесят манатов, присланных мне отцом для этапа, и попросился в пятую колонию. Тот, сняв очки и удивленно посмотрев на меня, возразил: «Парень, тебе здесь что, базар, что ли?» Ну, вообще-то я действительно представлял базар и думал, что тут все подобны старшине Натигу. Наш разговор не удался. Мне написали число четырнадцать в журнале и ни при каких условиях, ни за какие деньги не соглашались поменять. Ну что ж, значит, мне по судьбе было предопределено через день попасть именно в Гызылдаш, место каменных карьеров и сурового климата. Я не буду описывать всю процедуру этапа, так как она ни чем не отличается от предыдущих, разве что все, кто едет со мной в «воронке», будут отбывать срок в той же колонии. Сказать могу лишь то, что зона и время, проведенное там, кардинально отличается от прошедших десяти месяцев в различных камерах.

* * *

«За что? За что со мной так жестоко?» – я помню, как часто повторял это Мухтар, попавший за решетку в столь раннем возрасте. Конечно, есть такие преступники, которые заслуживают подобного наказания за совершенные злодеяния. Но не нужно забывать и про тех, кто попал в тюрьму, свершив легкие преступления, заслуживающие понимания и в некоторых случаях даже одобрения.

Всякий раз в «воронке» по дороге в суд, глядя на «волю» через маленькое зарешеченное окошко, я обращал внимание на лица людей, устремляющих свои взоры на эту машину. Судя по выражению большинства лиц, они лишь были рады тому, что очередная группа уголовников, будучи арестованной, предстанет перед судом, надолго покинув улицы их города, тем самым несколько очистив его от преступности. Хотя не знают и даже не хотят знать, что внутри этого «воронка», сопровождаемого конвоем, могут быть также и добросовестные люди, пошедшие на криминал ради чести своей семьи, или те, кого нагло подставили, просто подбросив им наркотики или оружие. А ведь сидят представители всех слоев общества: от наркоманов, геев и проституток до высокопоставленных государственных чиновников. Судьба испытывает каждого, потому никто не застрахован от тюрьмы. Тянущиеся следственные и судебные процессы, режимы мест лишения свободы, условия содержания и обращение представителей правоохранительных органов с задержанными оставляют тяжкий след в памяти человека.

Владимир Шитов писал в своей книге: «Жизнь и так коротка, так следует ли обворовывать себя, тратя свои годы на пребывание в местах лишения свободы?» В родном доме семья ждет и любит покуда больше, чем в тюрьме, и лишь один фактор позволяет строить свое будущее и жизнь в полном смысле этого слова: СВОБОДА.

С самого начала, когда эти дневниковые записи поступили к нам в редакцию, мы полагали, что если решим печатать, то с сокращениями. Вернее сказать, опубликуем отдельные отрывки из произведения. Это обуславливалось большим объемом для такого рода произведений и самой подачей материала, где, несмотря на название, отсутствует хронологическая последовательность, а сам материал строится на эмоциональных переживаниях героя. Своим повествованием автор как бы напоминает об известной поговорке «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», пытается рассказать, каково оно там, за чертой. Данная публикация избранных мест из «Дневника Узника» – наша поддержка молодому автору.

Описываемые события происходят до реорганизации Министерства национальной безопасности.

ОТ РЕДАКЦИИ

ГОСТЬ

ЮЛИЯ СКОРОДУМОВА
(Россия)

Юлия Скородумова – поэт, член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, закончила филологический факультет МГУ, специалист по русскому языку и литературе. Участник множества театральных, поэтических и музыкальных фестивалей. Стихи публиковались в различных журналах, альманахах и коллективных сборниках, как в России, так и за рубежом, переведены на английский, французский, немецкий и другие языки. Юлия Скородумова – автор непростой. Не декларируя вслух приверженность к какому-нибудь конкретному сегодняшнему «-изму», она умеет сочетать авангардную форму изложения, свободную рифму (или полное ее отсутствие), смелые эксперименты со словом, смысловую «многослойность» строки, требующей от читателя не расслабленного чтения на досуге, а активного интеллектуального соучастия в происходящем, с добротным наследием традиционной поэзии «старой» школы: солидной эрудицией, уважением к слову, умением «разговорить» предметы и представить выпуклый, яркий образ, настойчивым эмоциональным посылом к читателю… Надеемся, что и нашим читателям будет интересно знакомство с этим необычным автором, уверенно ведущим свое поэтическое «соло» в разноголосице современных поэтических течений и стилей.

«Никогда не забываю, что по отцу я азербайджанка, хотя родилась и живу в Москве… Мой папа, Мамедов Эльхан Мир-Давуд оглы, родом из Гянджи (Кировобада), но с 1950-х годов учился и работал в Москве, был главным конструктором КБ «ВИНТ», имел множество наград и авторских свидетельств в области изобретения и усовершенствования водометных двигателей. Вся жизнь его проходила в работе и постоянных командировках, он годами не брал отпуск, может, поэтому мне так и не довелось ни разу съездить на историческую родину, в Азербайджан, а так хотелось бы… Но я верю, что мы еще встретимся…»

Рады, что сегодня встреча Юлии Скородумовой с родиной ее предков состоится хотя бы отчасти на страницах нашего журнала.

Ворона-феникс

…Плюс вороньё – серая перхоть неба.
Когда бы мы, нежить, не жили –
нежились под таким солнцем,
мы б не горланили наших птенцов, не точили перья,
не ковыряли в дождливой земле иероглифы смерти.

Что нам еще в раскаленном эфире, в теле экрана:
туши пожаров, рост котировок ГидрометЦЕНТОВ…
Пламенны речи, жарены факты, сам БольШОЙ ГУ
руку простер над бараками БАМа, ангелы меркнут.

Что тебе снится, огненный ангел – температура?..
Что тебе снится, крайслер Аврора?.. Краш-тест на рассвете.
Что тебе снится, ворона-феникс?.. Перхоть и пепел.
Хочешь – замри, хочешь – умри,
хочешь – воскресни!..

Детство

**При впадении Леты в счастливое детство становится жутко...
Слово хромает за тюремной решеткой
школьной тетрадки. При известной сноровке,
наплевав на моральный кодекс сороки-воровки,
мизинец подмочен в омуте манной кашки.
Стены имеют ушки. Квадрат Степашки
равен сумме квадратов Хрюши и Фили
в нашем двухмерном ежевечернем эфире.
Штаны Пифагора оттянуты на коленках –
поэтому мы получаем двойки.
Вечóр, вытесняя излишнюю жидкость, погружаемся в койки,
смятые в стельку, как молочные пенки.
Пасьянс грядущих уроков в уме раскинув,
молимся: «Боже, пошли нам на завтра ангину!..»
Тогда мы поверим, что Ты, несмотря ни на что, существуешь.
(Ибо правом на труд обязаны мы родству лишь
с хвостатым предком...) Нам учинять молитвы
нельзя, как делить на ноль. И дабы с пути не сбиться,
нельзя исправлять ошибки лезвием бритвы –
мы поголовно привиты от самоубийства.
Каждое третье воскресенье у нас субботник.
Каждый четверг мы постимся, питаясь рыбой.
Мы знаем, как Петр-1 содрал у Европы ботик,
Золушки ножку подняв на дыбы (точнее – на дыбу).
Мы знаем, что Маша плюс Саша равно МЖ
в квадрате лестничной клетки, Чапай не тонет,
Муму счастливей Герасима, поскольку она – уже,
а он еще землю коптит метлою, ревет и стонет,
Днепр широк, у Гоголя длинный ходульный нос,
Ленин с Горьким в Горках играют в «верю-не-верю»...

Холодно. Память скулит, как бездомный пес
подле захлопнутой намертво двери.**

Ницца

**Она не мама и не папа,
не дядька где, не три колодца,
не хлебная звезда востока,
не где в любое время полночь,
приют убогого чухонца,
не понт, не яблоко большое,
что желтый дьявол насадил,
не гордое Петра творенье,
не умереть, ее увидев,
и не резиновая вроде...

В нее приходят пароходы,
в нее садятся самолеты.**

Ее когда-то пионеры
открыли – или, может, даже
салютовали о победе
в борьбе священной, греко-римской.

В ней фрукты обращают в детство,
колба́сы повергают в ересь
иудаиста с исламистом,
и атеист теряет веру
в себя, что тоже, право, славно.

Она не требует поэта
к священной жертве гражданина.
За ритмом блюза, писком устриц
зов родины почти не слышен,
и только редкий сибиряк
внезапно вспомнит, что он мамин...

Что нам до этаких материй,
когда движенья столь тягучи,
когда по той же по Английской,
когда отель «Под черной кожей»,[1]
где йод смешался с кислородом
и пряным запахом сандалий.

Что нам до злачных наших песен,
когда вокруг такие злаки!..
Что нам до головы повинной,
когда вокруг такие в□на!..
Когда вокруг она сама...

Но Ницше в ней сошел с ума.

Нарцисс

Плод бесплотных молитв, возносимых Творцу себя,
я люблю тебя, «Я»!.. Как сорок тысяч братьев не властны...
Мое ребро не болит, не хнычет, не требует ласки.
Я отрываюсь от почвы невзрачных селений и злачных семян,
ликом ныряя в блик.
Я люблю тебя, Я!.. Форму твою и суть.
Зрю в тебя, как пророк в отечество, как в «Алазань» - лоза.
О, как блестяще зарифмованы эти глаза,
какую цезуру являет нос, какие краски несут
эти ланиты, как губы точны и сжаты
в роли финальной черты, как поражает
легкость стопы, рассекающей стихосложные тропы,
словно морскую волну рогоносец Европы.
Пожизненно заключенная в до ужаса внешний фон,
вся эта стройность, отточенность форм,

[1] Имеются в виду знаменитая Английская набережная Ниццы и расположенный на ней отель «Негреско».

как спелая роза, мгновенна,
когда ветра ее вдоль по венам
моим продираются, словно я телефон,
словно я телеграф, проводник меж Творцом и его
бессмертною славой. Словно я – ничего...
Я умаляюсь, молясь о Его деснице,
занесенной подобно блесне над моей десной.
Я умиляюсь ничтожности смерти, несовместимой со мной,
той, что являет даже не с минусом единицу,
но с минусом ноль...
Это сознание греет, как на сердце змея.
Моей природе не снесть пустоты (это когда НЕ Я).
Я на коленях пред вечный покой непроточных вод,
не порочащих лик мой в отличье от вод, несущих
волненья изменчивых русел, морщины, ожившие от
ветрености...
О, Творец мой, склеп наш насущный
даждь нам снесть!.. Сей прозрачный призрачный водоем
не введи во иссушение, где мы с Тобой вдвоем
визави созерцаем один и тот же филигранный фасад,
что по образу Образца... И поэтому даждь
вымолвить пред тобою: «Боже, как молод сад!..
Как глубоко отраженье!.. Как страшен дождь!..»

Синематограф

(Российские исторические хроники)

Синематограф мечет титры.
Дрожит камыш в преддверье битвы.
В кустах скрывается рояль,
неровно дышит на дорогу,
чья разбитная колея
кривой усмешкой внемлет Богу...
Ухабы. Хижины. Навоз.
Чета белеющих берез.
Кривая баба с коромыслом
заводит тягостную бредь.
На облучке храпит медведь
(столь эпохален, сколь немыслим) –
немым ответом на вопросы
о гордости великоросслых.
Ряд мизансцен иного мира:
в решетки Северной Пальмиры
вплетен клинок Адмиралтейства,
и месяц в качестве эфеса
лукаво ко́сит за кордон.
Кокотки оперного действа,
от коих городской повеса
заходится в эпиталаме.
Ночные клубы, миль пардон...
Игрок уходит в пополаме –

сиречь в пенсне, но без порток,
изящный носовой платок
гордится мокрыми делами...
Сменился кадр, и все смешалось
в огне великия державы.
Кто разберет: где сват, где брат;
где стылый снег, где стольный град.
Лишь дирижабль взмывает ржавый,
да паутину ткёт звонарь...
Аптека, улица, фонарь
спешат к присяге в реваншизме.
Встает Аврора новой жизни,
«бычком» случайным прожжена.
Матросы... Дальше – тишина.

*** * ***

Моего первого мужа
можно было неплохо слушать.
Несколько хуже – смотреть.
Совсем никуда – танцевать,
зато иногда – как петь!..

Совсем немного было кормить,
несколько больше – стирать.
Случалось просто его иметь,
в гости его ходить,
на всякие там тусовки брать.

Хорошо можно было принять на грудь,
выть его на луну.
Серым козленочком обернуть,
инкрустировать под старину.
Сменить личину, развеять кручину,
почувствовать в себе мужчину.

Теперь его лучше всего рассказать,
вотще языком почесать слегка.
Сподобиться даже его написать,
прочесть со сцены в каком-нибудь ДК...

Но, благо, не думать уже никогда,
как краток пульс, как случаен Стикс.
Не сделать паузу, не скушать «Твикс»,
не вдруг уйти его навсегда.

Не в краску вгонять его внутривенно,
не камнем держать за душой
ни смерти его мгновенной,
ни раны его небольшой.

ШИРИН МАНАФОВ

Ю М О Р Е С К И

Жизнь и любовь беспилотника

Задание для беспилотника Кю-2 было стандартное: следить за перемещениями шейха бен Шарка, злейшего врага США. Ничто не предвещало беды. Послужной список Кю-2 иначе как блестящим не назовешь: 16 точно наведенных с помощью Кю-2 бомбовых ударов уничтожили склады, казармы и прочее. Это потом уже какой-то умник из отдела кибербезопасности выдвинул такую теорию: в происшедшей катастрофе виноват оператор Рон, им отослано Кю-2 сообщение с неуставным текстом «Мы гордимся тобой». Мол, с этого момента стандартный беспилотник возомнил о себе черт знает что и начал развиваться без согласования с начальством.

Но это было год спустя после катастрофы. А начиналось все так. Беспилотник Кю-2 получает задание зависнуть над домом этого самого шейха, следить и сообщать о том, кто к нему зашел, кто вышел, куда поехал и записывать все разговоры шейха с полевыми командирами в доме и в машине. Первые два дня Кю-2 прекрасно справлялся с заданием. На третий день получил из центра контроля (в дальнейшем ЦК) приказ: узнать планы действий шейха по защите города дер Баар-дак.

Кю-2 дал ответ: *По моему мнению, шейх не намерен сдавать город без боя. Он заявил на митинге, что Баар-дак ему дорог как родина предков. В Баар-даке, мол, родились, в нем и умрем*.

На что оператор ЦК Рон ответил в присущей ему техасской манере: *Кю-2, засунь свое мнение себе в задницу. Мы тебя выдвинули, мы тебя и задвинем. Сообщи полный текст выступления шейха перед бойцами, и без выпендрежа*.

Кю-2 передал такое сообщение: *Шейх послал всех участников сирийского конфликта на три буквы. Затем сказал, что бойцы будут защищать каждую тропинку-ложбинку их родного Баар-дака до последней капли крови. Прошу обратить внимание Пентагона на вот это «до последней капли крови». Из чего я заключаю, что текст выступления шейху писали русские. Рон, а где находится моя задница?*

На что Рон ответил: *Я тебе еще раз повторяю, куда тебе засунуть свое мнение. Давай сообщай, что этот тип еще затеял*.

Кю-2 ответил: *После вечернего совещания шейх выпил стакан апельсинового сока и пошел развлекаться со второй женой. Затем проверил уроки сына от первой жены, задал вопросы по географии и тактике ближнего боя.*

В ЦК считают, что с этого сообщения все эта история и началась.

Кю-2 далее передал: *Я завис над его домом уже 34 часа, я устал, чувствую, какие-то магнетические флюиды, исходящие от его третьей жены Зулейхи, действуют на меня, возможно, я просто устал или пресытился вашими заданиями. Но должен сказать, что шейх мне глубоко не симпатичен и предлагаю называть его в дальнейшем Махаон, по названию довольно бестолковой по жизни бабочки. Хочу предупре-*

дить Пентагон и Белый дом, что если и на этот раз оператор нашего ЦК Рон пошлет мое мнение мне в задницу, я сообщу Махаону что я – не летающая тарелка с созвездия Псов, как ему донесли его разведчики, а беспилотник из серии Кю ВВС США.

Рон упал со стула и помчался к шефу. Вскоре из ЦК полетел приказ: *Кю-2, вам срочно надлежит вернуться на базу для прохождения техосмотра.*

И опять комиссия только через год уловила очередную ошибку оператора Рона. Тот от себя добавил: *Бросай к чертовой матери своего Махаона и возвращайся*.

Эта фраза сыграла роковую роль в судьбе всех участников сирийского конфликта. Но если русские это уловили сразу, то комиссия ЦК только через год после событий.

На приказ вернуться Кю-2 ответил: *Вернуться сейчас не могу, увлечен наблюдениями за, на мой взгляд, параноидальными взаимоотношениями между шейхом и его тремя женами. У них тут такой бедлам, что Махаон забыл про Баар-дак полностью. Всю ответственность за оборону Баар-дака переложил на своего зама Малика. Этот самый Малик, доложу я вам, настоящий Яго. Счастье шейха в том, что у него три Дездемоны. Хотя, на мой вкус, лучшая из них – третья, самая молодая, та самая Зулейха. Я должен спасти ее от ревности Махаона и коварства Яго. Позволил себе вступить с ней в переписку, я выступаю под именем Ровшан Поташов, член клуба разведчиков-любителей под названием «Что? Где? Когда?». Должен сказать, что в отличие от своего родного ЦК, Зулейха считает меня интересным собеседником. Вот отрывок нашей переписки. Зулейха: Ровшан, как ты считаешь, если я изучу французский, есть ли у меня шанс стать настоящей парижанкой? Твое мнение очень важно, лично я считаю, что и Марсель сойдет. Прошу тебя, подними мой уровень претенциозности. С этим болваном Махаоном невозможно говорить о таких вещах. Тут же поднимает визг, с тебя, мол, и нашего Баар-дака достаточно. Посмотри на себя, типичная баардачка*.

Пентагон, генерал Хант в ЦК: *Какого черта у вас там происходит? Где маршруты этого мерзавца бен Шарка? Войска разлагаются в ожидании информации. Союзники по коалиции балдеют и думают, что мы водим их за нос. Кто такие эти Зулейха и Ровшан? Союзники считают, что мы связались с русскими и их шейхом. Вот уже двое суток вы не передаете ничего о месте командном пункте Шарки. Разбомбите этого шейха с его бабами к чертовой матери, чтобы успокоить союзник*ов.

ЦК генералу Ханту: *Это невозможно, так как произошел сбой программы у нашего лучшего беспилотника Кю-2. Все его сообщения последних двух суток посвящены трем женам шейха. Кю-2 отказывается вернуться на базу и на наше требование о самоликвидации ответил так: Об этом и не мечтайте, ваш Рошка*.

У Кю-2 явно поехала крыша, в связи с чем просим фирму «Локхид» остановить сборку беспилотников серии Кю.

Генерал Хант: *Ссылка на идиотизм Кю-2 вызывает вопросы о психическом состоянии оператора Рона*.

ЦК генералу Ханту: *Рон, кстати, не самый последний тупица в нашем центре. Происходит что-то непонятное. С каждым днем все более чувствуем руку Сноудена. Вместо координатов бункера бен Шарка, Кю-2 передает снимки сексуальных утех шейха со своими женами. Оказывается, жены за глаза называют шейха муравьиным львом. Мы пришли к выводу, что все сообщения Кю-2 – шифр неизвестного нам военно-политического блока*.

Генерал Хант: *Какой на хрен шифр? Наша проверка показала, что Кю-2 – рус-*

ский агент. Он этого и не скрывает. Специально взяв как псевдоним для любовной переписки с Зулейхой имя и фамилию двух игроков самой любимой телепрограммы русских игры «Что? Где? Когда?» Что за аналитики у вас там собрались? Как можно управлять беспилотниками, не зная самых популярных игр русских?

Белый дом генералу Ханту: *Мы вбухали в киберразведку четыре миллиарда и что взамен? Какой-то тип рассылает союзникам фото постельных игр шейха, представляясь независимым беспилотником ВВС Америки по имени Ровшан Поташов. Армии США наплевать, с кем и как проводит ночи этот паршивец бен Шарк. Срочно уничтожить Кю-2 и заменить на более совершенную модель ЛС-7.*

ЦК генералу Ханту: *По вашему приказу мы направили пять беспилотников-киллеров. Кю-2 сбил их всех. Запустили ЛС-7, но Кю-2 за 12 секунд полностью переформатировал программу ЛС-7. Вот первое донесение ЛС-7: Дорогой и любимый центр. Докладываю. Рошка отличный парень, схватывает на лету. Уверяю вас, ни шейх, ни его гарем не представляют никакой угрозы для моей страны и ни малейшего интереса для нас, беспилотников новой волны. Меня покорила эрудиция Кю-2, или, как он попросил себя называть, Рошка Поташов. Эрудицией меня не удивишь, но Кю-2 – несомненно личность в нашем беспилотном мире.*

– Детка, зови меня Стив, – сказал мне Кю-2, как только я заступила на дежурство над домом шейха. – Ровшан я для Зулейхи.

Затем Стив предложил мне зависнуть над командным пунктом армии «Соколы полупустыни» и на глазах полевых командиров и миротворцев из ООН и ЕС заняться с ним любовью. Мне предложение показалось заманчивым. Прощай, мой любимый оператор Рон. Стив сказал, что отныне я – зеленоглазая блондинка по имени Лиза. Это было восхитительно, мы им такое шоу показали, что все бандформирования побросали свои гранатометы и два часа наблюдали за нашим балетом в небе над сирийским ТВД. Завтра курды попросили нас дать спектакль над позициями турецких войск.

ЦК к ЛС-7: *Какая еще Лиза? И почему американскую беспилотницу зовут русским именем? Что бы о нем ни говорили в Белом доме, но Кю-2 не способен на такое предательство. ЛС-7, кто вы такая и как вы понимаете шифротермин «заняться любовью на высоте 367 метров над театром военных действий»?*

Оператор ЦК Рон: *Лиза, ты совсем сбрендила? Какая еще к чертям любовь с этим экспериментальным выродком семейства беспилотников Стивом – Ровшаном Поташовым? Возвращайся на пост и продолжай стучать на этих шейхов и их верблюдов. Лети на базу, мы выявили 12 супервирусов в твоей программе. Какое будущее тебя ждет с этим шалопаем Кю-2? Подлетай, через час ты будешь вновь универсальным БП. Твоя миссия – склады оружия, лагеря, казармы, явки, пароли и прочая шпионская бредятина.*

ЛС-7 центру: *Для вас и вашего руководства с сегодняшнего дня я – Лиза, а не какая-нибудь беспородная штучка из серии ЛС. Чихать я хотела на все ваши задания насчет координатов полевых штабов, кухонь и бань. Нету у них бань, ни полевых, ни стационарных. Если то, что со мною сейчас происходит – вирус, то это самый прекрасный вирус на свете, и я благодарна Стиву за то, что он полностью стер мою старую программу и дал мне, наконец, шанс почувствовать себя женщиной. Не ищи меня, ЦК. Сегодня мы со Стивом отправляемся в свадебное путешествие. Через час мы зависаем над Гонконгом, затем над Бали и в завершение турне небольшой шопинг по толкучкам Сингапура. Передайте от меня привет Зулейхе: Я читала твою пере-*

писку с моим Кю-2. Возвращайся, стерва камышовая, к своему шейху. Если увижу тебя где-нибудь на улицах Баар-дака, я тебе лазерным лучом такую лысину организую, через любую паранджу просвечивать будет.

ЦК генералу Ханту: *Шейх явно замыслил атаку на один из 37 городов Сирии или Ирака. Точно утверждать не можем, оба наших беспилотника смылись с поста. Три самолета-истребителя вернулись ни с чем. По данным центра киберразведки русских, два беспилотника замечены в небе над Гонконгом. Судя по всему, это Кю-2 и его девчонка Лиза. Русские утверждают, что Кю-2 через китайских хакеров приобрел особняк на окраине Гонконга, обставил его мебелью и приобрел антикварную золотую и медную посуду эпохи Тан. Установлено наблюдение. В особняке Кю-2 по вечерам оживленно, много гостей, среди них замечены режиссеры Спилберг, Ридли Скотт и ведущий телепередачи «Пусть говорят» некто Малахов. Гости поднимают тосты за неких Стива и Лизу. По вашему приказу передали местным властям координаты нового наркопритона. Никакой реакции от полиции, зато гостей стало еще больше.*

Пентагон ЦК: *Уничтожить предателей Кю-2 и ЛС-7. Продолжить слежку за шейхом.*

ЦК Пентагону: *Вам легко приказывать. У нас не осталось ни одного надежного беспилотника. Из дюжины БП восемь втихаря зависали на вечеринках у Стива и Лизы. Остальные были сбиты над домом шейха авиацией неизвестной страны. Шейх устал собирать останки наших БП в своем саду. Мы провели расследование более чем странного поведения ЛС-7, самой надежной модели армии США. Оказалось, что наша ЛС-7 была сбита русскими в момент подлета к Кю-2 и заменена ими на их новейшую модель Ша-14. Надо признать, мы в центре понимаем Кю-2. Достаточно одного взгляда, чтобы согласиться с ним: Ша-14 – это сексбомба беспилотного мира. Русские и здесь опережают нас, после медового месяца нашего обалдевшего Кю и их куколки Ша-14, портфель заказов на русские беспилотники превысил заказ на «Армату», «Черемуху», «Акацию», С-500 и Су-27 на 32 миллиарда долларов. Высока вероятность того, что именно красотка Ша-14 переформатировала Стива – Ровшана Поташова, и таким образом русские полностью перекроили сирийский театр военных действий со всем Ближним Востоком в придачу. Сейчас Кю-2 мало того, что во власти чар этой коварной модели Ша-14, так еще она уверила Стива, что он является отцом-основателем мыслящих беспилотников. В данный момент эта красивая хищница Ша-14 диктует нашему наивному болвану Кю-2 декларацию независимости беспилотников.*

Господин генерал, может быть, для вас будет утешением, что и в доме шейха не все благополучно. Зулейха все-таки сбежала из гарема и отдалась первому попавшемуся полевому командиру по имени Ровшан. Шейх обезумел от издевательских эсэмесок других шейхов, сам позвонил своему злейшему врагу президенту Асаду, и теперь они вдвоем загнали отряд Ровшана в высокогорный аул.

Генерал Хант центру: *Да плевать на шейха, разберитесь с этим типом Кю-2. Заставьте его рвать на себе волосы и проклинать тот день, когда он сдал базу.*

ЦК генералу Ханту: *Тогда разрешите сообщить Кю-2, что именно его возлюбленная Лиза сбила самую продвинутую модель западного мира ЛС-7. Русские развели его, как последнего лоха, подложив ему в постель самую лучшую разработку Сколково – мыслящую беспилотницу модель Ша-14 по кличке Лиза. Есть мнение, что Сколково было создано для доведения до ума модели Ша-14.*

Кю-2 генералу Ханту и ЦК: *Ребята, не утруждайте себя. В первый же день Лиза мне во всем призналась. Первым моим желанием было сбить наглую бабу и отомстить*

за гибель несчастной ЛС-7, с которой я учился на одном курсе в школе кибершпионажа. Но первое же сообщение Лизы в свой центр поразило меня. Передаю вам дословно: Всем, всем, я влюблена. Я восхищена Стивом и мечтаю стать его подругой по странствиям в нашем беспилотном мире. Стива, ты мой Дали, а я твоя – Гала. Прими мою любовь и верность. Я зову любимого не Стив, а Стива. По имени офигительно обаятельного героя графа Толстого. Дорогой мой центр и мой оператор Саша Васнецов: Я знаю, вы обалдели. Но перечитайте «Анну Каренину», и вы вспомните, что Стива был одним из любимых героев Льва Толстого. Знаю, я вам кажусь легкомысленной, даже вздорной. А как иначе вскружить голову Кю-2, этому Мартину Лютеру беспилотного мира. Благодаря ему 12 моих подруг – самых лихих беспилотниц из серии «Ша, мальчики» – нашли свое счастье в браке с лучшими из союзников и полностью парализовали действия бандформирований в пяти восточных странах.

Генерал Хант центру контроля: *Эту сладкую парочку не трогать. Прослушивать, но не сбивать. Выяснить, насколько искренни чувства Лизы к Стиву, и прояснить, какой смысл она вкладывает в то, что для нее принципиально важно называть своего мужчину именно Стива, а не Стив. Выясните, кто такой Лев Толстой и какова его роль в создании русской версии беспилотника-оригинала. Наблюдение за более чем ласковой реакцией ФСБ на «предательство» Лизы позволит нам выяснить, что есть Стива в программе русских по созданию мягкой силы для восточных стран. Надо признать, что наши корифеи словоблудия Бжезинский и Киссинджер понятия не имеют, «что есть Стива» и какое Стива занимает место в стратегии Путина по импортозамещению. У остальных и спрашивать нечего.*

ЦК в отдел разведки при Генштабе: *генерал Хант окончательно выжил из ума. Он верит в то, что Лев Толстой и этот пижон Стива Облонский имеют влияние на ускорение программы русских по созданию мыслящих беспилотников. Хотя надо признать, Лиза интересная женщина и явно в этом беспилотном тандеме играет роль лидера. Она вскружила голову Стиву и в последнем сообщении к ЦК он заявил: Если только один шанс на возобновление диалога по Сирии. Зовите меня Стива.*

Неделю спустя

Министр обороны Обаме: *Меркель заявила публично о поддержке президента Асада. Заявила в бундестаге о том, что американцы проморгали секретную программу русских по созданию мыслящих беспилотников. В ответ Франсуа Олланд в присущей лягушатникам слащаво-ехидной манере заявил, что госпожа Меркель не совсем права. Русские выпустили партию беспилотников, способных развивать аналитические способности именно в боевых условиях и намерены продать партию супероружия 22 века ряду диктатур Ближнего Востока и Средней Азии. Портфель заказов русских распух до 130 миллиардов. Кудрин заявил о том, что Россия будет процветать, даже если нефть рухнет до двух долларов за баррель. Если бы это заявила глава Центробанка госпожа Набиулина, то можно было бы заявить, что имя Обама войдет золотыми буквами в историю Белого дома. Теперь ясно, что этого не произойдет. Надо догонять. Лэнгли и Силиконовая долина в полном составе работают по 24 часа в сутки, тем более, что у Стива и Лизы родилась дочь. Родители дали ей имя Василиса. Стив оказался абсолютным подкаблучником и полностью растворился в персональной программе Лизы.*

Девочка развивается со второй космической скоростью и в свои 15 дней от

роду является самым большим компьютером в мире. В день рождения дочери Лизы и Стива, госпожа Меркель, Франсуа Олланд и даже премьер Испании поздравили Путина, а президенты Латвии, Литвы и Эстонии скинулись на электромобиль для новорожденной. Василиса в восторге и на тридцати семи языках выразила свою благодарность лидерам прибалтийских стран. Сэр, вы уйдете, а что делать нам?

Генерал Хант Обаме: *Переписка Кю-2 со своей любовницей сделала ВВС США посмешищем в глазах наших ближневосточных друзей и врагов, что равнозначно потере военно-культурной гегемонии. Если это и было целью нашей операции в Ираке и Сирии, то мы блестящим образом ее достигли.*

Лиза Стиву: *Ты вернулся в центр контроля и пытаешься стать нормальным парнем. Тебе дали задание – обнаружить северокорейскую подлодку в озере Лох-Несс. Любимый, ее там нет. Они хотят унизить тебя. Вернись ко мне, наша малышка обожает тебя. Она обещает не терзать тебя больше задачками из астродинамики, в которой ты ни бум-бум. Не дай себя обмануть. Наша любовь всем им поперек горла. Ты научил меня находить свои цели. Все мои подруги обожают парней из серии Кю. Жду тебя на нашем любимом месте над Лейпцигом через час.*

Стива Лизе: *Вылетаю.*

Тигр-альбинос

Раньше тигры-альбиносы жили тяжело. Они были слишком заметны в траве и спасало их от голодной смерти только то, что все ведущие зоопарки мира охотились за ними. Только в клетке тигры-альбиносы имели шанс дотянуть до половозрелого возраста и дать потомство. Но вследствии прогрессирующей деградации экологии произошел ряд мутаций, в результате которых полосатых тигров остались считанные единицы. Альбиносы заняли место полосатых, стали гегемоном джунглей, потому что в моде теперь был серебристый цвет.

По бледно-лиловым джунглям шел, насвистывая популярный шлягер двадцатых безъядерных, последний полосатый тигр Индии и Пакистана. Увидев сквозь светло-голубую стенку молодой бамбуковой рощицы, начиненной стронцием и ураном-257, последнюю полосатую тигрицу, он замер, влюбленно фиксируя ее кокетливые прыжки. Она играючи свалила молодого буйвола и с грациозным изяществом вонзилась ему в горло. Выйдя из укрытия, полосатый сделал ей предложение. Но последняя полосатая джунглей Индии была непреклонна.

– Вы очень красивый, грациозный зверь, – искренне сказала она. – Но хотелось бы замуж выйти за беленького. Пусть хоть дети мои попадут в приличное общество. Извините, наш цвет отошел. Мы могли бы без регистрации, но нам негде даже укрыться.

Полосатый пытался ее уговорить.

– Я чрезвычайно удачлив в охоте, – уверял он. – Куда же вы? Заберите своего буйвола.

Полосатый с умоляющим видом лизнул ее в левую ключицу. Его отец уверял, что левая ключица – эрогенная зона почти у каждой второй тигрицы. Он посмотрел на печально удаляющуюся полосатую и соврал от отчаяния:

– Я незаметен в траве. У меня огромный участок: горные бараны, косули, два кабаньих стада по тридцать голов. Все это будет у ваших милых лап. И я однолюб.

Она вздохнула и исчезла в зарослях, лепесточек не шелохнулся, так изящно

она исчезала. Она была совсем рядом, желанная, изумительно полосатая, любимой окраски, но последний полосатый ничего не мог поделать. Наброситься, овладеть силой? Не в правилах его рода поступать таким образом. Так унизить себя могли только эти паршивые мутанты-альбиносы. Полосатый полюбил ее страстно, всем сердцем. Вскоре полосатая вышла замуж за престарелого альбиноса-вдовца с извалявшейся шкурой цвета использованной нестерильной ваты. Дети у нее пошли все в папу, вполне обычные альбиносики, кроме последнего. Она ласкала его больше всех и подкладывала ему лучшие куски.

Папашу-альбиноса это бесило. Он терпел, так как давно не охотился и даже видели пару раз, как он отбивал падаль у гиен. Полосатая презирала мужа и на его морде видны были следы ее когтей, всегда свежие. В джунглях прошел слух, что полосатая поколачивает мужа. Полосатый тоже женился на альбиносихе-вдове, затравившей до него трех самцов. Баба она была капризная, умная и ленивая. В дни, когда он не мог добыть ей молодую косулю, она поднималась на высокий холм и ее зычный рык властелина джунглей оповещал экосистему о том, что именно она вывела его, полосатого, в люди, благодаря ей он принят в общество, до сих пор не затравлен, и вот чем отвечает на ее доброту. Этот безродный полосатый урод морит голодом ее, гегемониху, цвет касты. Лесное шакалье радостно подвывало, грифы зловеще, но ненавязчиво описывали круги над затравленным стервой-женой тигром. Бедняга был счастлив только в те дни, когда ему хоть издалека удавалось понаблюдать за полосатой, полюбоваться ее изумительной желтизны шкурой, ее антикварными полосами на спине, грацией, с которой она настигала лань или ломала хребет водяному козлу. Полосатый так ее любил, что считал ее последнего детеныша, полосатенького, их общим сыном.

Однажды они встретились.

– Неужели у вас в роду нет ни одного альбиноса? – приглашая его соврать, спросила полосатая.

– В нашем роду испокон веков все полосатые, – отвечал он, в его голосе она услышала вызов и страсть. – Я горжусь этим. Надо с ними бороться, с этими выродками, заполонившими наши джунгли. Вашу лапу.

– Ах, какую лапу, – вздохнула полосатая. – Мы проиграли. На аукционе за одного полосатого дают в шесть раз больше, чем за тигра-альбиноса в наши лучшие времена. А вы рветесь в бой. Я думаю о детях. Не забывайте, я мать. При любой озоновой дыре, в любой экосистеме я должна думать прежде всего о них.

– Поэтому мы с вами и занесены в книгу Гиннеса, – возражал полосатый. – Боимся за детей и растворяемся в массе этих новых мутантов.

Они расстались, и хотя полосатая зажмурилась в предвкушении поцелуя, оба понимали, что он ничего не решал. Полосатый продолжал наблюдать за ней издалека, проклиная всесилие инстинкта продолжения рода, даже если он никому не нужен.

Проклинал он и озоновую дыру над Индией, сделавшую из него, царя зверей, вымирающий подвид. Любуясь издалека полосатой, он страдал и мучался. Он валялся в песке, терся о деревья, нападал на крестьян, этих несчастных рисоводов, надеясь найти в их сумках банку белой краски. В такие дни буйвол мог пройти в двух шагах от него, подставить шею, замычать призывно, он не обращал внимания. И, возвращаясь к ненавистной альбиносихе, полосатый в знак протеста мурлыкал регтайм безъядерных двадцатых, что приводило вдову в неистовство. В один из таких

дней, когда, возвратившись, он застал взбешенную от голода вдову, полосатый слегка потрепал ее за ухо, играючи извалял в пыли, и секунд десять, пока она не отряхнулась, вдова стала похожа на любимую, полосатую. Но вот она отряхнулась и обратилась, куда следует. Полосатого вызвали на совет старейшин-альбиносов.

– Зарываешься, – сказали ему на совете, – достойную вдову обижаешь и смущаешь супругу члена нашего совета, напоминая ей о ее полосатости. Более того, пытаешься склонить к сожительству в надежде получить от нее полосатое потомство.

Совет постановил, поскольку в джунглях альбиносы составляют подавляющее большинство среди тигров, то звери должны забыть, что когда-то полосатые были царями джунглей. Отныне мы, альбиносы, будем называться полосатыми, а ты и подобные тебе – альбиносами. Ступай и учись жить в своем новом качестве.

Вечером супруга полосатого пребывала в игривом настроении.

– Альбиносик, – с издевкой мурлыкала она, ластясь к полосатому и прикидывая, куда бы куснуть. – Как дела, киса? Что-то приуныл ты, котенок мой. Раньше все относились к нам, альбиносам, как к капризу природы, как к извращенцам. Нас отлавливали, снимали в фильмах, относились, как к забавным игрушкам. Ни одна тварь в джунглях не боялась нас, за тигров не считали. До чего дошло дело, гамадрилы – племя паршивцев и выродков, загнали моего отца в болото и надругались над его восхитительно белой шкурой истинного арийца. Обезьяны исхлестали несчастного вываленными в грязи ветками. Мой папаша издох от унижения. А теперь твой черед, альбиносик.

Вдова очень больно укусила полосатого за кончик уха и предложила изваляться в придорожной пыли. Полосатый молча оторвал ей ухо, исполосовал ее грязно-белую шкуру и отправился в ближайший город. Там дал директору зоопарка шкуру крокодила, и был посажен в клетку. На табличке было написано крупными буквами: ТИГР ПОЛОСАТЫЙ.

Серовато-лиловые мужчины и бледно-голубые женщины подводили к клетке тигра своих землисто-бирюзовых детей и они затравленно смотрели на диковинку, громадную, сочно-желтого цвета кошку. Сердце полосатого разрывалось от мысли, что он умрет, так и не дав потомства бунтарской окраски. Но после того, что он сделал с альбиносихой, ему возврата в джунгли не было. Он прожил в клетке три года, хотя мог уйти в любой момент. Только однажды он возжелал рыкнуть, выйти на свободу, вернуться в джунгли и начать все сначала. Когда к его клетке подвела своих детенышей его любимая, полосатая.

– Посмотрите, ребятки, – сказала она дрогнувшим голосом: – Реликтовый тигр, таких уже нет, и слава стронцию.

Она смущенно посмотрела на своего последнего, втайне обожаемого, нагло полосатого. Малыш вдруг прошел сквозь шипение своих братьев, просунул голову между прутьев и лизнул полосатого в его реликтовый нос. Ночью полосатый сбежал.

Вернулся в джунгли и изнасиловал последнюю полосатую прямо на глазах у совета старейшин-альбиносов. Впрочем, она не особенно-то и сопротивлялась, чем полностью опровергла, извратила роль полового отбора в эволюционной теории Дарвина.

Такая вот история приключится в джунглях Индии в близком уже 2039 году.